

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ И ПРАВОВЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Измайловъ.

Aimez qu' on vous conseille et non pas qu' on
vous loue.

Boileau. *L' Art poétique.*

ЧАСТЬ XXIX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ МОРСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1825 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛИТСЯ

съ шемъ, чшо бы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предсшавлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для досшавленія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Пешербургъ. Декабря 15 дня, 1824 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

**ДРУЗЬЯМЪ - СОТРУДНИКАМЪ,
ЛЮБИТЕЛЬНИЦАМЪ И ЛЮБИТЕЛЯМЪ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.**

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. № I.

Любимицу Фортуны.

Живи, любимый другъ, и жизнью наслаждайся!

Пей полной чашею и радость и любовь —
Но...нашоящій день лови среди паровъ;
На завтра же не полагайся!

*

Безпечный, въ пишинѣ счастливейшихъ
ночей,
Забывшись понкимъ сномъ въ объятіяхъ
Наины,
Ты видишь въ самомъ снѣ волшебныя кар-
пины
Обманчивыхъ грядущихъ дней!

*

Подъ громомъ музыки, при спукѣ чашъ
здравныхъ,
Любовью упоенъ, ты славишь жребій свой,
Мечтал, что весь вѣкъ изъ ниши золошой
Прядется силой Паркъ коварныхъ!

*

Но не всегда весна цвѣтеть среди луговъ!
Ей осень въ слѣдъ придетъ, и хладною ру-
кою

Погонишь желшый листь шумящею шолпою
По скашу шопкихъ береговъ!

*

Такъ, можешъ бышь, и шы, шы въ осени
своей,
Бѣдой постигнушый, вздохнешъ опъ всѣхъ
забышый,
И слезы пошекушь на впаднїя ланишы
Изъ угасающихъ очей!

*

“Какъ все не вѣчно здѣсь! Я эшо испыталъ!,,
Ты скажешъ въ горести угрюмага мечшанья—
“Увы! зачемъ среди надеждъ очарованья
“Грядущему я довѣрялъ!,,

Иванъ Вороновъ.

mtmtmt

Н. Я. За — у.

Оставь свой шеремъ одинокій,
Ермолку, шуфли и халашъ,
Кое-какъ нарядясь, -накинувъ плащъ широ-
кій,
Приди, сосѣдушка! поспоришь, помечшашъ.
Свои я спранности имѣю:
Я даже и встрѣчашъ по плашью не умѣю
И чшу людей по ихъ дѣламъ,
Не по карманамъ и чинамъ. —

Приди! гошово все: газетны и журналы;
 Вошь Прибавленія, послѣдній Инвалидъ:

Тамъ спѣсны рухнули Ипсары,
 Здѣсь гибнешь пламенный Босарнъ;
 Безспрашный, новый Леонидъ,

И Бейронъ, Греціи пылающей опрада!...

А здѣсь Поезія—вошь логогрифъ, шарада—

Стишки, потести, хороши!

Чшожь медлишь? Поспѣши!

Душисный поданъ чай, бисквишы съ крен-
 делами,

Гишартъ съ блестящими гербами,

Сшамбулки рѣдкія, два дивныхъ чубука—

На нихъ дѣвъ скромная рука

Узоромъ бисеры сложила

И, хипрая, соединила

Съ роскошной розой васильки;

Цвѣшь дышешь жизнью и красошой плѣ-
 няешь,

Но запаха не издаешь:

Такъ пышность взоры ослѣпляешь,

Но сердцу пици не даешь.—

Не злашо намъ, сосѣдъ! блаженство,

Не шумный и блестящій кругъ;

Земнаго счастья совершенство:

Безнужный хлѣбъ и добрый другъ.

Люблю я искренни бесѣды,

Гдѣ лишнихъ не найдешь людей;

Люблю тѣ ужины, обѣды,

Гдѣ попросу все безъ зашѣй.

Люблю я не встрѣчать швейцара съ була-
 вою;
 Люблю, чшобъ мой приѣздъ звонокъ не воз-
 вѣщаль,
 И шишла моего, за шагъ передо мною,
 Блеснщій галуномъ лакей не возглашалъ.
 Люблю я въ хижинѣ смиренной,
 Съ прияшедемъ убишь часокъ;
 Люблю, сосѣдушка любезной,
 Съ побой забравшись въ уголокъ,
 Душею, мыслями дѣлишься,
 Поспорипъ вмѣспѣ, помечтаешь,
 Смотришь, какъ желшый листъ упасть съ
 деревъ спремишься,
 Земную нашу жизнь ему уподобляешь.
 Какъ листъ, все въ мѣрѣ увядаешь,
 Все къ своему концу снѣшишь;
 И насб ужь осень наспигаешь
 И скучною зилой грозишь!
 Такъ спанемъ же, сосѣдъ любезной!
 Конца покойно ожидаешь,
 И путь сей жизни скорошечной,
 Весельемъ чѣшнымъ усѣваешь:
 Въ кругу приятельскомъ, съ друзь-
 ями
 Печаль и радости дѣлишь,
 И самымъ дѣломъ, не словами,
 Другъ друга шягошы носишь.

Талибовъ.

Князь Цертелѣвъ.

27 Октября 1824.

Черный Котъ.

Басня.

(посв. А. Я. Н.)

Вы любите копа?

Любите: онъ вѣдь сирота!

Малюшкой вамъ еще достался;

Кто подарилъ его, пошь съ жизнiю раз-
сшался!

Опличенъ всемъ вашъ копъ: умомъ и кра-
сотою!

Плѣняешь взоры онъ своею пестрошю.

Какая бѣлизна съ блестящей черношю!

Гордяся бытъ у васъ слугою,

Какъ важно спину онъ сгибаешъ вверхъ ду-
гою,

И ласлся вокругъ васъ *мурлытитъ* и вор-
титъ *)!

Какъ миль, когда прошивъ дивана,

Свернувшись клубкомъ, онъ на шкапу ле-
жишь,

И шейку приподнявъ, по временамъ гля-
дишь,

Какъ госпожа его сидишь

За ношами у форточьяна;

*) Полуспицие, украденное у И. А. Крылова. (См. Басню: Котъ и Поваръ.)

Огонь блеспишь въ его глазахъ,
 Игрою вашей очарованъ,
 Лежишь, какъ будто бы прикованъ,
 Не думаешь и о мышяхъ.

Да вѣсть ли онъ мышей?—Онъ вами избало-
 ванъ,
 Шерсть лоснилась—шакъ онъ жи-
 рень!

А нечего сказать, прекрасень и умень.

Кошмы и всѣ умны, но только лицемѣры:
 Я знаю многіе примѣры.

Скажешь ли сказку вамъ про *тернаго кота*,
 Который ужъ въ преклонныя лѣта
 Въ молоденькую мышъ влюбился
 И чухъ, чухъ жизни не лишился?

Котъ эшошь былъ злодѣй:

Въ анбарахъ, въ погребахъ его всѣ шрепешали,
 И *усателъ* его, *Араболъ* называли;
 Жестокосердіемъ превосходилъ судей
 Въ Республикахъ во время бунша—
 Хомя говядины ѣлъ каждый день полфунша;
 Но все мышей и крысъ и воробьевъ ловилъ,
 Ловилъ—да и давилъ.

Однажды Мышку онъ увидѣлъ молодую,
 Такую

Прелестную, какой ни раза не видалъ—
 Увидѣлъ, изумился,

Глазѣми засверкаль,
 И по уши въ нее влюбилсѣ
 На спароспи мой черный Кошъ:
 Подвласпны всѣ любви—и человекъ и скопъ.

Хошѣль Кошъ броситсѣ предъ Мышкой на
 колѣни;
 Но ша бѣгомъ, бѣгомъ изъ комнашы да въ
 сѣни,

И въ норку юркъ.

Простерсѣ Кошъ передъ норкою,
 Лежишь гора горою.

“Виновница моихъ смерпельныхъ мукъ!

Онъ Мышкѣ говоришь, вздыхая

И лапу въ нору запуская—

Люблю, люблю тебѣя—дай на себя взглянушь:

Я чеспный кошъ, всѣ кошки эпо скажушь,

И боги пусть меня накажушь,

Коль я хочу...,—*Я не хочу!*

Изъ норки Мышь кричишь *Арабу-цсату,*

Ну не хочу и не хочу!

Поджавши хвостъ, повѣся внизъ головку,

Пошелъ Кошъ бѣдный прочь;

Опять пришелъ назадъ, провелъ у норки ночь;

Не шолько говорилъ, и плакаль—но плу-
 шовку

Никакъ не могъ онъ убѣдитъ,

Чшобъ вышла, показала глазки—

Напрасно было все: какъ слезы, шакъ и
 ласки.

Рѣшился наконецъ ее онъ подарить ,
 И говоришь: “послушай,
 Вошь, милая, тебѣ вѣщинный, свѣжій жиръ,
 Голландскій лучшій сыръ,
 Конфешы...я уйду, ты безъ меня покушай.,,

Сказаль, дары свои у норки положилъ,
 Вздохнулъ и скрылся.

Назавтра Кошъ опять съ госпинцами явился,
 И съ мѣсяцъ каждый день къ жестокой онъ
 ходилъ.

Чего онъ ей не говорилъ?

Чего, чего не приносилъ?

Но щещно все—любишь его Мышь не хошѣла,
 Или хошѣла, да не смѣла.

А Кошъ

Совсемъ ужъ спалъ не пошъ:

Разбоемъ онъ не занимался.

По крышамъ, чердакамъ, анбарамъ не ша-
 скался;

Мышей и крысъ не ѣлъ,

Ужасно похудѣлъ,

Чушь ноги волочилъ и шакъ, какъ пѣнь
 шашался.

Къ возлюбленной его дошла о шомъ молва.

Неопышная удивилась;

Ошъ жалосши едва, едва ;

Она не прослезилась;

Но на свиданіе съ зубаснымъ не рѣшилась,

Кошя и слышала, что скоро онъ умрѣшь.

Вошь наконецъ приходишь къ норкѣ Кошъ.
Чуть дышешь! Въ чемъ душа! Совсемъ до-
ска доскою!

«Въ послѣдній разъ шебля, мой свѣшь, я без-
покою

— Такъ говоришь губитель прежній
крысь —

Ты на меня не осердись:

Грѣшно и на враговъ предъ смертью ихъ
сердисься.

Пришелъ съ шобою я просишься.

Что дѣлашь, если я любимымъ бышь не
могъ!

По крайней мѣрѣ я умру шеперь у ногъ
Твоихъ ... проси! ... ,, — Съ симъ словомъ
прошянулся...

Лежишь часъ, два — не смѣешь идохнуть.

Вошь Мышкѣ вздумалось на мершвеца взгля-
нуть —

Изъ норки вышолзла — поближе — Кошъ
очнулся —

Какъ шигръ на бѣдную прыгнулъ,
Когтями такъ ее давуль,

Что шолько пискнула и поминай какъ звали *)!

Съ опчаянья, съ печали,

*) Полустышнѣе, украденное у М. И. Дмишрѣева изъ
Басни: *Залцъ и Перепелиха*.

Не зналъ что дѣлать Кошъ;
 Вошь Мышку въ зубы онъ беретъ,
 Попомъ передъ себя кладетъ..

Глядишь, какъ Сибаришь на спаную Венеры..

Глядѣль, глядѣль,

Да всю и съѣль —

Опяшь спаль ѣспь мышей, опяшь онъ раз-
 полспѣль!

*

Всего прошивнѣй мнѣ Таршюфы лицемѣры!

О какъ бы я былъ радъ ,

Когда бы поскорѣй они попали въ адъ!

И.

т т т т т т т т

*Куплеты на день рожденія жены
 моей *)*.

Со днемъ рожденья поздравляемъ,

Хозяйка милая! шебя;

Здоровья мы тебѣ желаемъ—

Но шолько береги себя.

Ты одѣвайся пошеплѣй,

И будь и будь повеселѣй.

*

Пропишешь Медикъ—аккурашно

Его лѣкарства принимай;

Хошя для вкуса не приашно—

Какъ бышь, зажмурься и глошай.

*) Музыка Г. Кудлая.

Но головою не трясси *)
И шо, что вредно, не проси.

*

Почши двѣ цѣлыя недѣли
Держаль въ одрѣ себя недугъ;
Всѣ о шебѣ, всѣ сожалѣли;
Въ опчаяныи былъ швой супругъ.

Не ѣлъ днемъ, не спалъ по ночамъ.
Хвала, хвала швоимъ врачамъ **)!

*

Въ болѣзнь шы очень похудѣла,
Блѣдна шы и желша была;
Теперь опяшь похорошѣла,
Опяшь румяна и бѣла!

Никшо не скажешъ, право нѣшъ,
Чшобъ придцашъ восемь было лѣшъ!

*

Вошъ швой супругъ не молодѣешъ!
По лѣшамъ онъ почти ужъ дѣдъ,
И скоро скоро посѣдѣешъ —
Люби его, хотъ будетъ сѣдъ.

Серебряные волоса
Писателю для далибъ краса.

*

Дай Богъ, чшобъ онъ былъ поумнѣ
Со дня рожденья швоего;

*) Она проситъ всегда Врачей, чшобъ не прописывали ей слишкомъ горькихъ лѣкаршвъ, опъ кошорыхъ невольню прясепся у нее голова.

**) Я. К. К—ву и П. М. Ч—му.

Чтобъ, былъ славнѣе и славнѣе
И бралибъ всѣ журналъ его.

Что бы онъ былъ, какъ Скопшъ *),
богашъ!

Ура! ура! Вивашъ! вивашъ!

*

Изволь, изеоль-ка приподняшься
Скорѣе съ мѣста своего,
И съ муженькомъ поцѣловашься;
Послаще поцѣлуй его.

Ай да послушная жена!

Давай, давай шеперь вина!

30 Сентября 1824.

И.

~~~~~

Ангеликѣ.

(Экспромптѣ.)

Глаза, какъ говоряшь, ешь зеркало души;
Такъ ошь того у васъ и глазки хороши.

Лардел.

~~~~~

Эпитафія.

Хранишель древности и гнили
За староспшю лѣшь въ отсшавкѣ проживаль;
Но Богъ ему мѣшечко даль
Поближе къ пыли.

Москва.

14. 33.

~~~~~

*) Балшеръ.

СТРАСТЬ КЪ ЭПИТАФІЯМЪ .

Сколько характеровъ , сколько же разнообразія въ выборѣ удовольствій: одинъ восхищается музыкой Чимарозы-другой военнымъ барабаномъ; одни разоряются на покупку цвѣточныхъ луковицъ и семянъ — другіе на брилліанты и экипажи для панцовщицъ. Иванъ счастливъ, когда съ нимъ ружье и собака; Пешръ блаженствуетъ, сочиняя логогрифы . Павелъ только и думаетъ о процессахъ, Федоръ всю жизнь свою проводитъ съ древними авторами, а Гробовъ сочиняетъ эпитафіи: Въ томъ всѣ его удовольствія .

Однако въ наружности Гробова нѣтъ ничего мрачнаго: его обращеніе, его платье никакъ не обличаютъ въ немъ кладбищенскаго Пиндара — нѣтъ крепа на шляпѣ и рукавахъ его; но всѣ его знаютъ за пѣвца умершихъ и непремѣннаго вѣспника смерти .

Вы встрѣчаетесь съ нимъ въ обществѣ; вашъ разговоръ ему нравится: онъ осыпаетъ учтивостями, обнимаетъ васъ . . . и думаетъ о всѣхъ вашихъ добродѣтеляхъ, копорыми украситъ вашу эпитафію .

фію! У него еспь и гошовыя для людей всякаго возраста и пола... Съ довольною улыбкою рассказываетъ онъ, что нѣтъ ни одного кладбища, гдѣ бы не нашлось тысячи его эпишафій. Не ищите однакожь въ его произведеніяхъ воображенія, ума, приличія: большая часть его швореній основана на римахъ: *добродѣтель, свидѣтель - жилъ и былъ*. За то въ прозѣ онъ чрезвычайно плодовитъ и подробно описываетъ всю жизнь покойнаго, его добродѣтели, чины, ордена, болѣзнь, мѣсто кончины, характеръ оставленной вдовы и наконецъ всю родню покойнаго. Наконецъ, если вы имѣете надобность до Грובה, то не ищите его на кварширѣ; спускайте къ мраморщикамъ, или на кладбище—онъ навѣрное тамъ: разсматриваетъ памятники, или даетъ мѣрку эпишафіямъ. Гробову всего, прѣшивнѣ пѣсни и мадригалы; элегія сносна для него; балладу онъ въ соспоянніи выслушаетъ. Въ день своей свадьбы (онъ женатъ на дочери грובהаго маспера) Грбовъ ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ музыки, и поспавиль на своемъ, замѣнилъ ее вокальными надгробными концерсами. Злые на-

смѣшники увѣряють, что онъ на другой же день свадьбы сочинилъ эпицафію своей жонѣ.

(*L' Eclaircur.*)

I.

~~~~~

О КРАСНОРЪЧИИ.

Что такое бытъ краснорѣчивымъ?— Въ шѣсномъ смыслѣ значить только *красно*, *хорошо говорить*; но употребленіе дало слову сему, по нашимъ понятіямъ, благороднѣйшее и обширнѣйшее значеніе. Бытъ краснорѣчивымъ значить быстро сообщать другимъ и сильно напечатлѣвать въ душахъ по чувствованію, копорымъ наполнено собственное сердце. Такое опредѣленіе кажется шемъ правильнѣе, что его удобно приложить можно даже къ молчанію и шѣлодвиженіямъ, истинно - краснорѣчивымъ. Иначе можно опредѣлить краснорѣчіе: *способностію трогать сердце*; но первое опредѣленіе все будетъ справедливѣе пошому, что въ немъ содержится и шакое краснорѣчіе, копорое не прогаешъ сердца и довольствуешся только доказательствами. Тогда внутреннее убѣжденіе въ доказываемой

испинѣ есть то глубокое чувствованіе, которое наполняетъ сердце Орашора и сообщается душѣ слушаателя. Впрочемъ надобно признаться, что по общему понятію тошъ, кто дѣйствуетъ на слушаателя одними доказательствами, оставляя его равнодушнымъ и холоднымъ, не можетъ быть собственно краснорѣчивымъ, развѣ многорѣчивымъ. Посему по древніе опредѣляли краснорѣчіе: *способностію убѣждать* и различали *убѣжденіе опъ доказательства*, прибавляя къ первому понятію о дѣйствительномъ чувствованіи, возбужденномъ въ душѣ слушаателя, и соединенномъ съ доказательствами,

Но, по моему мнѣнію, въ этомъ опредѣленіи древнихъ не доспаешь еще много; краснорѣчіе ограничивается не однимъ убѣжденіемъ. Есть во всѣхъ языкахъ множество сочиненій краснорѣчивѣйшихъ, однакоже ничего не доказывающихъ и слѣдственно не убѣждающихъ; но онѣ краснорѣчивы потому только, что сильно прогають сердце читателя, или слушаателя. Безполезно было бы приводить на это примѣры.

Новѣйшіе слѣпо приняли опредѣленіе древнихъ, не имѣя на то сколько же основательной причины. Греки и Римляне, находясь подъ республиканскимъ правленіемъ, безпрестанно занимались общественными дѣлами: ораторы употребляли даръ слова на сіи важные предметы; и какъ въ подобныхъ случаяхъ дѣло состояло только въ томъ, что бы склонить народъ на свою сторону; то и краснорѣчіе называли они способностію убѣждать, принимая вмѣсто цѣлаго важнѣйшую и обширнѣйшую часть. Между темъ сочиненія даже философовъ, какъ то: Платона и многихъ другихъ, могли бы увѣрить ихъ, что краснорѣчіе соединяется и съ умозрительными предметами. Краснорѣчіе новѣйшихъ ораторовъ еще чаще употребляется въ подобныхъ предметахъ: ибо многіе изъ нихъ не могутъ такъ, какъ древніе, занимать дѣлами общественными; а потому, ограничивая краснорѣчіе однимъ убѣжденіемъ, новѣйшіе послушаютъ гораздо несправедливѣе древнихъ.

По мнѣнію моему, Краснорѣчіе есть даръ, а не искусство, какъ утверждали

многіе рипоры: въ искусствѣ усовершеншть насъ ученіе и опытъ; но краснорѣчіе есшь даръ природы. Правила никогда не сдѣлають какого либо сочиненія красворѣчивымъ: онѣ предохраняють шолько отъ того, что бы мѣста, испинно краснорѣчивыя и внушенныя самою природою, не были обезображены и испорчены чершами, проведенными нерадѣніемъ, или дурнымъ вкусомъ. Шекспиръ, безъ помощи правилъ, написалъ удивительный монологъ въ Гамлетѣ; съ помощію правилъ избѣжалъ бы онъ отвращительнаго и варварскаго зрѣлища въ Могильщикахъ.

Что понимаемъ хорошо, то и выражаемъ ясно. Я прибавлю свѣрхъ того: *то живо чувствуемъ, то и выражаемъ живо:* самыя слова шекують гораздо свободнѣе и быспрѣе при выраженіи живаго чувства, нежели при выраженіи ясной мысли. Холодное, ученое стараніе о выраженіи подобнаго чувствованія могло бы шолько ослабить его въ Орашорѣ, изпребишь и, можешъ бышь, доказать, что его совсемъ не было въ сердцѣ. Однимъ словомъ: *чувствуйте живо и выражайтесь какъ угодно*—вошь всѣ правила собесшвен-

но называемаго Краснорѣчія. Спросите великихъ писателей о превосходнѣйшихъ мѣстахъ въ ихъ сочиненіяхъ; они откровенно скажутъ вамъ, что такія мѣста всего менѣе имъ стоили потому, что онѣ написаны какъ бы во время вдохновенія. Спорить о силѣ холодныхъ, ученыхъ правилъ, которыя будто бы открываютъ средства бытъ краснорѣчивымъ, значить доказывать свою неспособность къ краснорѣчію.

Но что бы яснымъ бытъ, надобно понимать совершенно; также надобно и чувствовать совершенно, что бы бытъ краснорѣчивымъ. Чувствованіе, коимъ долженъ бытъ исполненъ ораторъ, есть чувство глубокое—плодъ нѣжной и тонкой чувствительности, а не поверхностное и мгновенное движеніе, возбуждаемое въ большей части слушателей; движеніе больше наружное, нежели внутреннее, имѣющее предметомъ болѣе самаго Оратора, нежели его произведеніе; движеніе, которое въ многоразсѣвъ часто бываетъ, такъ сказать, машинальнымъ и раздражательнымъ, происходящимъ отъ примѣра и даннаго тона. И-

ещинное движеніе въ сердцахъ, произведенное орапоромъ, совсемъ не доказываешь того, что бы слушатель не могъ самъ произвестъ подобныхъ вещей, коимъ удивляешься: сіе потрясеніе шемъ дѣйствительнѣе и живѣе, чемъ выше геній и дарованія слушателя—копорый будучи сполько же наполненъ чувствованіемъ, какъ и орапоръ, сказалъ бы по же самое. Вошь сколь справедливо, что краснорѣчіе состоишь лишь въ степени чувствования. Кто еще сомнѣвается въ эпомъ, пусть посмотришь на крестьянъ—просныхъ дѣшей природы, ежели способень мыслишь и чувствовашъ: иначе и доказывать бесполезно.

Съ Франц. 242.

О НАВОДНЕНИИ ВЪ С. П. БУРГѢ.

Письма къ П. Л. Я — ву.

I.

13 Ноября 1824.

Счастливъ ты, любезнѣйшій племянникъ, что уѣхалъ опсюда и что живешь шеперь среди возвышенной Москвы, а не на низкомъ, правомъ берегу Невы!

Случилася у насъ бѣда:

Опкуда ни возьмись вода!

Мгновенно запопила

Прибрежныя мѣста:

Въ эшажи нижніе вешупила;

Заборы изъ досокъ снесла всѣ дочиста.

Гдѣ прежде всѣ пѣшкомъ ходили,

Иль ѣздили на лошадахъ:

Тамъ лодки, кашера и даже барки плыли,

А дома по Невѣ .. о страхъ!

У Сада Лѣшняго, съ рѣшеткой гдѣ ворота,

Какъ будшо два киша, большіе два плашкопа,

Ей! ей! тебѣ не лгу,

Однимъ концомъ въ Невѣ, другимъ на берегу *)!

Но описашь въ спихахъ всего я не могу.

*) Прощу припомнить, что это писано 13 Ноября. Прим. для Чит.

Слава Богу, что во время наводнения не видалъ я ни одной ужасной сцены: я видѣлъ, какъ переходили въ бродъ по по-ясъ черезъ улицы; видѣлъ, какъ новые Енеи переносили на мощныхъ раменахъ своихъ робкихъ Анхизовъ; видѣлъ плывущихъ собакъ, козла — да и шолько! Меня захва-пила вода въ Департаментѣ, гдѣ я про-былъ до семи часовъ вечера. Приѣзжаю домой — на Пескахъ все у насъ благопо-лучно: ни изъ Лиговскаго канала, ни изъ обоихъ бассейновъ вода не выступала. На другой день, ранымъ рано поушпру, являет-ся ко мнѣ изъ Морской Типографіи вѣсп-никъ (переплешный ученикъ) съ донесе-ніемъ, что большая часть любскихъ эк-земпляровъ XVII и XVIII № *Благонамѣ-реннаго* размокла. Бѣда не велика! Не прогнѣваюся великодушныѣ пренумеран-шы, если получаешь книжки на просшой, а не на любской бумагѣ, и въ смурой, а не въ алой оберпкѣ. Послѣ шого узнаю, что сошни полшоры экземпляровъ *Бла-гонамѣреннаго* за 1818, 1819, 1820, 1821, 1822 и 1823 годы, копорые хранились въ кладовой, въ нижнемъ эшажѣ одного изъ домовъ Садовой улицы, также размок-

ли. Все это по кашаложной цѣнѣ со-
спавишь по крайней мѣрѣ 25.000 р., а по
правдѣ скажешь, не споишь и половины.
Я даже и не вздохнулъ. Высохнушь, хо-
рошо; а не высохнушь, шакъ и бышь! То
ли пошеряли другіе?

Вечеромъ уже на другой день услы-
шалъ я что напроказила вода. Воже мой!
Сколько разбѣрилось и даже погибло бѣд-
ныхъ Пешербургскихъ жишелей, особен-
но въ нижнихъ, прибрежныхъ мѣстахъ!
Сколько богачей черезъ два, или при часа
пришло въ совершенное убожество! Сколь-
ко такихъ, которые не знаютъ куда при-
клонишь голову и шерпяшь холодъ и го-
лодь.—Воля Божія! Видно угодно было Бо-
гу испышашъ однихъ въ шерпѣннѣи, а дру-
гихъ въ соснраданіи и любви къ ближ-
нему.

Самъ Богъ—швердяшь всѣ Пешербург-
скіе жишели — возврашилъ намъ къ это-
му времени добраго нашего ГОСУДАРЯ.
Изъ *Русскаго Инвалида* и *Сына Отече-
ства* *) узнаешь шы, какимъ образомъ

*) См. *Русскій Инвалидъ* № 269, *Сынъ
Отечества* № 46, и 55ю книжку *Отечествен-
ныхъ Записокъ*.

спасъ. Онъ во время наводненія отъ явной погибели нѣскольکو человекъ, какое опеческое попеченіе прилагаль о разоренныхъ, какія вѣрныя и спасишельныя мѣры приняль къ пособію имъ. Вездѣ, гдѣ ни поспрадали отъ воды, являлся Онъ, какъ Ангель ушѣшишель, ободряль, помогаль, воскрешаль, шакъ сказашь, и не могъ удержашъ слезъ своихъ при плачевномъ видѣ несчастныхъ жершвъ разрушишельной стихіи. Испорія не забудеть эшихъ слезъ. Съ легкой руки Царя—Отца спали посшупашъ весьма большія пожершвованія въ *ущрежденный Комитетъ о пособіи разореннымъ наводненіемъ С. п. бурга*. Дай Богъ здоровья добрымъ людямъ, кошорые помогающъ ближнему въ бѣдѣ.

Богъ милосшивъ! много шеперь въ Петербургѣ бѣдныхъ людей; но въ благословенной Россіи ешь довольно и богатыхъ, а еще болѣе добрыхъ и благошворительныхъ.

Просши! На слѣдующей почшѣ напишу побольше. Скольکو анекдотовъ, анекдотовъ! Все, что ни услышу любопытнаго, записываю въ свою карманную книжку: ешь что поразсказашь, ешь что

вслушаться! Но теперь недосугъ. И такъ до будущей почты! Непременно, непременно съ будущей почтою спану писать къ тебѣ.

~~~~~

АНЕКДОТЫ *).

1.

Одного Англическаго Судью позвалъ къ себѣ Лордъ N. на обѣдъ. Спозль былъ устроенъ самыми вкусными блюдами, пригошовленными большею частію изъ дичи. Во время обѣда пришла Судья въ голову счастливая мысль: не самовольно ли хозяинъ доспаешъ эту дичь? На другой день яребуешъ онъ къ суду Лорда N., находишь подозрѣніе свое справедливымъ и, въ знакъ благодарности за сыщный обѣдъ, берешъ съ Лорда большую денежную пѣню за самовольное спрѣяніе **).

Corsaire.

2.

Одинъ молодой человекъ очень шу-

---

*) Изъ новѣйшихъ иностраныхъ Журналовъ.

**.) Ништо! Изд.

мѣль въ театрѣ и, какъ нарушитель общественнаго спокойствія, взявъ былъ подъ стражу и опведенъ въ шюрму, гдѣ заперли его съ ворами и мошенниками. Одинъ молодой человѣкъ припшой наружности подходитъ къ нему и говоритъ: “М. Г! я вижу, что весьма несправедливо сравнивали васъ съ такою чернью. Не лучше поступили и со мною! Согласись, что весьма прискорбно честному человѣку, съ чувствительнымъ сердцемъ, быть въ обществѣ явныхъ бездѣльниковъ!”, — А вы за что здѣсь содержитесь? спросилъ новопроведенный молодой человѣкъ.—“За сущіе пустяки! Я только поддѣлывалъ векселя!”, отвѣчалъ честный человѣкъ съ чувствительнымъ сердцемъ. *Pandore.*

2.

Одного мѣльника позвали къ суду за то, что онъ повѣсилъ своего рабочника. Мѣльникъ оправдывался передъ судьями слѣдующимъ образомъ: “Однажды проходилъ я мимо висѣлицы и увидѣлъ на ней повѣшеннаго преступника. Примѣшивъ въ немъ признаки жизни, опрѣзаль

я веревку, и повѣшенный чрезъ нѣсколь-
ко часовъ ожилъ. А какъ эшошь пресуп-
никъ былъ прежде мѣльникомъ, по я при-
нялъ его къ себѣ въ работники: но онъ
началъ у меня воровашъ, вѣроятно, по
спарой привычкѣ; наказанія мои ни ма-
ло на него не дѣйствовали; ишакъ я рѣ-
шился повѣсись опять эшого вора на
той же самой висѣлицѣ, съ кошорой
прежде снялъ его.,,

4.

У одного богатаго Еврея во Франціи
было два сына: старшій служилъ въ пол-
ку и весь задолжалъ; а младшій, оспава-
ясь при ошцѣ, вмѣсто того, что бы за-
нимашся конторскими дѣлами, ходилъ
каждый день на окошу. — “Ну, Г. Лебель
сказалъ однажды прияшелъ Еврею, зави-
дую вашему счастію, что Богъ даровалъ
вамъ такихъ хорошихъ и исправныхъ сы-
новей., — Да, возразилъ Лебель, они исправ-
ны, только на выворощъ: одинъ сынъ,
кошорому бы надобно спрѣляшь, все пи-
шетъ векселя; а другой, кошорому долж-
но писашъ векселя, все спрѣляешь. *Le-
sefruechte.* ;

Извѣстно, что въ Англіи фамилія: *Смитъ*, - очень употребительна: иногда въ одномъ околоткѣ города живешь до 30 *Смитовъ*. Одинъ весельчакъ, пришедъ поздно въ Ковентгарденскій театръ, увидѣлъ, что всѣ мѣста въ партерѣ были уже заняты. Что бы доспать себѣ хорошее мѣсто, употребилъ онъ хитрость и закричалъ во все горло: „у *Смита* пожаръ!“, — Въ минуту вскочили съ мѣстъ своихъ десяпка два *Смитовъ*, а проказникъ нашъ воспользовался своимъ обманомъ и выбралъ себѣ лучшее мѣсто въ партерѣ. *Corsaire*.

Г. К.

~~~~~

С М Ъ С Ъ .

Одинъ чудакъ, Балшиморскій уроженецъ, именемъ Ира Гиль, подалъ въ Вашингтонскій Конгрессъ записку, копорою просилъ опвесши ему въ Вашингтонѣ, неподалеку отъ пакъ называемой Капполои десятъ десятинь земли и оппустишь десятъ штысячь шалеровъ для

успроенія, по словамъ его, *географическаго сада*, копорый посредствомъ ландкарпы, занимающей помянутое пространство представилъ въ уменьшенномъ видѣ цѣлую поверхность земли. На сей огромной ландкарпѣ моря и рѣки будущъ вырыты и усыпаны крупнымъ пескомъ, маперая земля услана самымъ мѣлкимъ дерномъ, горы складутся по возможности изъ шѣхъ самыхъ родовъ камней, изъ копорыхъ они дѣйствительно состоятъ, съ наблюдениемъ во всѣхъ опношеніяхъ почной соразмѣрности. Помощію гидравлической машины, намѣрень онъ иногда пускатъ воду въ моря и рѣки, и тогда пропорція воды къ твердой землѣ на всемъ шарѣ темъ яснѣе будетъ видима. “На семь пуши—сказано въ запискѣ Г. Гиля—не только юношество получилъ весьма ясную идею о наружности земной поверхности, но и взрослые могутъ съ удовольствіемъ и пользою смотрѣть на сію огромную ландкарпу. Не должно забывать, что бы сія модель земной поверхности въ отдѣльныхъ часпяхъ своихъ вышла слишкомъ мѣлкою и превратилась ошъ того въ дѣтскую игрушку;

оба огромныя озера въ Соединенныхъ Штатахъ: Эріе и Онтаріо, по которымъ могутъ ходитъ военные корабли, будутъ въ моемъ географическомъ саду имѣть длины около 8 фузовъ, а весь материкъ Америки, отъ Океана до Южнаго моря, составитъ поперекъ 160 фузовъ, такъ что не только всѣ большія государства и области, но въ Соединенныхъ Штатахъ и округи отдѣльныхъ провинцій подробно будутъ означены, а при томъ важнѣйшіе города можно представитъ въ моделяхъ, всякій на своемъ мѣстѣ., (*Lesefruechte.*)

Греческіе брандеры, говоритъ извѣстный путешественникъ и Исторіографъ Пукевиль, отличаются отъ употребляемыхъ прочими морскими націями. Они состоятъ изъ ветхихъ кораблей, наполненныхъ порохомъ, сѣрою, смолою и другими горючими веществами. Такелажъ обвитъ паклею, намоченною составомъ изъ селистры, канфоры, горнаго и льнянаго масла, виннаго спирта, и п. п. Отъ средней палубы до сего такелажа расположены лѣшницы такъ, что огонь пошчасъ можетъ сообщиться всѣмъ часнямъ.

такелажа. Внутри корабля сдѣланы жолобы для проведенія огня во всѣ часпи, и одинъ изъ сихъ жолобовъ, находящійся въ сообщеніи съ прочими, проведенъ къ окну корабля. Снаружи у оконъ сдѣланы подмости, на копорыя спановиися Капитанъ для зажженія брандера; послѣ чего пошчасъ бросаешся онъ въ лодку, споящую съ нѣсколькими мапросами въ готовности подъ кормою брандера. Капитанъ, избираемый изъ лучшихъ мапросовъ, еще до солнечнаго захожденія наблюдаешъ корабль, копорый намѣренъ сжечь, и ночью наводишь на неприятеля брандеръ. Когда передняя часпъ онаго прицѣпиися къ такелажу неприятельскаго корабля и огонь въ свое время подложиися, то Капитанъ опправляешся въ лодкѣ и приспаешъ съ людьми къ ожидающему его кораблю. (*Freymuethige.*)

Лафашеръ новаго рода, копорый думаешъ, такъ какъ и всѣ, что Тальма, дѣвица Марсъ слава Французскаго Театра; что Деривисъ лучшій талантъ въ Оперѣ; что Гжа Паспа первая пѣвица — эпошь Лафашеръ говоритъ, что окончательный слогъ фамиліи сихъ артистовъ есть на-

значеніе рода, кошорый прославиль ихъ, или доказательство заслуженной ими славы.

Вошь какъ онъ объ эпомъ полкуешъ:

Тальма-алма. Испаліянское слово, означающее *душу*, а въ переносномъ: *патетическій, чувствительный*.

Марсѣ-арс. Слово Лашинское: *art.* Это слово означаетъ все, и всякій можешъ сказаъ поже объ эпой великой акприсѣ.

Деривисѣ-вис. Лап. слово: сила, жаръ, влеченіе, сила средствъ.

Паста - стѣ. Повелительное наклоненіе глагола *stare*: *остановись, стойте!* ш. е. не оспавляйте насъ; не надобно опуща, зачемъ болѣе пушешествовашъ?—сжалышесь надъ несчастными диллещаншами, кошорые только и говоряшъ объ васъ, бредяшъ вами, клянущся вашимъ именемъ и кошорымъ всего сладоснѣе слезы, извлекаемыя вами у нихъ въ Камиллѣ, Танкредѣ, Медеѣ, Ошелло, Ромео и Нинѣ. (*Corsaire.*)

Г. К. I.

ГОСТЬЯ И НЕВѢСТА.

Маленкій Разговоръ.

Гостья (цѣлуя невѣсту). Поздравляю, поздравляю васъ, моя милая! Какъ я рада, что выходите вы за мужъ! Не имѣю чести знать вашего жениха....

Невѣста. Очень хорошій-сѣ человекъ...шолько-сѣ немножко спаръ...аздоровь-сѣ.

Гостья. А сколько ему лѣтъ?

Невѣста. Сорокъ пять-сѣ.

Гостья. Что за спарикъ! Самыя лучшія лѣта для мужа. Знаете ли вы эши Французскіе стихи:

Que j'etais infidèle a trente!
 Que d'objets de mes tendres voeux!
 A quarante, on n'a qu'une amante;
 On est constant et plus heureux *).

Невѣста. Большой игрокъ-сѣ.

Гостья. Большой игрокъ?

*) См. *Les Amours*, въ *Almanach des muses* 1798, р. 24.

Невѣста. Престрашной-сѣ!

Гостья. Вошь эшо не хорошо! Какъ рѣшились вы идти за каршежника?

Невѣста. Онъ-сѣ не каршежникъ.

Гостья. Да вы сами сказали, что онъ престрашной *) шгрокъ; слѣдовательно и граешъ...

Невѣста. Да не въ каршы-сѣ, а на фортопиано.

И.

~~~~~

Объ алманахахъ на 1825 годъ.

На 1825 годъ вышли уже слѣдующіе алманахи:

1. *Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественнаго, на 1825 годъ, изданная А. Корниловителъ. С. п. б. 1824, въ шизографіи Департаментша народнаго просвѣщенія, въ 12 долю, VIII и 350 стран.*

---

*) Мудрено ли, что молодыя дѣвицы, неучившіяся опечественному языку и мало занимавшіяся имъ, употребляютъ иныя слова не въ наспоющемъ ихъ значеніи, когда эшо же самое дѣлаютъ и записные наши словесники, особенно *романтики.*

Сія весьма любопытная и прекрасная книжка состоишь изъ *двухъ отдѣленій*. Въ *первомъ* помѣщены слѣдующія списки: 1) о частной жизни Императора ПЕТРА I, 2) объ увеселеніяхъ Русскаго двора при ПЕТРѢ I, 3) о первыхъ балахъ въ Россіи, 4) о частной жизни Русскихъ при ПЕТРѢ I. Во *второмъ*: а) Вступленіе, б) Рыцарская жизнь Козаковъ, с) частная жизнь Донцовъ въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка, d) свадебные обряды, e) Донскія пѣсни съ ношами. Рекомендуемъ эту книжку всѣмъ испинно Русскимъ, почишающимъ память ПЕТРА ВЕЛИКАГО, о которомъ весьма справедливо сказалъ въ журналѣ своемъ И. И. Неплюевъ: *и однимиъ словомъ, на то въ Россіи ни взгляни: все его нагломъ имѣетъ, и тобъ впредь ни дѣлалось, отъ сего источника терпачь будутъ* (*) также доблестнымъ Донскимъ воинамъ, сохраняющимъ неизмѣнную и примѣрную любовь къ благословенной своей родинѣ. — Продаеся въ книжныхъ лавкахъ Гг. Сленина и Смирдина по 10 р. экз. въ папкѣ, за пересылку прилагаеся на одинъ фунтъ.

(*) Слова сіи весьма удачно поставлены эпитафюмъ при Гмѣ опдѣленіи. Изд.

2. *Русская Талія; подарокъ любителей и любительницами отечественнаго Театра на 1825 годъ. Издалъ Вагдей Булгаринъ. С. П.б. въ шип. Н. Греча, въ 26 д. IX и 443 стран. Съ виньешою и пяпью порпирешами.*

Содержаніе: I. Историческій взглядъ на Русскій Театръ до начала XIX столѣтія, соч. Н. И. Гречемъ. Къ сей же спашь принадлежатъ Біографіи: Волкова, Дмишревскаго, Крушицкаго, Плавильщикова и Яковлева. II. Изъ Трагедіи: *Венцеславъ*, соч. Ротпу, перед. А. А. Жандромъ. III. Изъ Комедіи *Школа женщинъ*, соч. Молиера, перев. Н. И. Хмельницкаго. IV. *Нѣто о Театральной музыкѣ*; опрывокъ изъ Теоріи Драмапическаго искусства, соч. Кн. А. А. Шаховскимъ. V. Изъ Трагедіи: *Марія Стцартъ*, соч. Либрента, перев. Г. Павловымъ. VI. Изъ Романпической Трагедіи: *Керилъ-Гирей, или Бахтисарайскій фонтанъ*, соч. Кн. А. А. Шаховскимъ. VII. Изъ Комедіи: *Благородный Театръ*, соч. М. Н. Загоскинымъ. VIII. Пупешествіе изъ райка въ ложу перваго яруса, соч. Издашелемъ. IX. Изъ Трагедіи: *Андромаха*, соч. П. А. Кашенинымъ. (Изъ всѣхъ помѣщеныхъ здѣсь драмапическихъ опрывковъ это самый слабый по шяжелой и непра-

вильной версификаціи, особенно въ отноше-
 шеніи къ словосочиненію) X. Изъ Комедіи:
Нервительный, или Сель Пятницъ на не-
дѣль, соч. Н. И. Хмельницкимъ. XI. Изъ
 Волшебной Трилогіи: *Финъ,* соч. Кн. А. А.
 Шаховскимъ. XII. Философическій взглядъ
 за кулисы, соч. Издашелемъ. XIII. Изъ Тра-
 гедіи: *Силла,* соч. Жуи, перев. П. А. Кор-
 сиковымъ. XIV. Изъ Комедіи: *Горе отъ ума,*
 соч. А. С. Грибоѣдовымъ. (Прелестъ! Сколь-
 ко оспрошы, разнообразія и вѣрности въ
 характерахъ!) XV. Изъ Пародіи: *Грегескія*
Бредни, или Ифигенія въ Тавридѣ, перев. Н.
 И. Хмельницкимъ и Кн. А. А. Шаховскимъ.
 XVI. Междудѣйствіе, или Разговоръ въ Те-
 атрѣ о Драмматическомъ Искусствѣ, соч.
 А. Ѳ. XVII. Изъ Трагедіи: *Владиміръ Моно-*
махъ, соч. С. И. Висковатовымъ. XVIII. Изъ
 Комедіи: *Тетюшка, или Она не такъ глупа,*
 соч. Кн. А. А. Шаховскимъ. XIX. Изъ Трагедіи:
Меропа, соч. Вольтера; перев. С. Н.
 Маринимъ. XX. Изъ Комедіи-Водевилля: *Во-*
рожея, или Танцы Духовъ, соч. Кн. А. А.
 Шаховскимъ. XXI. Куплеты изъ Водевилля:
Сужекаго конемъ не оббѣдешъ, или Нѣтъ ху-
да безъ добра, соч. Н. И. Хмельницкимъ.
 XXII. Анекдоты. XXIII. Списокъ аршисповъ
 Руской и балетной шруппы С. Пешер-
 бургскаго Придворнаго Театра. Всѣ по-
 чти вышеозначенные драмматическіе оиц

рывки имѣють большое достоинство; а прочія прозаическія сшашьи, смощря по своему содержанію и цѣли, написаны или основательно, или остроумно. Не сомнѣваемся, что сіе *новое* еще у насъ въ своемъ родѣ изданіе приняшо будещъ благосклонно просвѣщенною Публикою и желаемъ искренно, что бы *Русская Талія* выходила всегда къ *новолу* году. Это весьма приятный *подарокъ* не однимъ только *любителямъ* и *любительницамъ* *отечественнаго Театра*, но вообще всѣмъ шѣмъ, кто любитъ опечесивенную Словесность. На заглавномъ листѣ изображенъ фасадъ здѣшняго Большаго Театра, а шипуль вырѣзанъ церковными буквами. Красиво, но что-щр спранны и кажешся не прилично! Книжка украшена пяпью гравированными поршрешами: Князя А. А. Шаховскаго, К. С. Семеновой, В. А. Карашыгина, А. И. Испоминой и К. А. Телешовой. Удачнѣ прочихъ первый и послѣдній.—Продаетъ въ папкѣ у входа въ Театръ и во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по 12 рублей. Иногородные не прилагають денегъ за пересылку, адресуясь на имя самаго издателя О. В. Булгарина.

Въ первыхъ числахъ сего Генваря выдешъ новый лищерапурный алманахъ: *Сб-*

верные Цѣбты, составленный извѣстнымъ нашимъ писателемъ Барономъ Дельвигомъ и издаваемый въ свѣтъ благонамѣреннымъ и разборчивымъ книгопродавцемъ И. В. Сленинымъ. Повшоримъ о семь алманахѣ по, что уже сказано въ 293 N^o *Русскаго Инвалида*: “Лишперашурныя свѣденія и провѣщянный вкусъ Собирашеля ручающся за “хорошій выборъ піэсъ; между именами со- “спрудниковъ видѣли мы многихъ перво- “степенныхъ писашелей, нашли многія и- “мена, любезныя Музамъ и опечешвенной “Публикѣ. Внѣшняя часть изданія соопвѣш- “спвуешъ внушреннему достоинству книги: “всѣ экземпляры оппечашаны на лучшей “веленовой бумагѣ чешкими и красивыми “буквами, а сверхъ того украшены грави- “рованными каршинками извѣстныхъ ху- “дожниковъ.,,

Сверные Цѣбты продавашся будущъ въ книжномъ магазинѣ Издашеля И. В. Сленина *), что у Казанскаго моста въ домѣ Кусовникова. Цѣна экземпляру, въ красивой папкѣ, 10 р. Иногородные прилагающъ за пересылку по 25 коп. серебромъ, адрессуя шребованія свои въ помянушый магазинъ.

---

*) *О лавка дорогая!* — Въ нее какъ ни придешъ, всегда словесниковъ найдешъ.

О *Полярной Звѣздѣ* на 1825 годъ помѣщаемъ слово въ слово объявленіе самихъ Гг. Издашелей:

“*Полярная Звѣзда*, кошорой изданіе замѣдилось нѣкопорыми обшояшельсшвами, появшся не къ 1 му Генваря 1825 года, но къ Свяшой недѣлѣ. Если она была благосклонно принята Публикою, какъ книга, а не какъ игрушка, шо Издашели надѣются, что перемѣна срока выхода ея въ свѣтъ не перемѣнишь о ней общаго мнѣнія. Въ эшомъ случаѣ успѣхъ *Полярной Звѣзды* будетъ гораздо лешнѣе прежнихъ, по совмѣстничеству ея съ новыми Альманахами, ибо ея примѣръ возбудилъ на семь поприщѣ не только соревнованіе Липшерашоровъ, но и дѣяшельность книгопродавцевъ *) Издашели долгомъ посшавляюшь увѣдомить, что *Полярная Звѣзда* издасшся въ прошло-

---

*) *Русская Галія*, изданная Г. Булгаринымъ, заключаешъ въ себѣ одни драматическія произведенія, не входившія въ сосшавъ *Полярной Звѣзды*. *Русская Старина*, Г. Корниловича, посвящена одной Исторіи — и шакъ *Сѣверные Цвѣты*, изданіе Книгопродавца Сленина, всшупаешъ въ непосредшвенное соперничество съ *Полярною Звѣздою*. Предосшавляя сему Альманашу благопріяшное время выхода въ свѣтъ, желаемъ ему еще благопріяшнѣйшаго успѣха. — Изд. П. Э.

годномъ формашѣ съ каршинками, и что всѣ Писатели, украсившіе два прежніе номера, не откажутся участвовать и въ шрешьемъ. Донинѣ все идетъ успѣшно, а время и вкусъ Публики рѣшатъ ея будущую участь.

Просимъ покорно всѣхъ благосклонныхъ Журналистовъ перепечатать слово въ слово сіе извѣстіе въ своихъ Журналахъ—за что будемъ чувствительно благодарны.

Издатели Полярной Звѣзды:

Александръ Бестужевъ.

15 Декабря 1824.

Кондратій Рылѣевъ.

И еще выдесть алманахъ: *Невскій Алманахъ*, издаваемый Е. Аладынымъ. Въ этомъ алманахѣ, который уже печатается и отпечатывается къ концу нынѣшняго мѣсяца, помѣщены будутъ разныя новыя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ Гг. Пушкиныхъ, Князя Вяземскаго, М. А. Дмипріева, Ф. Н. Глинки, А. А. Крылова, Барашинскаго, Панаева, Князя Цершелева, Княжевичей, Рындовскаго, Федорова, Маркова, А. Измайлова и проч. Изданіе сіе будетъ напечатано въ малый формашъ на хорошей бумагѣ и украшено каршинками и ношами. Подписка приии-

мается у Издашеля, живущаго близъ Московской сѣзжей, прошивъ Семеновскихъ казармъ въ домъ мѣщанина Фалѣева, въ 4 мѣзпашѣ; также у Издашеля *влагоналибренаго*. у Книгопродавцевъ: Сленина, Смирдина, Глазунова и Заикина, а въ Москвѣ въ Университетской книжной лавкѣ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. № II.

КЛОПШТОКЪ.

(Friedrich Gottlieb Klopstock.)

Сей великій Поэтъ родился 2 Юля 1724 года въ Кведлинбургѣ. Отець его занималъ при Аббашснвѣ сего же имени мѣсто Коммисіонера; но послѣ взявъ на ошкупъ волость Фридсбургъ въ Мансфельдскомъ владѣніи. Здѣсь Клопштокъ получилъ начальное образованіе подъ руководствомъ домашнихъ учителей и опличался живоспїю ума и склонноспїю къ смѣлымъ, гимнастическимъ упражненїямъ. Съ шринадцатаго до пятнадцатаго года продолжалъ онъ науки въ Кведлинбургской Гимназіи. Настоящее развитіе его генія началось въ Пфоршскомъ высшемъ училищѣ, гдѣ онъ провелъ почти пять лѣтъ (съ 1739 по 1745), занимаясь въ то время, кромѣ Латинской и Греческой Словесности, Нѣмецкими стихами и планами для Эпической Поэмы. Главному предмету

ея надлежало бытъ либо опечеспвенному,
 либо духовному; ибо Религія и папріо-
 пизмъ болѣе всего одушевляли молодаго
 Поэта. Героемъ опечеспвленной Эпопеи
 хотѣлъ онъ избрать Императора Гейн-
 риха Пшицелова; но Религія одержала
 верхъ, и Клопшпокъ начерпалъ планъ
Мессіады прежде, нежели познакомился съ
 Поперяньнымъ Раемъ Милтона. Оставивъ
 Дорфту, онъ пробылъ короткое время
 въ Лейпъ, гдѣ слушалъ курсъ Богословія,
 и опсюда переселился въ Лейпцигъ. Но
 въ головѣ его не успѣвалось мѣсто для
 лекцій; весь умъ его занятъ былъ раз-
 мышленіями о содержаніи и формѣ *Мес-
 сіады*. Желая дать полную свободу тече-
 нію своихъ мыслей, онъ опвергнулъ рие-
 мы и всѣ употребительные роды сло-
 досложенія, и выбралъ экзамеръ, про-
 шедшій у Грековъ вмѣстѣ съ Эпопеею.
 Хотя нѣкоторыя Поэты въ то же время
 старались ввести сей размѣръ въ Нѣмец-
 кую Поэзію; но Клопшпокъ первый оп-
 крылъ законы, по коимъ экзамеръ въ
 духѣ Нѣмецкаго языка долженъ былъ ча-
 стію сомасоваться съ Греческимъ; ча-
 стію же опсшупанъ опъ него. Въ Лейп-

цитѣ сочинилъ онѣ свои первыя Оды, упо-
 пребивъ въ нихъ также лирической раз-
 мѣръ Грековъ. Онѣ имѣлъ намѣреніе не
 начинатьъ Мессіады прежде тридцати-
 лѣшняго возраста; но послѣ долженъ былъ
 уступитьъ всеувлекающему порыву своего
 генія, и написалъ три пѣсни, копорыя
 прошивъ его желанія, напечатаны были
 друзьями его въ издаваемомъ ими журна-
 лѣ: *Bremische Beitræge zum Vergnügen des*
Verstandes und Witzes. Въ 1748 году Клоп-
 шпокъ, будучи Кандидатомъ Богословія,
 занялъ мѣсто домашняго учителя въ Лан-
 гензальцѣ, гдѣ жила Фанни Шлидтъ; его
 родственница, копорую онѣ любилъ спра-
 снѣно, хотя и безъ надежды, и копорую
 обезсмертилъ, во многихъ своихъ Одахъ.
 Между пемъ Мессіада его обратила на
 себя вниманіе всѣхъ Нѣмецкихъ липпе-
 рашоровъ, и сколько одни превозносили
 ее похвалами, сполько другіе, спарались
 унизить и очернить ее въ глазахъ пуб-
 лики. Готшедъ рѣшишельно объявилъ, что
 почиаетъ Мессіаду уродливымъ исчаді-
 емъ, споль же вреднымъ для хорошаго
 вкуса по нееспешенности языка и
 спилля, сколь оскорбительнымъ для ис-

шиннаго Хриспіанова по вымысламъ, воплощеннымъ въ библейскія повѣспвова- нія.—Но *Бодмеръ* почишалъ себя счаст- ливымъ, что дожилъ до эпохи, кошорую сія Поэма сдѣлала въ Нѣмецкой Слове- сноспи. Онъ пригласилъ молодаго Поэша къ себѣ въ Цирихъ, гдѣ сей послѣдній про- вель около года, не вмѣшиваясь въ споры, кошорые въ эпо время ведены были за Мессіяду между приверженцами Гопшседа и Бодмера. Въ 1750 году Дашскій Ми- ниспръ, Графъ Бернсшорфъ, опъ имени Короля своего Фридриха V пригласилъ Клопштока въ Копенгагенъ и предложилъ ему пенсію, что бы онъ въ независимо- сти опъ прочихъ дѣлъ, могъ удобнѣе о- кончить свое швореніе. Пѣвецъ Мессіяды, наскучивъ общеспвомъ своенравнаго Бод- мера, съ радосшію отправился въ Данію и проѣзжая чрезъ Гамбургъ познакомил- ся съ будущею своею супругою, *Маргари- тою*, или *Метою Моллеръ*, кошорой въ одахъ своихъ далъ названіе *Цилли*. Любовь сей умной и прелеспной дѣвицы прида- ла новый полешъ его воображенію. Двад- цать лѣшъ (съ 1751 по 1771) провель онъ въ Копенгагенъ, въ продолженіе коихъ на-

писаль большую часть Мессіады. Но къ концу приближалась сія Поема медленно. Лично уважаемый и любимый Королемъ, онъ сохраниль достоинство свободного мужа: ни одно слово лести не сходило съ его пера въ похвалу Монарха, копорый осыпаль его ошличіями. Вообще связь съ Дворомъ не произвела ни малѣйшей переменны въ его образѣ мыслей и проспой, скромной жизни. Не забошась о сужденіи пѣхъ, копорые думали, что пѣвецъ Религии долженъ ошличаться наружною важностью, онъ ошкрыпо слѣдовалъ своей склонности къ гимнастическимъ упражненіямъ, особенно къ верховой ѣздѣ и кашанью на конькахъ. За послѣднее удовольствіе онъ однажды едва не заплашилъ жизнью. По смерти Фридриха V и по увольненіи Графа Берншорфа ошъ должности, Клопшпокъ оспавиль Копенгагенъ и поселился въ Гамбургъ съ сохраненіемъ пенсіона. Въ 1771 году издалъ онъ первое собраніе своихъ Одь; а въ 1773 явилась его полная Мессіада въ двадцати пѣсняхъ. Въ Гамбургъ прожилъ онъ шридцашъ два года до самой своей кончины. Только по приглашенію Маркграфа

Ваденскаго, который пожаловалъ ему новый шишуль и пенсію, провелъ онъ въ Карльсруе около года. Находясь уже въ спароспи, женился онъ въ другой разъ въ 1791 году на своей коропкой прияпельницѣ, вдовѣ *Аннѣ фонъ Винтерсѣ*, которая также упоминается въ его стихопвореніяхъ. Въ это же время, увлеченный пылкимъ, юношескимъ энтузіазмомъ принялъ онъ живое участіе въ дѣлѣ Французскихъ революціонеровъ, въ честь которыхъ воспѣлъ многія Оды и за то получилъ дипломъ на званіе Французскаго гражданина и члена Національнаго Института. Но неисповсѣва новыхъ Вандаловъ скоро открыли ему глаза касательно маспящаго духа Французской революціи; она сдѣлалась предметомъ его непримиримой ненависти, которую онъ не замедлилъ обнаружитъ во многихъ своихъ стихопвореніяхъ.—Новыя перемѣны, случившіяся въ Нѣмецкой Линшеранурѣ, были причиною, что въ Германіи Клоншпоково имя къ концу осьмнадцатаго столѣтія довольно утратило своего блеска. Смерть его, воспослѣдовавшая 1803 года, возбудила въ публикѣ новое почше-

ніе къ его несомнѣннымъ достоинствомъ. Ни одному Поэту не оказано было столь торжественнаго погребенія. Гамбургъ и Альтона соревновали другъ другу въ оказаніи отличныхъ почестей праху Клопшюка, чѣмъ явилъ свѣту, сколь для нихъ было дорого—считать сего великаго мужа своимъ гражданиномъ.

Клопшюкъ принадлежишь безспорно къ величайшимъ Поэтамъ всѣхъ временъ. Изъ маперіи, обработанной уже многими блистательными гениями, гений его сотворилъ себѣ новый міръ, въ которомъ жоня являющаяся по большей части давно извѣстные лица, но поэтическое вдохновеніе придаетъ имъ совершенно новый видъ и новыя соотношенія. Очень было бы неосновательно почитать Клопшюка подражателемъ Мильтона, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшей искры лирическаго огня, проникающаго все твореніе Нѣмецкаго Эпика, не говоря уже о слогѣ Мессіады, въ которой почти каждый стихъ исполненъ высокаго паренія чувствъ; почти неизвѣстнаго Пѣвцу Потеряннаго *Рая*. Воображеніе Клопшюка не требовало никакого образа въ изображеніи,

но изобрѣшеніе составляетъ у него, какъ и у всѣхъ великихъ Поэтовъ, самую маловажную часть. Новость его поэзіи особенно состоитъ въ томъ, что онъ каждому слову старался дать значеніе, которое бы вполне выражало глубокость его чувства. Поэтому-то поэзія Клоушпока носитъ на себѣ разительный отпечатокъ его духовной природы, и нигдѣ не ограничивается легкою игрою приятныхъ формъ. Сильное краснорѣчіе его вездѣ управляется зрѣлымъ, мужескимъ умомъ. Прелестная мечтательность, безъ которой онъ никогда бы не сдѣлался пѣвцомъ Мессіады, очень различна отъ собственно романтической, которая занимаетъ только воображеніе, не доставляя уму никакой пищи. Клоушпокъ болѣе заботился о силѣ и полнотѣ мыслей, нежели о красотѣ картинъ. Простота его слога совершенно Греческая. Но по причинѣ поэтическаго лаконизма и темныхъ намѣковъ во многихъ мѣстахъ, его столь же трудно понимать, какъ и иного древняго автора. Сія краткость не рѣдко придаетъ его Поэзіи нѣчто *манерное*, которое особенно дѣлаетъ неприятное

впечатлѣніе шамъ, гдѣ многими словами выражаешя одно и поже; ибо Клопштокъ не хотѣлъ опшпашъ опъ своего обыкновенія — изъясняшъ неизъяснимое. Вообще онъ не совсемъ достигъ цѣли, къ которой спремился. Въ стихопвореніяхъ его много ешъ неудачнаго, много выисканнаго.—Но и самыя недоспапки его происшекали болѣе опъ глубокаго изученія языка и силы чувшва, безъ чего бы онъ никогда не достигъ до той вышины, на которой сдѣлался предметомъ удивленія своихъ современниковъ, хотя очень немногіе изъ нихъ понимали его.

Между всѣми швореніями Клопштока первое мѣспо занимаешъ *Мессіада*. Геній его чувшвовалъ себя достойнымъ воспѣшъ величайшее земное событіе — ишкупленіе человѣческаго рода Божештвеннымъ Ходашаемъ, который, низпровергнувъ силу ада и показавъ смершнымъ образецъ безпорочной, свяшой жизни; возношшся на небо къ своему превѣчному Опцу. — Клопштокъ обрабошалъ сей предметъ сообразно библейскому повѣшвованію; но что бы дать цѣлому проспраншво и форму Эпопеи, долженъ былъ

пересступитъ предѣлы Священнаго Писанія, какъ прѣбывали разнообразіе происшествій, характеры и положенія дѣйствующихъ лицъ. Мильшонъ предшествовалъ Пѣвцу Мессіяды въ изображеніи неба и еще болѣе ада; но въ происшествіяхъ между людьми виденъ творческій гений Клопшпока, и съ сей-по стороны поэзія его обнаруживается съ самой прекрасной стороны. Характеры Апостоловъ, главныхъ лицъ въ Иудейскомъ Синедриумѣ и многихъ другихъ, споль занимающихъ насъ въ Мессіядѣ, обрисованы немногими, но разительными чертами и выдержаны превосходно. Въ подражаніи адскихъ духовъ Клопшпокъ не достигъ Мильшона: выдуманный имъ Адрамелехъ есть только каррикашура Сатаны. За то Ангелы въ Пошерянномъ Раѣ противъ Клопшпоковыхъ кажутся маловажными существами. Раскаивающійся Аббадона, пославленный въ Мессіядѣ между добрыми и злыми духами, ни въ какой Поэмѣ не имѣетъ себѣ подобнаго характера и возбуждаетъ въ душѣ читателя неизъяснимое чувство. Въ описаніи неба и ада Клопшпокъ избѣгнулъ шѣхъ неприличныхъ гротесковъ, въ

копорыхъ упрекають Данша и самаго Мильшона. Вообще Мессіяда въ часпяхъ своихъ обработана съ величайшимъ искусствомъ. Но цѣлое не имѣетъ поспешенно возрасшающей занимательности. Воображеніе Поэта примѣшно слабѣетъ къ концу Эпопеи. Мѣсто дѣйствія часто заступаютъ молитвы и гимны; и хотя нѣкоторыя изъ нихъ дышатъ высочайшимъ лирическимъ восшоргомъ; но во многихъ повпоряются однѣ и тѣ же мысли, одни и тѣ же выраженія. Безъ эпизода—Адамова видѣнія Спрашнаго Суда— послѣднія пѣсни еще болѣе бы ушрашили силы и привлекашельности. Заключение Мессіяды не удовлетворяетъ высокаго ожиданія читателя: ибо Поэтъ предшавляетъ соединеніе Искушителя міра съ превѣчнымъ Опцемъ посредствомъ чувственныхъ символовъ, несомѣстныхъ съ чиснымъ хриспійанскимъ понятіемъ о небѣ.—Причины сихъ недостатковъ заключаются по большей части въ высокомъ, опвлеченномъ характерѣ Поэмы, копорого Клошчокъ, какъ человекъ, при всемъ своемъ вдохновеніи, не могъ выдержатъ въ двадцати просшранныхъ пѣсняхъ. При

помъ самый предметъ сей Эпопеи неразрывно связанъ съ нѣкопрымъ единообразіемъ въ дѣйствіи; ибо здѣсь не видно множества силъ для преодоленія великаго препятствія: Мессія одинъ начинаеть и совершаеть все дѣйствіе. На послѣдокъ и время, употребленное на окончаніе Мессіады, отчаспи содѣйствовало ея неровностямъ. Въ печеніе двадцати семи лѣтъ—отъ появленія первыхъ пѣсней до изданія полной Поэмы—поэзія Клопшпока копя усовершенствовалась въ языкѣ и стилѣ; но источникъ фантазіи его былъ уже довольно исчерпанъ и не доставлялъ ему прежняго обилія мыслей и изображеній. Впрочемъ Мессіада и въ томъ видѣ, въ какомъ мы теперь ее имѣемъ, пребудеть вѣчнымъ украшеніемъ Нѣмецкой Поэзіи—швореніемъ, копорымъ должно гордиться все Хрисціанство, какъ неслѣннымъ памяникомъ высочайшихъ чувствъ, вдохновенныхъ божественною вѣрою. — Въ заключеніе приведемъ прекрасные стихи гениальнаго Шубарта, копорые излились изъ груди его, по прочтеніи Мессіады.

Willst du dich auf gen Himmel
 schwingen,
 Und hören, wie die Engel singen
 Und hören, was Iehova spricht:
 So lies dies himmlische Gedicht.

Willst' auf des Schadelberges Höhen,
 Du den Erlöser dulden sehen,
 Mit jammerbleichem Angesicht:
 So lies dies christliche Gedicht.

Willst du in Gluth und Schwefelmeeren
 Das Brüllen Adramelechs hören,
 Von Fluch zerschmettert und Gericht:
 So lies diess schreckliche Gedicht.

Willst du gesalbte Männer, Frauen,
 Und Mädchen, gleich den Engeln,
 schauen,
 Getreu der Gottgeweihten Pflicht:
 So lies diess heilige Gedicht.

Willst du, bey Harmonie der Sphären,
 Thuiskons Sprache donnern hören,
 Mit felsensplitterndem Gewicht:
 So lies dies Vaterlandsgedicht.

Willst du, in süßen Sympathieen,
 Von hoher Himmelsahndung glühen,
 Und wünschen, das dein Auge bricht:
 So lies dies göttliche Gedicht.

Какъ Лирикъ, Клопшшокъ занимаетъ едва ли не первое мѣсто между всѣми Поэтами древнихъ и новыхъ временъ. Оды его вообще писаны не роскошнымъ слогомъ, безъ всякихъ выисканныхъ фразъ и шѣхъ риторическихъ часпей, въ копорыхъ какая нибудь тема обрабатывается и воспѣвается по извѣстному порядку. Лучшія Клопшшוקовы Оды могутъ почесться совершеннѣйшими образцами лирической силы мыслей и возвышенности чувствъ. Поэтъ хопѣлъ въ нихъ еще разнообразіе, нежели въ Мессіадѣ, выразишь все, что наполняло его душу: свой энтузіазмъ къ великому и достойному уваженію во всѣхъ отношеніяхъ жизни, свое чувство свободы, свою любовь къ опеческву, наконецъ свое высочайшее благоговѣніе къ Религіи и всю непорочность любви, споль же извѣстную древнимъ, какъ Хриспіянскій идеаль Ангела. Лирическая сила Клопшшוקовыхъ Одъ рѣдко бываетъ дивирамбическая; обыкновенно уподобляется она величественной рѣкѣ, текущей безъ шума, но все увлекающей своею быспропою. Вездѣ видна глубочайшая обдуманность,

кошорая впрочемъ можешъ плѣнишь поль-
ко чищашелей съ зрѣлымъ умомъ и вку-
сомъ. Для легкомысленныхъ сіи оды не-
поняшны и не производяшъ на нихъ ни-
какаго впечатлѣнія. Правда, нѣкошорыхъ
оды его дѣйствительнѣе шакъ шемны,
что и самый пронцащельный умъ не въ-
состояній понимаешъ глубокаго ихъ зна-
ченія. Еще болѣе увеличена сія шемноша
шемъ, что Клошшпокъ, по любви ко все-
му опечешвенному, вмѣсто Греческихъ
боговъ, помѣстилъ въ своихъ одахъ боже-
сшва сѣверной, или Скандинавской Миѳо-
логіи, кошорыхъ въ воображеніи чищаше-
ля не имѣюшъ никакого опредѣленнаго
вида. Впрочемъ сіи и другіе недосшашки
ничто въ сравненіи съ красошами, кои-
ми вообще блищашюшъ лирическаія шво-
ренія сего великаго Поэша.

Драматическія Поэмы Клошштока,
заимшшованныя изъ Священнаго Писанія
и названныя Трагедіями, вообще малова-
жны. Болѣе досшощива имѣюшъ его
опечешвенныя піесы (*Bardiete*) *Hermanns-*
schlacht, Hermann und die Fuersten, Her-
manns, Tod, въ кошорыхъ сцены лучше свя-
заны, а характеры обрисованы и выдер-

жаны съ великимъ искусствомъ, хошя нѣ-
 сколько и выходяпъ за предѣлы природы.
 Особенно прекрасны помѣщенные въ нихъ
 хоры, въ копорыхъ виденъ весь теній
 Клопшпока. Кромѣ того написаны имъ
 многія *эпиграммы*, кантата Голгоѳа (пе-
 реводъ Stabat Mater) и прозаическія сочи-
 ненія: Gelehrtenrepublik Ueber die heilige
 Poesie, Fragmente ueber Sprache und Dicht-
 kunst, Grammatische Gespraechе, въ копо-
 рыхъ виденъ первоклассный знапокъ оше-
 чественнаго языка и меприки.

Н. Рацковъ.

Внукѣ - Именинницѣ *).

Любезная моя смугляночка Пашеша!
 Чего бы пожелаешь въ швои младыя лѣта?
 Желаю ... угадай ... желаю ... жениха! ...

Но изумленіе на всѣхъ я вижу лицахъ!

Нѣшь молода еще! Ха! ха!

И можно посидѣшь шебѣ лѣшь пяшь въ дѣ-
 вицахъ.

Дѣвическая жизнь, ей Богу! хороша;

Спроси у бабушки Напальи

Ефимовны, моя душа!...

А нынчѣ женихи не всѣ - но ешь ракали:

Иной не споишь и гроша

И женишься не изъ любви,

А изъ чего?—Изъ барыща!

Худый мужъ хуже злой свекрови.

Не всѣ вѣдь шаковы мужья,

Какъ патенѣка да ... я:

Такихъ мужей, какъ мы, почеспи бченъ
 мало!

Со свѣчкой поискашь!

Ни въ Моховой, ниже въ Бассейной не бы-
 вало! —

Чегожь въ день именинъ швоихъ мнѣ поже-
 лашь? —

Желаю я шебѣ скорѣе доучишься

*) Числаны за споломъ въ Окш. 1824.

И на экзаменѣ предъ всѣми опличишься.
Желаю ошь души Пашечокѣ добра

И мужа ... какъ придетъ пора!

У - ра!

И.

~~~~~

С. М. Я — ву.

(въ день его именинъ 5 Декабря 1894 *).

Почтенный именинникъ Сава!

Какая объ тебѣ идешь повсюду слава:

Ты добрый братель, примѣрный мужъ,
ошеть —

Вспорый Иаковъ!

Двѣнадцать сыновей ошь двухъ имѣлъ пошь
браковъ;

А ты ошь одного! .. Ну право молодець!

Дай Богъ тебѣ ошь дѣшокъ ушѣшенье!

Забудь для именинъ бѣду,

Что напроказила вода въ швоемъ саду.

О наводненье! наводненье!

Кшо ошь него не поспрадалъ?

Размокъ и мой журналъ!

Придетъ весна—ты все въ своемъ саду и-
справишь

И нашу спорону ошавишь.

*) Чашавы за споломъ передъ Шампанскимъ.

Опяшь на ошрову ты лѣшомъ будешь жить.
 Живи, живи и ушѣшайся,
 Дѣшьми и садомъ занимайся.—
 Давай же за швое здоровье спанемъ пишь.

И.

Лошадъ съ возомъ.

Сказка.

Мужикъ взвалилъ на сани
 Возъ цѣлый кирпичей, лошадку заложилъ,
 И хлыщешъ. Бѣдная возъ шанешъ чшо ешъ
 силь,

Едва крѣпяшся рвани —
 Но гдѣ сvezши? Овса же ей
 Давалъ хозяйинъ мало;

Къ шомужь была весна, и ошъ дождей
 Распушье спрашное по всей дорогѣ шшало.
 “Ну! ну! Э! скверная! Присшала съ вшѣхъ
 порь!,,

И вошь мужикъ, схвапая шопоръ,
 Шешъ длинный вырубаетъ,
 И ну несчастшную душишь...

Но бишь

Всегда ли помогаешъ?—

И возъ ни еъ мѣшша. — “Свапъ! за чшо такъ
 бешъ коня?,,

Сказалъ ему сосѣдъ. — За чшо? Учи меня!

Я знаю эту шварь; она лѣнишься рада,
Лишь только попкай. — “Э! грѣхъ шебѣ,
старикъ!

Ужъ шущь не лошадь виновата,
А возѣ великѣ.,,

И. Великопольскій.

~~~~~

Экспромпты С. Д. П.

(въ день ея ангела.)

И пощъ, кто мудросщъ ненавидищъ,
Кому судьба глаза одни дала,

Лишь только васъ увидищъ,

То скажешъ “мудросщъ какъ мила!.,

17 Сент. 1822.

—————

Премудросщи вамъ имя дали:

И правду молвищъ, вы опшмѣнно мудрены!

Кого собой вы не плѣняли?

А не были еще ни разу влюблены!

17 Сент. 1823.

—————

Ей же.

(въ день ея рожденія.)

Чего вамъ пожелащъ для вашего рожденья?

Вы не обижены Природой и Судьбой!

Умны, любезны вы и хороши собой —
Прелестны! . . . Нужноль что еще для на-
слажденья?

Хотѣль бы рѣчи дашь здѣсь оборотѣ другой;
Но сердце не всегда находишь выраженья,

25 Сент. 1823,

И.

Эпитафіи.

1. Адвокату.

Здѣсь Адвокашъ ошъ шрудныхъ дѣлъ
Нашель себѣ приюшъ спокойный:
Сб законами всю жизнь провель;
Но прожилъ вѣкъ свой беззаконно.

2. Доктору Микстурину.

И Смершь и Парки възрыдали,
Когда сей врачъ навѣки опочиль.
На свѣшѣ онъ для ближнихъ жилъ,
А ошъ него всѣ умирали!

Москва.

14 33.

Эпиграммы.

1.

Клипъ шушипъ для шого, что выгодно
 шушипъ:
 Шупя—онъ даромъ ѣсть и даромъ можешъ
 пишь,

2.

Уморинъ годовымъ бытъ Докторомъ желаетъ,
 Какъ много жишь больнымъ Уморинъ пред-
 лагаетъ!

Москва.

14. 33.

Возраженіе пваницы.

— Не пей вина, Федошъ!

Вино опаснѣй яда. —

«Я не пиль бы, ошець! но замаравши рошъ
 Пополаскашь его вѣдь надо.

Москва.

14. 33.

ЗАВТРАКЪ ВЪ ВЕРСАЛИ.

Анекдотъ.

Славный путешественникъ Бугенвиль, проѣзжая въ почтовой коляскѣ Елисейскія поля, увидѣлъ одного изъ своихъ приятелей, который тамъ прогуливался. Онъ подзываетъ его къ себѣ и проситъ ѣхать съ собою въ Версаль на завтракъ. Приятель поспѣхомъ согласился и они отправились. — Но почтовая коляска, не останавливаясь, проѣзжаетъ Версаль. — “Что же?,” говоритъ повариха, вѣсивъ спаничи; остановимся здѣсь. — “Ничего, поѣдемъ далѣе въ...десять часовъ ѣзды не болѣе... тамъ будемъ обѣдать у приятеля; увидишь, какъ славно угостишь онъ насъ.,” — Товарищъ начинаетъ шумѣть, бранивъ Бугенвиля; но пошъ не слушаетъ его и велитъ ѣхать далѣе. Наконецъ прибыли они къ назначенному мѣсту. — “Ну, приятель! — сказала Бугенвиль — мы здѣсь пообедаемъ полно и поѣдемъ далѣе: непременно надобно мнѣ бытъ сегодня въ Бресль. Воля швоя, а ты долженъ ѣхать со мною.,” Товарищъ взбѣсился, дѣлаешь жестокіе упреки Бу-

генвилю, предсавляешъ ему, что онъ въ одномъ фракѣ и вышелъ только прогуляться. — “Въ этомъ я помогу тебѣ, любезный другъ: вошь мой серпукъ, шинель; одѣнься поспешѣе и доѣдешь до Бреста., — Что дѣлаешь? Товарищъ согласился. — Приѣзжаютъ въ Брестъ.—“Послушай, любезный другъ, здѣсь на рейдѣ стоишь корабль; Капитанъ предобрый человекъ — зайдемъ къ нему, выпьемъ хорошенько и поужинаемъ.,—Пришелъ согласился. Они вошли на корабль—Капитанъ приказалъ сниматься съ якоря; поставили паруса и корабль пустился въ море.—“Любезный другъ, говоришь Бугенвиль своему товарищу, я намѣренъ объѣхать вокругъ свѣща; и такъ ты будешь мой спутникъ: здѣсь все для тебя готово и ни въ чемъ не будешь недоспашка.,—Что шушь дѣлаешь? — Пришелю далеко было возвращаться въ Парижъ (съ пустымъ карманомъ) — подумалъ, подумалъ, согласился и поѣхалъ около свѣща, такъ сказашъ *экспромптомъ*.

(Gesellschafter.)

Г. К.

Артистъ и аматеръ.

Сидя въ Оперѣ, спросилъ я своего сосѣда: кшо сидишь впереди насъ? — “Эшо Арписшъ!,, — А подлѣ него? — “Эшо Амапёръ!,, — Я засмѣялся, забылъ Оперу, забылъ своего любезнаго сосѣда, и въ головѣ моей вершѣлось: Арписшъ и Амапёръ! Амапёръ и Арписшъ! Любопышспвуя знашь причину шакихъ громкихъ названій, я беспокоилъ еще моего сосѣда; но онъ не слушалъ меня, и казался сердитымъ, обиженнымъ, и, Богъ знаетъ, чѣмъ казался мой милый сосѣдъ!

Кончилась Опера и сосѣдъ мой обратился ко мнѣ. — “Вы удивляетесь, сударь, названіямъ: Арписшъ и Амапёръ?,, — Удивляюсь, сударь, очень удивляюсь, и весьма желалъ бы знашь, почему вы дали шакія пышныя имена эшимъ смѣшнымъ господамъ? — “Вамъ угодно знашь?...,, — Чрезвычайно желаю. — “Извольше.. Помнишели вы, кошораго я назвалъ Арписшомъ?,, — Помню, сударь, помню. — “Замѣшили ли вы его физиогномикъ?,, — Все, сударь, замѣшилъ. — “Какова у него прическа?,, — Пощадите меня и продолжайше. — „Извольше же слу-

шасть...однако же понравилась ли вамъ его наружность?,, — Очень, сударь, понравилась...далѣ.—“Далѣ, сударь, я ничего не могу сказать.,,— Помилуйте, не вы ли назвали его Арписпомъ? — “Онъ почно Арписъ.,,— Да какой же Арписъ?— “Прекрасной Арписъ!,,—Но вѣдь вы знакомы съ нимъ? Бывали у него?—“Сколько разъ!,,—И вѣрно не безъ причины называете его Арписомъ?—“Ваша правда!,,— Такъ скажите, прошу васъ, въ какомъ искусствѣ опличается онъ?—“Скажу вамъ *по секрету*: онъ хорошо рисуетъ...головки.,,—Головки? Только?—,,Не однѣ головки, и глаза.,,—Такъ онъ ученикъ?—“Нѣтъ, Арписъ, наспоющій Арписъ!,,—Да почему же, сударь, Арписъ?—“Экъ, не понимаете, ну шакъ зовутъ его другіе.,,—А шопъ счастливецъ, котораго вы назвали Амашеромъ?—“О, шопъ Амашерь!—Не шакъ ли же эшопъ Амашерь, какъ шопъ Арписъ?—“Эшопъ почти всегда бываетъ въ Оперѣ.,,—По этому и Амашерь?—“Разумѣется.,,—Прощайте, сударь!—“Прощайте!,,—Вы завтра будете въ Оперѣ?—“Какъ же!..вѣдь и я...признашело скажетъ...,,—Вѣрно Амашерь?—“Грѣшный че-

ловѣкъ!,, — Прощайте же, Г. Амапёръ! — Прощайте!,, — Амапёръ и Арписпъ, Арписпъ и Амапёръ вершятся въ головѣ моей. Я не ожидалъ, что бы сколько было у насъ Арписцовъ, особливо Амапёровъ. Какъ благодарень я оперному моему сосѣду!

Москва.

14. 33.

~~~~~

ВТОРОЕ ПИСЬМО О НАВОДНЕНІИ КЪ
П. Л. Я.

21 Декабря 1824.

Не сердись на меня, любезнѣйшій племянникъ, что я не сдержалъ своего слова и не писалъ къ тебѣ болѣе мѣсяца. Слышалъ ли ты, что со мною сдѣлалось вскорѣ послѣ наводненія?

On dit et sans horreur je ne puis le redire.

Говорящъ ... и добро бы въ книжныхъ лавкахъ, а по въ клубахъ ... говорящъ, будто я умеръ! Многіе пожалѣли обо мнѣ, не многіе порадовались моей смерти. Двѣ спарушки отслужили по мнѣ панахиду. Одинъ юный Поэтъ (много лѣтъ ему,

здравспвовашь и ни въ какомъ журналѣ не учаспвовашь) почпилъ меня эпипафѣю. Не дошелъ ли и до тебя слухъ о моей насильспвенной кончинѣ? Уронилъ ли ты хошя одну слезу на...обершку *Благонамѣреннаго*?

Который эпо разъ насильно моряшь меня? По крайней мѣрѣ нынчѣ былъ къ эшому поводъ. Вскорѣ послѣ наводненія умеръ здѣсь нѣкто *Петръ Александровичъ Зимаировъ*, добрый, хорошій человекъ. И такъ по сходспву фамиліи и опчеспва приняли *Зимаирова* за *Измаирова*, *Александровича* за *Александра*. Но пошъ былъ Типулярный Совѣтникъ, а я Коллежскій и 24 ч. минувшаго Ноября, въ самый день именинь любезнѣйшей моей супруги, произведень въ 5 классъ; пошъ вель журналы, а я издавалъ; пошъ писалъ одною пошько прозою, а я пишу и спихами— такъ ешь разлица между нами.

И можешъ ли бышь, что бы какой нибудь журналиспъ умеръ передъ пренумераціею на новый годъ?

Вошъ какіе нелѣпые слухи распускаяшъ и у насъ въ Петербургъ, гдѣ *люды* все *нужной* *должностной*, а у васъ въ

Москвѣ, гдѣ мало людей сидятыхъ, но много газетъ ходятыхъ? Но ты уже, чай, теперь въ Вяткѣ. Изъ Москвы писала мнѣ одна почтенная спарушка, что шамъ полагали уронъ въ людяхъ во время бывшаго здѣсь наводненія, ровно въ сорокъ разъ болѣе, т. е. вмѣсто пяти сотъ до 20.000! Во многихъ губернскихъ городахъ умножили это число на десять, а въ уѣздныхъ удвоили и утроили! Но все не удастся грубымъ нашимъ провинціаламъ солгать такъ отважно, какъ лгушь просвѣщенные иностранцы. Въ какомъ-то Французскомъ журналѣ (самъ я не читалъ, а слышалъ отъ вѣрнаго челоуѣка) напечатано, что на Васильевскомъ острову вода разрушила всѣ дѣмбы и уцѣлѣлъ только одинъ!!

Вошь не по нашему въ чужихъ краяхъ-то
врушь!
Жаль право, что нигдѣ съ вракъ пошлннь
не берушь.

А сколько бы доспалось плашинъ и нашей брашнѣ журналистамъ!

Я обѣщала тебѣ сообщить множе-
ство анекдотовъ, случившихся во время

наводненія. Виновашъ! опоздалъ по обыкнове-
 нію. *On fait ce qu' on peut et non pas ce qu' on*
veut. Всѣ почти эти анекдоты напечатаны
 уже въ Ноябрьской книжкѣ (N 55) *Отече-*
ственныхъ Записокъ. Чипаль ли ты тамъ
 (на сгран. 369 и 370) повѣсшь о гальо-
 шѣ и о картофелѣ? Чудо чудное! диво див-
 ное! На крышку одной хижинь поспави-
 ла проказница вода гальошъ, а въ самой
 хижинѣ не дошла на полвершка до пе-
 чи; изъ печи же выплылъ горшокъ съ кар-
 тофелемъ! Издапель *Литературныхъ ли-*
стковъ (см. N° 23 и 24, сгран. 167) въ пя-
 ти пунксахъ доказаль, что это *вовсе*
не вѣроятно—но за то прочесшь *приятно*.

А чипаль ли другой анекдотъ о не-
 чаянной свадьбѣ? Насмѣшу: слово въ сло-
 во спишу.

“Одна бѣдная вдова, жившая въ Садо-
 вой улицѣ въ работницахъ, успѣла со-
 браться свои пожилки въ узель и спѣши-
 ла спасись съ ними къ родственницѣ
 своей, живущей въ Ипальянской слободкѣ;
 но на Семіоновскомъ мосту она заспи-
 нуша была водою, узель ея вырванъ былъ
 у ней изъ рукъ бурей, и сама она едва
 спасена ошь смерти мужчиною, копо-

рый привелъ ее тогда же въ свое жилище на Лишейной. Безупѣшная вдова съ такимъ опчаяніемъ жаловалась на сиротство свое и лишеніе всего имущества, что избавишель ея, узнавъ, что она свободна—предложилъ ей свою руку и сердце *)... Упѣшенная вдова опсправилась поспчасъ же къ роднымъ своимъ просишь плашья—для свадьбы.—Да за кого же ты выходишь? спросили ее. — “И машь моя! опвѣчала она: Богъ его знаетъ; я знаю только, что онъ мой избавишель и живешъ на *Литейной!*,,

Затѣйной анекдотъ! Что швой гальопшъ!—Смѣйте же сказашъ шеперь, что женщины любопытны. Ай да вдовушка! Исполашъ! Такъ обрадовалась *рукѣ и сердцу* жениха, что не спросила его даже и о имени. Да и на что? Она видѣла его жишье, бышье—знала по опышу, что онъ человекъ добрый — а что до того, какъ его зовушь? Иванъ, или Сшепанъ, не все ли равно? *Le nom ne fait rien à la chose.*

*) “Сердце не гальопшъ и можетъ остановишья гдѣ ему угодно.,, *Литтературные Листки*, N° 23 и 24, стран. 168.

Но что-то все не вѣрится, особливо послѣ галлопа. Какъ ни будь, да не шакъ.

Вошь еще анекдотъ, споль же справедливый, какъ и два предыдущіе; но за то несравненно замысловатѣе.

Плывешь во время наводненія по Невскому проспекту кошка и рядомъ съ нею крыса—плывушь — и не взглянушь другъ на друга — забыли смертельную вражду во время общей опасности. Вслѣдъ за ними два юныхъ липшерашора: *классикъ и романтикъ... вотъ тутъ ни приберу я слова... не плыли, не шли, не ѣхали — а двигались, шакъ сказаць, на широкихъ спинахъ брадапыхъ наемниковъ, облеченныхъ въ сермяжную броню. Романшикъ, увидя Классика, вскричалъ:*

Кинь, *Педантъ*, скорѣе въ воду
Вирши всѣ свои и оду:

А Классикъ съ важностію опивѣчалъ:

Кинь лучше, *баловень*, пы всѣ свои романсы,
Элегіи, посланья, спансы.

И потомъ начали бранишься уже не стихами, а мѣрною прозою. “Да сидише, господа, смирно, сказали имъ носильщи-

ки, а не то упадете и утонете. Не спыдно ли вамъ бранишься въ такое время и за что? Смотришь, вонъ плыветъ кошка съ крысою, но не прогаюшь другъ дружку.,...Но

Безумцамъ умна рѣчь, какъ въ ручей къ
вода:

Журчишь и мимо протекаешь.

Бранились, бранились Романшикъ съ Классикомъ, кричали, кричали и наконецъ со спинъ носильщиковъ упали, да и попали въ воду.

Впрочемъ справедливость пребуешь сказать, что всѣ почти вообще нынѣшнiе литераторы сохраняютъ всегда на словахъ должную благоприспособность. Нишунъ другъ на друга эниграммы, сказки, воюють въ журналахъ; но въ обществѣ никогда не сдѣлаешь ни одинъ другому ни малѣйшей грубости, ни малѣйшей невѣжливости. А что было за двадцать лѣтъ? за тридцать? за сорокъ?

Есть у меня въ запасѣ нѣ сколько истинныхъ и весьма любопытныхъ анекдотовъ, копорые нигдѣ еще не напечатаны. Сообщу ихъ тебѣ, сообщу, какъ только немножко поощдлаюсь, а тебѣ;

передъ новымъ годомъ сполько у меня работъ и хлопотъ, что право голова кругомъ идетъ. Скажу только, что въ бѣдствіи разорившихся отъ наводненія принимающъ всѣ живѣйшее участіе и что дѣлаемая въ пользу ихъ пособія и пожертвованія превосходящъ всякое ожиданіе. Безъ сердечнаго умиленія не могъ я слышать о слѣдующихъ двухъ мѣлкихъ, но весьма разительныхъ чертахъ благошворительности.

На другой день наводненія во многихъ мѣстахъ вздорожалъ было чрезвычайно какъ бѣлый, такъ и черный хлѣбъ, и въ рояшно цѣна съ того и другаго не скоро бы спала, еслибъ попечительное правительство не приняло поспѣшь рѣшительныхъ мѣръ къ пресѣченію всякихъ въ семь случаевъ злоупотребленій. Вездѣ есть расчешливые люди, копорымъ дай только волю, то не ууспящъ извлечь для себя пользу изъ общаго несчастія. На другой же день наводненія какой-то Офицеръ, увидя въ Галерной гавани двухъ мужичковъ съ полными на головѣ дошками сакъ и сочпя эшихъ сачниковъ за расчешливыхъ шоргащей, не ушерпѣлъ и давай ихъ бранить.

— За что бранишься, баринъ? — спросилъ его одинъ изъ нихъ весьма хладнокровно. — “За то, что вы хопите драпъ впрое и вчешверо за свои сайки съ разоренныхъ.” — Грѣшите, Ваше Благородіе! сказала другой. Насъ Богъ помиловалъ во время попопа; такъ мы положили раздавать каждый день даромъ по два ложка сакъ. — И вслѣдъ за сѣмъ дѣйствительно добрые мужички, въ присущствіи Офицера, роздали безденежно всѣ свои сайки бѣднымъ и голоднымъ жителямъ Галерной тавани. Это самое повпоряли они попомъ нѣсколько дней сряду.

Въ одномъ изъ здѣшнихъ благородныхъ дѣвичьихъ училищъ, даже самыя маленькія дѣвицы показывались добровольно ошъ завпрака и полдника и посылали свои порціи къ разореннымъ. Умницы! Добренькія!

Проспи моя умница!

Книжныя Извѣстія.

I.

Переводъ Софокловой Трагедіи: *Аяксъ неистовый*, составляющій продолженіе изданія Греческихъ классиковъ въ печеніи сего 1825 года оппечашанъ.

Въ нынѣшнемъ году оппечашаются также послѣднія Трагедіи Софокла: *Филоктетъ* и *Электра* и IV послѣдняя часть *Иліады*. Всѣ сіи книги, вмѣстѣ съ вышеупомянутою Трагедіею, по подпискѣ сполучатъ: на одномъ Русскомъ языкѣ, съ примѣчаніями 17 руб.—съ Греческимъ подлинникомъ, Русскимъ переводомъ и примѣчаніями 33 р.

Книги сіи продаются и принимаются подписка на нихъ и порознь во всѣхъ книжныхъ лавкахъ и магазинахъ, здѣшнихъ и Московскихъ; равно и въ моемъ домѣ на В. О. въ 11 линіи, по малому проспекту, подъ № 387.

IV. Часть *Иліады* сполучатъ на Русскомъ языкѣ 12 р. съ Греч. подл. 17 р.

Аяксъ неистовый — 3 р. съ Гр. п—5 р.

Филоктетъ — — 3 — — — 5—

Электра — — 3 — — — 5—

Въ шѣхъ же мѣстахъ можно сполучать и книги сего изданія, вышедшія въ 1813 и 1824 годахъ; онѣ съ имѣющими оппечаша-

пашься въ 1825 году спюкошъ на одномъ Русскомъ языкѣ 67; съ Греческимъ же шекстомъ 125 р.

Ш часиъ Иліады ошпечаашаешся въ концѣ Генваря, или въ началѣ Февраля сего года.

1 Генваря 1825.

Иванъ Мартыновъ.

II.

На сихъ дняхъ вышлѣ слѣдующія книги:

1) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, съ подлинникомъ изданныя и переведенныя въ стихахъ, съ прибавленіемъ введенія, сравненія ихъ съ простонародными пѣснями Русскими и примѣжаній Н. Гнѣдигемъ. Изданіе украшено карпинкою, изображающею нынѣшняго война Греческаго. С. п. 6. 1825. Цѣна на люб. бум. въ красивой обверш. 6 руб., на велен. въ красив. папкѣ 8 руб. — Продается на Невскомъ проспектѣ въ домѣ, принадлежащемъ Императорской Публичной Библиотекѣ, въ кварширѣ *Николая Иванова Гнѣдига* и въ домѣ Кусовникова, у Каз. мосша, въ книжной лавкѣ *И. В. Сленина*. Иногородные, ошносясь на имя перваго, получаютъ безъ платы за пересылку.

2) Сѣверныя цвѣты, на 1825 годѣ, собранныя Барономъ Дельвигомъ. Съ превосходно гравированнымъ заглавнымъ листомъ и кар-

тинкою, изображающею видъ дома, въ которомъ жилъ несчастный Тэссъ.—Прод. въ книжномъ магазинѣ Издашеля И. В. Сленина. Цѣна экземпляру, въ красивой папкѣ, на вел. бум. 10 р. Иногородные прилагають за пересылку по 25 к. серебромъ.

3) *Лондонскій Пустынникъ, или описаніе нравствъ и обычаевъ Англичанъ въ началѣ IX столѣтія.* Съ гравированною карпинкою.—Прод. въ библиотекѣ для чтенія А. Ф. Смирдина, что у Синяго моста. Цѣна 6 р., а за всѣ три части 18 р.

О сѣхъ прехъ новыхъ и весьма хорошихъ книгахъ, заслуживающихъ особенное вниманіе просвѣщенной Публики, скажемъ подробнѣе въ слѣд. N.º

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. № III.

НЕСЧАСТІЕ ОТЪ СЛЕЗЪ И ВЗДОХОВЪ.

Повѣств.

(Продолженіе. *).

38.

Не далеко отъ высокаго, развѣсистаго дуба, подъ которымъ успокоился чувствительный Эрастъ, стоялъ высокій каменный столбъ съ надписью: *въ Беззаботино*. Такъ называлось подмосковное село, принадлежащее Господину Богановову, а эпикъ Г. Боганововъ былъ великій философъ, потому, что нигдѣ не

*) Многіе изъ читателей и читательницъ *Благонамъреннаго* съ нетерпѣніемъ ожидали продолженія этой веселой, остроумной и масперски написанной Повѣсти. (См. *Благ.* 1824. № XII, XIV и XV). Обязанностию почишаю удовлетворить сколь можно скорѣе ихъ желанію. Сочинитель общалъ доставить вскорѣ и окончаніе. *Изд.*

служилъ, имѣлъ неподобную библиотечку, и жилъ лѣпомъ въ деревнѣ, а зимою въ Англинскомъ клубѣ. — У эшаго Г. Богапонова всегда бывало множество гостей изъ города; гостямъ нравилось все въ Беззабошинѣ: и хозяинъ и хозяйка, и село и поварь. Богапоновъ, какъ человекъ умѣющій жить въ свѣтѣ, и человекъ, который видѣлъ свѣтъ, любилъ проживать опцовское наслѣдство съ ласковыми и приятными людьми; а какъ извѣстно, что они всегда водяшся тамъ, гдѣ хорошъ поварь, то и Богапоновъ, во всѣхъ комнашахъ лѣшняго своего дома, во флигеляхъ, въ бесѣдкахъ, въ оранжеряхъ, даже въ банѣ, имѣлъ любезнаго человека, генія, виршуоза ... Въ числѣ геніевъ Богапонова не послѣднее лице игралъ Горланскій, человекъ небольшого роста, но который въ свое время и въ школѣ побѣждалъ самыхъ дюжихъ шоварищей ... побѣждалъ словами, лапынью, спихами и крикомъ. Провидѣніе, которое вѣроятно имѣло виды на Горланскаго, привело Богапонова на Никольскую къ книжнымъ лавкамъ въ то самое время, когда Горланскій, въ запрапезномъ халатѣ, съ сумочкой черезъ пле-

чо, диспутоваль объ одномъ важномъ метафизическомъ предметѣ. Богапоновъ ахнулъ ошъ изумленія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не подивись Горланскому, копорый и Гораціевыми стихами, и спишками изъ Сумарокова, и Русскими пословицами, опражалъ всѣ нападенія со стороны високаго студента во фризвомъ серпукѣ. Богапоновъ сей часъ догадался, что маленькой человекъ долженъ бытъ гений, и неперяя времени, пригласилъ его къ себѣ, и поручилъ ему свою библиопеку. Съ шѣхъ поръ Горланскій сдѣлался неразлучнымъ поварищемъ и собесѣдникомъ Богапонова... Богапоновъ всякой день шолько что не со слезами благодарилъ судьбу за драгоцѣнный подарокъ, ему низпосланный во образѣ Горланскаго. Горланскій шакже не могъ нахвалишья Богапоновымъ, и по при раза въ день писалъ оды и посланія къ своему Меценату. Богапонову понадобилась какая-шо модная книжка, и онъ послалъ за ней въ городъ Горланскаго; Горланскій купилъ ее и спѣшилъ обрадовать своего Папрона, какъ вдругъ... шелѣжка, на копорой онъ ѣхалъ, падаетъ на бокъ, колесо кашипся

въ сторону, а Горланскій за колесомъ ... лошадь оспановилась...возница догадался, что колесо изломано, и посоветовалъ Горланскому продолжать путь по образу пещаго хожденія. Несчастнѣй, но по своимъ слѣдствиамъ благодѣтельный случай! Ты сблизилъ двухъ людей, которыхъ...но чинайше далѣе — и извиниве, что я до сихъ поръ не бужу моего Эраспа.

39.

Горланскій радъ споль несчастному паденію; оно доставляетъ ему случай написать свое пупешесствіе...Къ шому же ушро прекрасное! Такая свѣжестъ въ воздухѣ..и до села не болѣе двухъ верспъ. Горланскій вынимаетъ карандашъ, улыбаясь смотритъ на окружности....Но улыбка слетаетъ съ довольнаго лица его, когда во взорахъ его отразился высокой дубъ развѣсистой. Онъ видитъ Эраспа и Федота, нашихъ чувствительныхъ пупешесственниковъ. Горланскій въ изумленіи..перяется въ догадкахъ, кто они..кто сіи невѣдомые, эти спящіе—незнакомые знакомцы?..Карандашъ выпадаетъ изъ рукъ его...Руки невольно пропя-

тивающся впередъ... ноги невольно несутся за руками; наконецъ онъ передъ высокимъ дубомъ.—Эраспъ, завернувшйся въ сершукъ. и Федотъ на чемоданѣ поражающъ взоры наблюдателя.

Увы! пройдешь прелестный сонъ!
И сладкомъ будешь пробужденье?

Восклицаешъ онъ, размахнувъ руками, и громкое восклицаніе его, пробуждаешъ Эраспа.....Исполненный своего предмета Эраспъ открываешъ свои слезопочивые глаза, видящъ надъ собою чистую лазурь неба ... изумрудную зелень дубовыхъ листвееъ и невольно восклицаетъ съ Позшомъ: “шумите уныло, березы и осины! шумите для симпатическаго удовольствія чувствительной души. (*),”

— Чшо за вздоръ! чшо за безсмыслица! — ворчитъ Федотъ, поворошившись на бокъ...

“Федотъ!” — Сей часъ. сударь! — “Вспавай!” — Сію минушу! — И вопшь Федотъ, зѣвая, поднимаешся со своего мѣсна и изумле-

(*) Повѣсти К. Шаликова, стр. 69.

нѣ замораживаетъ выраженіе его соннаго лица; онъ глядитъ неподвижными глазами на окружающіе его виды; обширный рощъ оспасенъ въ зѣвающемъ положеніи; одна рука обращена къ сѣверу, другая къ югу ... онъ забылъ, что заснулъ подъ дубомъ; онъ забылъ, что путешествуешь куда глаза глядятъ!... и шѣло его проснулось гораздо прежде души, которая все еще ищетъ знакомой ей кухни. Но Эрасъ, Эрасъ помнитъ все, все! даже и то, какъ онъ бѣжалъ изъ деревни, и Эрасъ, сказавъ привѣтствіе березамъ и осинамъ, вскакиваетъ со своего мѣста ... и улыбка гошова уже на привѣпливыхъ устахъ его.. она обращена къ Горланскому и Горланскій разгадалъ ее ... онъ оцѣнилъ ее и Горланскій подаетъ руку чувствительному Эрасу съ желаніемъ добраго ушра ... они познакомились. Горланскій предлагаетъ Эрасу пристанище въ домѣ Богапонова. Горланскій слышалъ объ Эрасѣ и ранѣ восхищается удовольствіемъ, которое доставитъ появленіе чувствительнаго поэта въ селѣ Беззабопинѣ; Эрасъ соглашается на предложеніе и разговаривая о сердцѣ, о слезахъ, о симпатіи, они подошли къ Беззабопину.

Теперь хотише ли узнатьъ, мои пер-
пльивые чипашели, покороче Горланска-
го, Богашонова и сѣмейство его? Горлан-
скій, вы уже знаете кто онъ, и какъ сча-
стливая судьба привела его въ Беззабо-
тшино; но не знаете, что онъ съ Бога-
шоновымъ объѣхалъ всю Европу и долго
прожилъ съ нимъ въ Парижѣ, а это сдѣ-
лало то, что Горланскій опспалъ опъ
школьныхъ привычекъ; но въ немъ оста-
лось еще много, очень много смѣшнаго
и сшраннаго, а пошому всѣ въ домѣ на-
зывали его Маркизомъ Глаголемъ. Да бу-
дешъ же онъ и въ повѣсти нашей Мар-
кизь Глаголь. О Богашоновѣ вы имѣете
уже понятіе... опспалось только сказать
нѣсколько словъ о его сѣмействѣ. Жена
его добрая барыня, кошорая ни во что
не мѣшалась, была въ своемъ домѣ какъ
госпья; за то дочь ея Юлія владычествовала
надъ всемъ. Юлія прекрасная, живая,
веселая, рѣзвая, была единственная на-
слѣдница Богашонова. Московскіе любез-
ники, старые и молодые, шодились око-
ло прекрасной и другъ предъ другомъ

спарались привлечь на себя ея вниманіе; но прекрасная была внимательна ко всѣмъ, со всѣми одинаково любезна и не видно было, чшобъ она предпочишала кого нибудь изъ бапаліона своихъ обожашелей. Вошь и все сѣмейство Богапонова! *Le reste ne vaut pas le peine d'être nommé.*

И вошь нашъ Эраспъ, кошорому Горланскій описалъ Юлію. Эраспъ почувствовалъ электрической ударъ въ голову и сердце... онъ боинся раздражительносши своихъ нервъ и чувствительносши своей души. Она уже покуешъ въ непернѣливомъ ожиданіи чего-шо приашнаго, немнаго... образъ прекрасной Юліи рисуешъ въ его воображеніи со всѣми прелестями шрехъ Грацій, со всѣми талантами девяти Музь и... невольный вздохъ лепишъ изъ спѣсвенной груди его; Горланскій, великой фізіономистъ, внимательно смопришъ на игру лица своего поварища, угадываетъ причину смяшенія чувствительнаго Эраспа... и улыбаешся... коварный! онъ уже веселится заранее шспраданіемъ Эраспа и вымышляетъ разные способы къ удержанію его въ деревнѣ на все лѣто... и вошь они уже въ домѣ Богапонова.

Эраспъ счастливъ потому, что въ продолженіи десяти минутъ успѣвъ уже поплакать до сына. “Я очень радъ, что вижу у себя новаго Стерна, — говоришь ему хозяинъ ... и Эраспъ дружески пожимаетъ руку Богапонова, и сердечный вздохъ лешись изъ груди его, и радостная слеза капился изъ его лѣваго глаза!.. — “Я съ удовольствіемъ чипала ваши повѣсти, — говоришь ему хозяйка — и Эраспъ почтительно наклоняется, прижимаетъ къ сердцу дорожный карпузъ, и слеза сердечнаго удовольствія бѣжитъ изъ его праваго глаза. — “Какъ мило, какъ приятно вы пишете!”, говоришь ему нѣжная Юлія, бросивъ на него пронзительный взглядъ ... и Эраспъ вспыхнулъ... зашрепешаль, и слезы градомъ посыпались по его блѣдножелтымъ ланипамъ!... онъ не въ силахъ говоришь ... слова замирають въ груди его ... Окружающіе Богапонова геніи подходяшь къ чувствительному путешественнику и поочередно изъясняють радость свою, видя новаго Стерна! ... Эраспъ засыпанъ учтивостя-

ми ... а Федось, съ чемоданомъ за плечами — и съ открытою головою, спойшь въ безмолвномъ удивленіи; ему кажется, что онъ съ бариномъ своимъ попалъ въ одинъ изъ пѣхъ волшебныхъ замковъ, о копорыхъ шакъ часто упоминается въ сказкахъ. Видъ огромнаго великолѣпнаго дома, множество госпдей окружающихъ Богашинова, прелестная Юлія, толпа служителей въ богашыхъ ливреяхъ... все, все, поражаетъ изумленнаго Федоса... и воображеніе его предается восхищенному ожиданію обѣда... Эрасма вводяшь въ домъ... Юлія ведетъ его на балконъ, откуда открываются прелестнѣйшіе виды; ведетъ его въ садъ, въ бесѣдки, гроты, и къ вечеру Эрасмъ уже былъ какъ домашній въ семействѣ Богашинова... Восхищенный всею, что видѣлъ, что слышалъ и чувствовалъ, приходитъ онъ послѣ ужина въ опведенную ему комнату... новое наслажденіе, новая причина къ восторгамъ! Всѣ стѣны его кабинета увѣшаны гирляндами изъ васильковъ, миршовыми вѣнками; на письменномъ столѣ спойшь бюстъ Ж. Ж. Руссо, и подлѣ, въ фарфоровой вазѣ ландыши... и эллади

Сумарокова въ богатомъ переплетѣ. Слезы шакъ и текутъ изъ глазъ Эрасповыхъ и окружающія его тирлянды, вѣнки и ландыши, кажутся ему какъ за слюдою. — Упомленный, пораженный удовольствіемъ, онъ бросается на софу и не можешь даже плакать! Въ сердцѣ его, мягкомъ какъ воскъ, уже напечатлѣнь образъ прелестной Юліи ... и эти украшенія въ компанѣ показываютъ ему, что имъ занимаюся. Этому довольно, чтобъ сокрушить и сердце и душу и разумъ чувствительнаго. Его мысли обворожились, и онъ засынаеть съ сладкими мечтаніями о своемъ блаженствѣ.

42.

На другой день ... Эрасъ одѣвается въ самое щегольское платье ... Eau de Lavande лилась рѣкою на носовый платокъ и кафшанъ его ... но увы! природа не радуется блаженству Эрасову ... небо зашпано облаками ... шучи волнуясь надъ Беззаботнымъ. Вощь и дождь накрапываетъ...а Юлія назначила эщощь день для прогулки по окрестностямъ ... она ска-

зала, что поѣдешь въ кабриолетѣ вмѣстѣ съ Эраспомъ ... Немилосердая природа! Но погода не имѣешь шеперь вліянія на Эраспа ... Его блаженство подлѣ Юліи...смотря на нее, слушая ее, ему кажется, что всѣ міры и солнце плывушь въ гармоніи ...и онъ счастливъ!...Дурная погода соединила всѣхъ посѣщителей Богатонова въ круглую, свѣтлую, гостинную... каминъ занималъ; часныя госпей усѣлась за карпы, другіе принялись за журналы; Эраспъ, Маркизь Глаголь и съ десятокъ Московскихъ Сенпрё окружили Юлію...Юлія любезна, Юлія умѣешь всѣхъ занять, умѣешь всякому сказать что нибудь приятное, и обладаешь высокимъ даромъ польстить самолюбію cadaго ... разговоръ дѣлается живѣе...желаніе нравиться прелестной родишь, въ каждомъ счастливѣя идеи, остроумныя замѣчанія; Эраспъ поржествуетъ, а особливо, когда дошло дѣло до игры въ вопросы и отвѣты, до буриме и пріолоповъ, которые онъ сочинилъ безподобно. Такимъ образомъ прошелъ ненастный день, и слѣдующее утро освѣщило новое поржествочувствительнаго поэта ... Вечеремъ на

ванунъ, Юлія, Маркизь Глаголь, Московскіе Сенпрё, условились праздновать прибытіе въ село Беззаботино знамениаго Чершополохова . . . Игривое воображеніе Юліи придумало все для эшаго романическаго праздника . . . Маркизь Глаголь пишеть роли дѣйствующимъ лицамъ; оставалось только уговорить Эраспа, чшобъ онъ дозволилъ одѣнь себя паспушкомъ. Юлія взялась за это...чего не сдѣлаешь съ нами прелестная? Особливо въ чемъ откажетъ ей чувствительный нѣжный Эраспъ! И Юлія только намѣкнула о праздникѣ, о кошкѣ паспушка (всегда драгоцѣнномъ для поэта), Эраспъ на все согласился...и еще написалъ мадригаль Юліи, въ которомъ клялся всеми языческими богами, чшо она можетъ сдѣлать изъ него не только паспуха, но и паспушку . . . И вопъ наступило утро достопамятнаго дня, назначеннаго для торжества Эраспова. Солнце сіяло во всемъ блескѣ, все въ природѣ радовалось. Эраспъ открываетъ сомные глаза, и взоры его сладостраспно пробѣгають по спѣнамъ его комнапы; упреніе лучи солнца, ударяя въ зеленыя, шелковыя за-

вѣсы оконъ, разливали на предметы ка-
 кой-то упоищительный свѣтъ. Дымъ опъ
 курищельныхъ свѣчь, которыя достав-
 лены были во всѣхъ углахъ комнашы за-
 шѣйливымъ Федотомъ, эпошь аромаши-
 ческій дымъ, поднимаясь къверху, вился
 около васильковыхъ гирляндъ и мирпо-
 выхъ вѣнковъ... Эраспу казалось, что онъ
 въ облакахъ... и онъ умеръ бы опъ бла-
 женства, еслибъ слезы не облегчили его
 восхищенія... онъ вснаешъ... опсшраняешъ
 лѣнивою рукою оконныя завѣсы, и взоры
 его не могутъ насыщиться восхищитель-
 нымъ видомъ просыпающейся природы...
 Цѣпъ! никогда еще не было шакъ весело
 на сердцѣ Эраспа, какъ въ эту минушу: онъ
 видишь лугъ, испещренный цвѣтами; онъ
 видишь березы и сосны; онъ видишь ясное
 небо; онъ знаешъ, что сегодня назначено
 шоржесство его; онъ знаешъ, что сегодня у-
 видишь Юлію, прошлыя горести, самыя слѣ-
 ды сшрасшей, волновавшыхъ его сердце, из-
 глажены ощущеніемъ насющаго блажен-
 ства; онъ забылъ даже о Федотѣ, который
 вспалъ вмѣстѣ съ солнцемъ и спойшъ ше-
 зеръ подъ него съ кофеемъ и съ густыми
 палевыми сливками... наконецъ взоры Эра-

сповы насыпились; онъ принимаесть насыщанъ свой аппешипъ, и пьеть кофе съ палевыми сливками. Воображеніе его свало иривье, кровь рѣзвье заспруилась въ жилахъ его; онъ высылаесть Федота и береть въ руки маленькую пепрадку... Это описаніе праздника въ селѣ Беззабонинѣ — праздника, копорый даесть Эраспунѣжная, прелеспная Юлія. Эраспъ перемиспываесть веленевые лиспочки ... Онъ долженъ предспавлять паспушка Миршила, копорый оспавиль родину попому, что приревновать свою Паспушку Дафну къ Саширѣ Циклопу ... на дорогѣ вспрѣчаесть онъ другаго Паспушка Меналка, скишающагося по горамъ и доламъ изъ любви къ Аспрономіи. Эпотаго Меналка долженъ предспавинъ Федотъ; они дружатся, по еспъ Меналкъ и Миршилъ, и идушь вмѣспѣ куда глаза глядяшь ... вдругъ .. вдали видяшь они пыльное облако ... оно несеться прямо къ нимъ...ближе, и вопъ глазамъ ихъ предспавляесть цѣлое спадо барановъ, прелѣдуемое волкомъ. Они оба, Меналкъ и Миршилъ, бросаються на хищника, по еспъ, на волка, прогоняють его — и гоняшь спадо назадъ. Вдругъ бѣжишь

къ нимъ на встрѣчу прелестная Паспушка и благодарить ихъ за избавленіе ея овецъ отъ лютаго неприятеля. Миршиль, само собою разумѣется, влюбляется въ Паспушку и идетъ съ нею въ ея шалашъ; Паспушкѣ также нравишься Миршиль; но она предлагаетъ ему разныя испытанія, на примѣръ: онъ долженъ перепрыгнуть чрезъ ровъ, чѣмъ сорвать для нее незабудку; долженъ скапиться съ крупной горы, чѣмъ достать маленькаго ягненка, который не въ силахъ еще обратиться на крушизну; онъ долженъ спѣть безъ приговора какую нибудь балладу, или романсъ.. вопль главныя черты роли, назначенной для Эраспа, отъ которой онъ въ восхищеніи..и какъ не восхищаться? Роль его Паспушки взяла на себя Юлія. И вопль нашъ Эраспъ сидитъ и швердитъ свою роль... между шемъ въ домѣ Богашинова суеша, хлопоты... гостей навхало множество, и всѣ, заранѣе предупрежденные о праздникѣ, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его начала. Лакеи, горничныя бѣгаютъ изъ комнашы въ комнашу, по садамы, по оранжереймъ; Юлія раздаешь роли, Маркизь Глаголь всѣхъ учитъ ... наконецъ про-

Било гдѣ часовъ... всѣ гости опсправились на балконъ, опкуда видны были двѣ высокія горы, между копорыхъ вился ручеекъ... Обѣ сіи горы назначены были мѣспомъ дѣйсвія Идилліи въ лицахъ... На одной изъ эпихъ горъ видны были паспушыя шалашы, паспухы, паспушки и спада барановъ и козь—на другой... ничего.

(Продолженіе въ слѣд. №.)

~~~~~

Болная Жена.

“Ахъ, какъ сегодня я распухла и желша!
Не правдаъ, папенька?, — Нѣшь, я не замѣчаю.

“Ты шушишь!,, — Совѣспью моею опвѣчаю...
“Какъ пожелшѣла я!,, — Мечша, мой другъ, мечша!

Сегодня шы мила необычайно!—

“Нѣшь у меня распухшее лицо!,,

—Тебѣ шакъ кажешся. — “Вы судите пре-
странно!

А руки!.. видишель, какъ врѣзалось кольцо!

Не водяная ли?.. Я слабаго сложенья...

Не мудрено!..,, — Ахъ, Лиза! замолчи!—

“Какъ спало мнѣ шемно! Какъ помрачилось зрѣнье!“

—Ну розовой водой пы глазки примочи.—

“Что розовой водой!...ахъ! спазмы! умираю! Скорѣ Доктора!,,—Да некого послашь!—

“Безчувственный ширань! пы видишь, я сстрадаю!,,

—Но тыжь изволила всю дворню разо-
слашь.—

“Вошь добрый мужъ.. Жена едва не умираешь...
раешь...
Ты могъ бы Доктора и самъ позвашь ко
мнѣ.,,
—И Докторъ не всегда, мой ангель, помо-
гаешь.—

“Я слышу ошь себя лишь грубости однѣ...
Сей часъ же я себя навѣки оспавляю!...,,

—Ты хочешь умерешь?—“Нѣшь, варваръ, я
сбѣзжаю.,,
Москва, 14. 33.

Москва,

14. 33.

ли тититит

Басни.

(Вольный переводъ съ Нѣмецкаго.)

1 Скупой.

Скупой въ рѣкѣ глубокой ушопаль,
На быстринѣ волнами увлекаясь.

Рыбакъ не вдалекѣ спояль.

И бросился въ рѣку, спасши его ста-
рался.

“Дай руку мнѣ,—ему кричалъ.—
 —Что? Дать! сказалъ Скупой, да швы
 ума ряхнулся:
 Я въ жизни не давалъ, не дамъ!—и...захлеб-
 нулся.

2. Пчелка.

Съ цвѣшовъ полевыхъ
 Летая шуда и сюда, медь Пчелка собирала.
 Пчелку въ работѣ Пасшущка засчала.
 “Съ цвѣшовъ безъ разбора берешь ты—ска-
 зала—

Ядъ ешь въ иныхъ.,,
 —Да, ошвѣчала ей Пчелка, я знаю;
 Только ядъ-шо я въ нихъ ошавляю.

3. Воронъ.

Какой-то Воронъ крохоборець
 Въ свое дупло съ богашаго двора
 Коралловъ нашаскалъ и жемчугу и колець
 И золоша и серебра.
 “Что съ ними сдѣлаешь?—пернатому кашею
 Пѣшухъ сказалъ—
 Тебѣ въ нихъ пользы нѣшь!.,,—Нѣшь! Воронъ
 прокричалъ,
 Да я, чшобъ ихъ имѣшь, имѣю.

Б. Федоровъ.

Жизнь-Спектакль.

Жизнь естъ *Комедія, Трагедія, иль Драма;*
Спектакли начались съ *Адама;*
Актеры мы, а *сцена* шаръ *земной;*
 Всякъ *етроі* имѣешь *свой.*
 Иной *играешь* не *по ролю;*
 Но *спраси* намъ *всегда сѹфлерѹ;*
Смерть завесѹ, а *случай режиссерѹ.*
 Судъ *зрителей* не въ *нашей волю;*
 Мы *сбросимъ* свой *костюмъ* въ
 пыли.

Насъ *развезутѹ,* куда *придешся.*

Актеры съ *зрѣльца* сошли,

А *декорація* въ *театрѹ* *остаесться.*

Б. *Федоровѹ.*

ттиттти

Слабость.

Мудрецѹ.

Все *суеша!* Все *суеша!*

Прямое счастье — *нищеша!*

Вельможа.

Прекрасно! На, *возьми червонцовъ кошелекъ.*

Мудрецѹ (* *принимая.*)

И *даже философъ* отъ *счастья* *далекъ!*

Москва.

14. 33.

ттиттти

*) *Срамецѹ! Прил. Изд.*

О ПЕТРѢ АРЕТИНО, ИТАЛІЯНСКОМЪ СТИХОТВОРЦѢ *).

Удивительно, что Пешрь Аретино приобрѣлъ себѣ славу въ такомъ блистательномъ вѣкѣ, каковъ былъ XV вѣкѣ, когда процвѣтали въ Италіи величайшіе гении, между темъ какъ его сочиненія не заключающъ въ себѣ ничего, кромѣ ругательствъ и всѣхъ возможныхъ непристойностей, при посредственной оспротѣ, самой ограниченной учености и даже безъ малѣйшаго здравогомыслія. Это казалось непонятнымъ для самыхъ ученыхъ и благоумныхъ Италіянцевъ. По моему мнѣнію причина столь повсемѣстной и столь несоразмѣрной съ малымъ достоинствомъ сего писателя славы произошла отъ ду-

---

*) Изъ сочиненій Маршинели, отъ котораго осталось прекрасное собраніе дружескихъ писемъ, Исторія Англіи въ трехъ частяхъ и Исторія управления Англіи и ея колоній въ Индіи и въ Сѣверной Америкѣ. Онъ родился въ началѣ прошедшаго столѣтія. Слогъ его почитался самымъ чистымъ Тонканскимъ, а письма образцовыми. *Ирил. Перев.*

ха партій, копорья въ его время господствовали въ Италіи, когда всё владѣтели оной находились во враждѣ между собою и принимали спорону или Императора Карла V, или Франциска I, Короля Французскаго, двухъ могущественнѣйшихъ соперниковъ, домогавшихся овладѣть Италіею. Въ сіе время были въ большомъ употребленіи сапиры, копорья по существу (?) своему, заключаая въ себѣ похвалу и ласку, нравились людямъ знатнымъ; а какъ Арешино опличался въ сапирахъ также и чрезвычайнымъ ругательствомъ, то и былъ покровительствуемъ и вознаграждаемъ разными партіями. По мѣрѣ угожденія спрашямъ ихъ, вошелъ онъ въ такую славу, что бралъ оупъ каждой изъ сихъ партій значительныя суммы, ш. е. оупъ Карла V и оупъ Франциска I. Такимъ образомъ видя себя повсюду превозносимымъ, награждаемымъ и спрашнымъ для людей могущественнѣйшихъ, Арешино, имѣя низкую душу, ослѣпился до такой степени, что безъ всякаго стыда называлъ себя *бителѣмъ властителей* и даже *божественнымъ* (*il fragello dei principi, il divino*). Наконецъ велѣлъ онъ выбить ме-

даль, представляющую его на прони, окруженнаго вельможами, подносящими ему дары и знаки почестей опъ лица своихъ власшпителей; а на другой споронѣ находились слѣдующія слова: *Владѣтели, полусающіе дань отъ народовъ, приносятъ оную своему слугѣ.* (Principi di popoli, tributano il servitor loro.)

Онъ родился въ Ареццо, славномъ Тосканскомъ городѣ, въ самомъ низкомъ сословіи. Главнѣйшія его сочиненія суть: Комедіи, неблагоприспойные Разговоры Письма и Сапиры. Въ одной изъ сихъ послѣднихъ имѣлъ онъ безумную дерзость написать слѣдующіе стихи:

Io son Pietro Aretin chiamato Tosco,
Di tutti dissi mal fuor che di Dio,
Scusandomi col non lo conosco.

по еспь: я есмь Петрѣ Аретино, прозванный Тосканскимъ; о всѣхъ говорилъ я худо, кромѣ Бога, и то потому, что не знаю его. Сапиры сего Стихотворца ничего не заключаютъ въ себѣ, кромѣ низкаго и ѣдкаго ругательства; объ нихъ по сказаль Бери, кощораго можно называть главою Италіянскихъ Сапириковъ:

языкъ отвратительный, подлый, без остроты (lingua frasca, marcìa, senza sale); а описывая корысполюбіе и продажную душу автора, продолжаетъ: вскормленъ чужимъ хлѣбомъ и злословіемъ (nutisto del pane d'altri et del dir male). Въ его Комедіяхъ естъ нѣкоторыя забавныя мѣста, и грубые нравы того времени изображены въ нихъ съ довольною точностію. Въ письмахъ ничего нѣтъ, кромѣ дерзости и немногихъ, весьма малозначущихъ анекдотовъ. Разговоры преисполнены самыми опшрашительными описаніями и самую опасною безнравственностію для невѣжества и пылкаго юношества, и по сему-то эти разговоры чашають, къ несчастію, гораздо болѣе, нежели прочія его сочиненія. Сего звѣроподобнаго, чловѣка боялись не только власшители и вельможи, но и всѣ главнѣйшіе липшерапоры. Наконецъ Аріостъ, завидовавшій его славу, пустилъ прошивъ него свои спрѣлы; въ началѣ послѣдней пѣсни своей Поэмы, гдѣ предсшавляетъ онъ гавань, на берѣгу которой сшоятъ знашнѣйшіе рыцари и дамы вмѣстѣ съ первыми геніями Словесности того времени, горя

желаніемъ увидѣшь благополучное прибытіе корабля *Аріоста*, т. е. окончаніе многотруднаго его творенія, *неистовый Роландъ* говоритъ:

. . . . . Ecco il flagello
De'principi, il divin Pietro Aretino.

Нѣсколько ранъ, данныхъ ему кинжаломъ въ Венеціи по приказанію нѣкопорою знашной особы, оскорбленной имъ въ одной его Саширѣ, и слава, копорую началъ приобретать соперникъ его Николо Франко *) унизили Арепино и даже исправили до того, что оставивъ свои безнравственныя стихотворенія, принялся онъ за сочиненія духовныя: напи-

---

*) Николо Франко, будучи сперва послѣдователемъ Арепино, вооружился противъ него, и хотя съ меньшею наглостію, нежели его соперникъ, нападалъ на общественныя нравы и на правительство, но Папа Пій V, рѣшась положить конецъ паквилямъ, велѣлъ повѣсить его въ 1659 году. De la Litterature du midi de l'Europe par Simonde de Sismonde. Paris, 1819, T. II, p. 228.
Врилл. Перев.

саль нѣсколько жпшій Свяпыхъ, переложилъ нѣсколько псалмовъ покаянныхъ, и наконецъ, достигнувъ шесшидесяти пяти лѣтъ, умеръ въ Венеціи и погребень въ церкви Свяпаго Луки. Вопъ все, что можно было собрать ошносительно жизни сего гнуснаго человекъ и самаго низкаго писателя. Саширы его, несмотря на то, что онъ почипалъ ихъ полезнѣйшими изъ своихъ швореній, и соблазнительнѣйшіе Разговоры разврапили слабыхъ людей несравненно болѣе, нежели сколько рѣчи Сенеки привели разврапныхъ на путь истины.

Съ Италіянскаго А. Р.б.

~~~~~

ЗАМѢЧАНІЯ НА НОВЫЯ БАСНИ И. А.
КРЫЛОВА *).

Басня I.

Муха и Пчела.

Въ саду, весной, при легкомъ вѣперкѣ,
На тонколѣ стебелькѣ,

(*) Напечатанныя въ новомъ Алманахѣ: *Сѣверные*

Каталась Муха (1), сидя

И на цвѣткѣ (2) Пчелу увидя,
Спѣсиво говоритъ: “ужь какъ шебѣ не лѣнь,
Съ ушра до вечера прудишься цѣлый день;
На мѣстѣ бы швоемъ я въ сутки захирѣла (3)!”

Вошѣ на примѣръ мое

Такъ право райское (4) жишье:

За мною только лишь и дѣла —

Лешашъ по баламъ, по госпямъ,

И, молвить не хвалясь (5), мнѣ въ городѣ
знакомы

Вельможъ и богачей всѣ дома;

Когдабъ ты видѣла (6), какъ я пирую тамъ!

Гдѣ только свадьба, именины,

Изъ первыхъ (7) я ужь вѣрно шущъ,

И ѣмъ съ фарфоровыхъ, богатыхъ блюдъ,

И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки ви-
ны (8),

И прежде всѣхъ гостей (9)

Беру, что думаю (10), изъ лакомыхъ сластей;

Пришомъ же (11), жалуя польнѣжной,

Вкругъ молодыхъ красавиць вьюсь

И опдыхашъ у нихъ сажусь

На шеткѣ розовой, иль шейкѣ бѣлоснѣжной (12),;

—Все это знаю я, опшѣшшвуеетъ Пчела;

Но и о томъ дошли мнѣ слухи,

Что никому ты не мила (13);

Цвѣты, которые смѣло рекомендуемъ всѣмъ любите-
лямъ и любительницамъ опечеспивенной Словесности.

Что на пирахъ лишь морщатся (14)
 ошь Мухи,
 Что даже часпо, гдѣ покажешься шы въ домъ,
 Тебя гоняюшь со спыдомъ. —
 Вотъ, Муха говоришь, гоняютъ! Чтожь та-
 кое! (15)
 Коль выгоняшь въ окно, шакъ я влечу въ
 другое. (16)

Замѣтанія.

1. *На тонколыбъ стебелькѣ каталась Муха, сидя.*—Карпинные два спиха! Вошь что называюшь Французы *image* (*изображеніе*) и что можно найши у однихъ только Поэповъ живописцевъ. Такихъ изображеній, или карпинныхъ спиховъ, къ сожалѣнію, почти вовсе нѣшь у просподушнаго нашего Хемницера.

2. *И на цѣткѣ Пчелу...* Пчела на своемъ мѣспѣ; она прудишся, между шемъ какъ Муха ничего не дѣлаешъ и качаешся ошь праздноспи на тонколыбъ стебелькѣ.

3. “На мѣспѣ бы швоемъ я въ сутки захирѣла!”,—Нѣжнаго сложенія! И она хващаешся шемъ, что не можешъ работашъ!

4. “Вошь напрымѣрь мое, шакъ право

райское жишье! — Здѣсь не совсемъ правильна распановка словъ: мѣспоименіе: *мое* нѣскольکو далеко опъ имени: *житье*, но въ нашихъ спихахъ прудно и почпи не возможно соблюдашь во всякомъ случаѣ снпрогія и не совсемъ еще опредѣленныя правила синтаксиса. — *Райское* жишье ... Муха смѣешъ называешь жишье свое *райскимъ*! Какое хвасповспво!

5. *И молвить, не хвалясь* ... Обыкновенная уловка хваспуновъ, копорые думающъ обманушь другихъ и никого не обманушь мнимою своею скромноспію.

6. "*Когдабъ ты видѣла, какъ я пирую* памь!," — Пчела, по мнѣнію Мухи, не доспойна бышь въ домахъ богачей и вельможъ; но ей жопѣлось бы, чнѣ бы ша жопя разъ была свидѣпельницею ея поржесшва, подивились бы ей и позавидовала.

7. "*Изъ первыхъ* я ужъ вѣрно шупъ!," — Какъ будшо на большихъ церемонныхъ пирахъ и нельзя обойшисъ безъ мухи! — какъ будшо она въ числѣ самыхъ почешныхъ госпей! — Какъ же она пускаешъ пыль въ глаза!

8. "*И ѣмъ съ фарфоровыхъ, богатыхъ* блюды, и нью изъ хрусталеи блестящихъ

сладки вины. „Хваспунья Муха не упустила сказаць ничего, что только можешь придаць ей важности: она кушаетъ съ фарфора и еще съ дорогаго, пьеть изъ хрустпалей блестящихъ и необыкновенныя вина, но сладкія, ш. е. самыя лучшія, рѣдкія.

9. *И прежде всѣхъ гостей.*—Прежде всѣхъ, замѣшьте! какъ бы она была на пиру самая первая гостыя.

10. “Беру, что думаю., — Нѣтъ ли пунъ опечатки? Кажется правильнѣе было бы сказаць: беру, что вздумаю, ш. е. чего вдругъ захочешся, а не что, что всегда нравишся.

11. “Пришомъ же жалуя поль нѣжной., — Неприятное спеченіе одинакихъ согласныхъ буквъ.

12. *На щеткѣ розовой, иль шейкѣ бѣлоснѣжной.* Прелестный спихъ (gracieux)! Двумя только чернами изображены здѣсь юность и красота.

13. “Что ни кому ты не мила., — Прощо, но сильно и весьма натурально.

14. Что на пирахъ лишь морщатся ошь мухи. — *Морщатся* — весьма удачное выраженіе! Въ самомъ дѣлѣ нельзя не по-

морщиться, когда муха сядетъ на лицо.

15. “*Вотъ—Муха говоришь! гоняютъ! Чтожь такое!*”,—Скажише какому нибудь глупцу, который много о себѣ думаетъ, не приятную для него правду; онъ будетъ опивчашь почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ какъ и эта муха.

16. “*Коль выгоняшь въ окно, такъ я влегу въ другое.*”,—Такъ точно поступающъ и всѣ тѣ, которые лишились уже стыда. Выгоняющъ?—Не бѣда...лишь бы опять въ шепленькое мѣсечко попасть да чшо нибудь укрась.

Эта прекрасная Басня принадлежитъ къ такъ называемымъ *Разговорнымъ*: здѣсь нѣтъ дѣйствія, а одинъ только разговоръ. Достоинство сихъ Басень состоитъ въ естественности разговора и въ вѣрномъ изображеніи характеровъ разговаривающихъ лицъ. Но какъ же мастерски выдержаны здѣсь и характеры и разговоръ!—Кого надобно разумѣть въ сей Баснѣ подъ *мухою*?—Тунеядца, лакомку, который, безъ приглашенія, наскочитъ по чужимъ обѣдамъ, шерцливо переноситъ

презрѣніе и оскорбленія всякаго рода, лишь бы только ему сладко попишь и поѣшь, и потому что онъ лучше другихъ ѣсть и пьешь, что часто бываетъ въ знашныхъ и богатыхъ домахъ, думаешь, что онъ несравненно выше тѣхъ, копорые не имѣюшь блестящихъ знакомствъ, живущъ скромно и не выходящъ изъ своего круга. Такіе безстыдные паразиты любящъ похвасташъ: послушай только ихъ, шакъ имъ и *Графы и Князья—друзья!* —Пчела означаетъ здѣсь прудолюбиваго, скромнаго и честнаго челоуѣка. Такіе люди говорящъ не много, говорящъ просто; но иногда скажущъ шакъ сильно, *какъ евоздеиъ приколотятъ!* Большое искусство пошребно зашпавишь говоришь всякое вымышленное лице сообразно его характеру и приличнымъ собственно ему языкомъ. Прошивъ этого правила ошибались иногда и величайшіе гени, напримѣръ Вольперъ. Въ Сказкахъ его нѣтъ шакого плѣнительнаго разнообразія въ разговорѣ какъ у Лафоншена.

Муша и Пчела почтеннаго И. А. Крылова походящъ нѣсколько на *Мушу и Муравья* Лафоншена (*La Mouche et la Fourmi*);

Кто мимо Льва ни шель, всякъ вымѣщаль
ему

Посвоему (9),

Кто зубомъ, кто рогами.—

“Но ты коснушься Льву конечно не дерзнулъ?
Лиса Осла перерываешь.

—Вошь на!—Осель ей ошвѣчаетъ—

▲ мнѣ чего робѣшь? *И я его лагнулъ (10).*

Пускай ослиныя копыта знаебъ (11):

Такъ души низкія-будь знашенъ, силенъ ты,
Не смѣюшь на себя поднѣять онѣ и взгля-
ды (12);

Но упади лишь съ высоты:

Ошь первыхъ жди ошь ихъ обиды и досады (13).

Замѣчанія.

1. “Отколя, *улина* бредешь ты *его-лова?*,”—Характеръ плутовки Лисы виденъ изъ первыхъ словъ ея: лишь только завидѣла она Осла, уже и смѣется надъ нимъ.

2. *Ну, кулушка!* Съ какою естественностію говоритъ здѣсь Осель! Не насмѣяющій ли это тонъ глупаго невѣжи?

Какъ опривиспо опвѣчаетъ онъ Лисицѣ: *сей тасѣ лишь ото Льва*—и пошрмъ какой неожиданный переходъ: *ну, кѣмущка!* Это невольное восклицаніе какъ нельзя лучше изображаетъ здѣсь удивленіе! а невѣжды—извѣстно—всему удивляюща.

3. “Бывало *зарытитѣ...*”—Не правильнѣ ли было бы: *зареветѣ?*—Рычашъ собаки, ослы; а звѣри сильнѣйшіе, какъ шо: быки, медвѣди и львы, кажеша, *ревутѣ*, а не *рычатѣ*. Впрочемъ, можешъ бышъ, я и ошибаюсь.

4. *И я безѣ памяти бѣгомѣ*.—Прямый Осель! Признаеша въ прусосши и предѣ кемъ же?—Предѣ Лисицею!

5. *Совсемѣ безѣ силѣ*.—Коропкіе двушпопные и одношпопные сшихи, если помѣщающа безѣ всякой разборчивосши, прошивны для слуха (*); но если они упошреблены съ намѣреніемъ: для означенія скоросши дѣйшвіа, или малосши

(*) Французы называютъ такіе упошребляемые безѣ нужды сшихи: *avortons de la Poésie*.

предмета, по дѣлаюшь величайшую красоту. Здѣсь спихъ, означающій слабость и безсиліе Льва, упошреблень весьма удачно, шемь болѣе, что предыдущій соспоишь изъ пяши спопь.

6. *“Валяется въ пещерѣ, какъ колода;—*Колода не можешъ валяшьяся, ш. е. *оборазиваться сама собою, подобно Льву, или другому живошному, съ одной спороны на другую. Намѣсно: валяется, поспвьше здѣсь слово: лежитъ, и уподобленіе будешъ совершенно справедливо.*

7. *Повѣришь ли...* Опяшь разительная черша еспешивенности разговора.

8. *И поплатился онъ старинными долеми!* —Теперь Осель издѣваешся надъ бѣднымъ Львомъ— а прежде *безъ памяти бѣгомъ!*

9. *Посвоему.* Короткій, но весьма удачный и выразительный спихъ.

10. *“А мнѣ чего робѣшь? И я его лягнулъ.,,* — Давно ли признался Осель, что онъ шрусиль Льва, а шеперь, когда шотъ сдѣлался совсемъ безъ силъ, откуда взялась у него смѣлость! И онъ хочешъ выдать себя передъ Лисицею за храбреца! *И я его лягнулъ!* Что бы не опспашъ

ошь другихъ, что бы подумали, будто ж онъ сполько же смѣль какъ другіе звѣри, копорые кусали и бодали Льва.

11. “Пускай *слиныя копыта* знаешь,, —Разипельная черта низкаго самолюбія! Онъ оскорбляетъ Льва и для того, что бы сдѣлать ему вредъ и что бы прослависья эшимъ.

12. *Такъ души низкія, будь знашень, силенъ*
шы,
 Не смѣють на шебя поднятъ онъ и
взгляды—

Здѣсь: союзъ *такъ*, долженъ бытъ замѣненъ словомъ: *таковы*, или мѣспоименіе: *онъ*, лишнее.

13. “Ошь первыхъ жди ошь нихъ *обида и досады*.,,—Тупь не соблюдена посипенность: слово: *обида*, какъ сильнѣйшее, должно бы посипавитъ на концѣ; но выше уже замѣчено, что пгрудно, а иногда и невозможно для стихопворца соблюспи еспеспвенный порядокъ въ расположеніи словъ.

Разговоръ въ эпой прекрасной Баснѣ едва ли не болѣе еще имѣетъ ес-

шеспивенности и живости, нежели въ предыдущей; сверхъ того естъ здѣсь и прелестныя черты *простодушія* (*paiveté*), напримѣръ: *ну, кулушка*—и я безъ памяти бѣгомъ—повѣришь ли?—А мнѣ его робѣть? И я его лягулъ! Содержаніе этой Басни взято у Эзопа; но самая Басня расположена и рассказана совсемъ иначе. Нашъ Фабулистъ Пэзъ очень хорошо сдѣлалъ, что далъ ей драматическую форму. Нравоученіе прекрасно: въ немъ примѣрно благородное негодованіе Сочинителя прошивъ низкихъ душъ, оскорбляющихъ въ несчастіи шѣхъ, на копорыхъ не смѣли прежде и взглянуть.

Разбирая эти двѣ Басни почтеннаго нашего Фабулиста, я не оставилъ безъ замѣчанія и самыхъ маловажныхъ ошибокъ—мнѣ кажется, что такъ и надобно разбирать классическихъ писателей.

И.

~~~~~

О новыхъ книгахъ.

1. *Труды Общества Исторіи и древностей Россійскихъ*. Часть II. Москва. 1824. Въ Унив. шип. въ 8 ку, 236 стр.
Содержаніе: 1. Библиографическія извѣ-

спія о жизни, ученыхъ трудахъ и собраніи Россійскихъ древностей Графа Алексѣя Ивановича Мусина Пушкина. (Соч. К. Ѳ. Калайдовита). 2. Примѣчаніе на древніе Славянскіе мѣсяцословы (Гр. А. И. Мус. Пушкина). 3. Догадка о причинѣ нашествія Норманновъ на Славянъ (Г. Брусилова). 4. О древнѣйшихъ торговыхъ связяхъ Россійскихъ Славянъ съ другими народами и пути чрезъ Россію въ Грецію. (Соч. *Неизвѣстнаго*). 5. Взоръ на обычаи древнихъ Русскихъ (Г. Арцыбашева). 6. О древнихъ Русскихъ деньгахъ (*его же*). 7. О сребрѣ Ярославль (Г. Бекетова). 8. Описаніе Русскихъ монетъ, представленныхъ Обществу Г. Брусиловымъ (*его же* Г. Брусилова). 9. Выписка о Кіевскихъ древнихъ памятникахъ и о Княжескихъ дворцахъ (А. А. Писарева). 10. О Хоругви Великаго Князя Владиміра Кіевскаго, хранящейся въ селѣ Грузинѣ, принадлежащемъ Графу А. А. Аракчѣеву (*его же*). 11. О врагахъ Корсунскихъ въ Новгородѣ (Г. де Санелена). 12. Записка о Святославовомъ крестѣ въ Юрьевѣ Польскомъ (Г. Снѣгирева). 13. О Золотой Ордѣ (извлечение изъ Шалдбергера, сдѣланное Д. И. Языковомъ, съ *его же* примѣчаніями). 14. Разсужденіе о монетахъ, или медаляхъ времени ПЕТРА I. (Неизв.).—Приятно видѣшь и слышашь, что многіе шеперь у насъ за-

нимающагося съ успѣхомъ и съ пользою ошечественными древносшями.

- я. *Записки Полковника Вутье о нынѣшней войнѣ Грековѣ. Перевелѣ Орестѣ Соловѣ. С. п. б. 1825. Въ шип. Медиц. Деп. Минисперсшва внупр. дѣль. Часпѣ I, съ двумя гравированными очеркомъ поршрепшми (Греческаго рашника и Дим. Ипсилапши), въ 8 ку, XVI и 170 спран.*

Хорошая и хорошо переведенная книга. —Прод. въ книжномъ магазинѣ И. В. Сленина и у книгопродавца Ѡ. В. Исаева, прошивъ зеркальной линіи No 27, въ домѣ Генераль-Маіора Балабина. Подписная цѣна за обѣ часпш, съ 5 гравированными каршинками и каршою Греціи здѣсь въ С. п. бургѣ на вел. бум, въ цвѣшной обершкѣ 13 р, на просшой 10 р. (Очезь не дорого!) съ пересылкою во всѣ города Россіи: на вел. бум. 17 р. на просшой 12 р. Подписавшіеся получающъ съ первою часпшою билетъ на вторую, копорая выдепъ въ слѣдующемъ мѣсцѣ Февралѣ. При ней приложены будущъ ошсальныя шри каршинки и карша Греци.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. № IV.

НЕСЧАСТІЕ ОТЪ СЛЕЗЪ И ВЗДОХОВЪ.

Повѣств.

(Продолженіе.)

43.

Занятый своею ролею, Эраспъ сидѣлъ у сподлика и забывалъ весь міръ, кромѣ Юліи ... вдругъ ... ударилъ кно - по его по плечу ... Эраспъ вскакиваетъ со своего мѣста ... и вскрикиваетъ ужаснымъ голосомъ, увидя предъ собою мохнапата и рогатаго Сашира... “Эшо я, эшо я! говоришь ему Саширъ ... эшо я ... развѣ, вы меня не узнали?,, — Эраспъ ничего не можетъ отвѣчать; страхъ оледѣнилъ его, и онъ невольно опускается на кресла... ужасный Саширъ, мохнапый и рогатый; былъ Маркизь Глаголь, кошорый принесъ Эраспу и Федушу плашья и прочія принадлежності Аркадскихъ паспушковъ. Наконецъ

Эраспъ пришелъ въ себя, и улыбка возвратилась на поблекшія губы его . . . — “Такъ это вы?,” — Я? . . . Уже все гошово, и вамъ пора одѣваться! — “Какъ вы добры!,” ошвѣчалъ Эраспъ, и беретъ свое плащье . . . Маркизь Глаголь, великій фізіономистъ и великій камердинеръ, наряжаетъ Эраспа наспоящимъ Аркадскимъ паспушкомъ . . . Эраспъ не насмотрѣлся на себя въ зеркало . . . Оедопъ шакже очень доволенъ своимъ костюмомъ потому, что онъ легокъ, а ему очень тяжело было въ его зеленомъ сѣрпукѣ. Какъ хорошъ Эраспъ въ нарядѣ счастливыхъ обитателей Аркадіи! Въ этомъ вѣнкѣ изъ миршъ . . . съ легонькимъ посошкомъ въ рукахъ! . . . Маркизь Глаголь не забылъ и румянь, и ланишы чувствительнаго Эраспа вспыхнули отъ кармина, копорымъ Маркизь наперъ ему щеки . . . наконецъ весь шуалетъ нашихъ паспушковъ конченъ, и Маркизь Глаголь скрывается. Наши паспушки оспаюшя одни . . . Сердце Эраспово, кажется, хочетъ выпрыгнуть изъ груди . . . но вопъ подь окнами его комнашы раздались меланхолическіе звуки гитаръ и флейшъ . . . двери ошворяются . . . и Юлія прелестная, какъ

...нельзя болѣе, Юлія, являешься неперпѣливымъ взорамъ Эраспа, сопровождаемая полною паспушекъ, паспуховъ и Сашировъ. — “О! Миршилъ! говоришь она ... уже все гошово!,, — Эраспъ падаетъ на колѣна и цѣлуешь руку своей паспушки... “О Миршилъ! повшоряешь она ... ахъ, Боже мой! что съ вами сдѣлалось, Эраспъ Діодоровичъ? О несчастіе! Онъ въ обмонокъ!,, — Точно такъ! Нашъ Эраспъ не успоялъ прошивъ взора и словъ прекрасной ... И безъ того восхищенный какъ нельзя болѣе, онъ лишь прикоснулся къ рукѣ Юліи и ... чувства его оставили ... и едва не умеръ онъ отъ радости. Но радость не продолжительна, и Эраспъ опамяшовался, съ помощію спирта ... опдохнулъ ... и вошелъ въ себя и въ свою роль.. Эшопъ небольшой анпр - акшъ не помѣшалъ однако празднику; Эраспа снова подумянили, опять надѣли мирповой вѣнокъ на голову, опять вооружили посощкомъ, и ... вопъ всѣ паспушки и всѣ паспушки идупъ къ горѣ, на кошорой нѣшь ничего ... Эраспъ едва дышетъ; ему кажется, что онъ гость не здѣшняго міра ... и глаза его сладоспрасчно покояшся

на прелестномъ дичикѣ своей паспущки. Вышедъ изъ сада... Юлія подаешь руку Эраспу... "Мы должны распашься на время!", говоришь она. — До вшорато дѣйствія! — отвѣчаешь Эраспъ, и слезы его, смѣшанныя съ румянами, каплють на руку Юліи... Раздались звуки: бубновъ, гитаръ и флейшъ... и Маркизь Глаголь - Сапиръ, ведешь Эраспа на правую гору... Юлія съ паспущками бѣгушь на лѣвую... музыка, рукоплесканія и крики: *браво!* наполняють воздухъ... Эраспъ ободряется... И вопъ онъ на горѣ... все умолкаетъ... Маркизь Глаголь - Сапиръ, соперникъ Эраспа-Миршила, бѣжишь подъ гору, наигрывая на дудкѣ Экоссесь, бѣжишь... осматриваешься кругомъ, и крадешся къ кустарнику сирень, подъ кошорымъ сидишь паспущка (горничная Юліи Аграфена) Дафна... и вяжешь чулокъ. Маркизь-Сапиръ подбѣгаетъ къ Дафиъ - Аграфенѣ, кланяется, садится подлѣ нее... и начинаешь играть на дудкѣ: *гелѣ тебя я огортила?*... Чулокъ невольно упадаетъ изъ рукъ Дафны; она, съ улыбкою смотришь на Маркиза - Сапира и склоняется на плечо его... Въ эту самую минушу Миршилъ

Эраспъ является передъ невѣрною ... сцена нѣмаго ужаса ... Дафна падаетъ въ обморокъ; Маркизь - Савиръ кашится подъ гору, а Миршилъ бѣжитъ на гору, рветъ на себѣ вѣнокъ, ломаетъ посошокъ, и бѣжитъ, закрывши глаза рукою.—Является Меналкъ - Федопъ, и Миршилъ бросается въ его объятія ... И они идутъ по дорожкѣ, усыпанной желтымъ пескомъ, и чрезъ мостокъ, соединяющій двѣ горы ... только что они всступаютъ на противоположную гору ... густое пыльное облако скрываетъ ошъ нихъ всѣ предметы: и въ самомъ дѣлѣ деревенскіе мальчишки, копорымъ приказано было поднятъ пыль, не пощадили ни рукъ, ни ногъ своихъ, чибобъ предспавить въ совершенствѣ пыльное облако ... но вопъ пыль начинаеть улягаться ... предъ Миршиломъ и Меналкомъ спадю барановъ и козъ ... и высокой лакей, въ вывороченной волчьей шубѣ, бросаетъ ся на одного барана, и бѣжитъ съ нимъ ... Эраспъ бросается за волкомъ, Федопъ бросается за Эраспомъ, и волкъ-лакей, пвердо выучившій свою ролю, бросаетъ имъ барана ... Эраспъ ловитъ его за рога, и ведеть къ шаламамъ. Юлія передъ нимъ

...и выраженіемъ лица и жестами, благодарить опважнаго паспушка за спасеніе ея барашка.—Паспушокъ спановишся на правое колѣно...Паспушка надѣваетъ ему на голову розовый вѣнокъ и ведетъ его въ свой шалашъ...Миршилъ изъясняетъ ей свою спрасъ, Паспушка приказываетъ ему ... пѣшь. Эрасъ беретъ гишару... садится на праву ... опкашливается и поетъ на голосъ: *На толь, что бы пѣтали?*

Все служишь красомъ..
 Амуру всѣ подвасны,
 И шопъ, и ша, и шѣ,
 Все служишь красомъ,
 Днемъ ночью и въ мечшѣ,
 Въ подсолнечной прекрасной,
 Все служишь красомъ,
 И шопъ, и ша, и шѣ! . . .

Громкія рукоплесканія съ балкона. Эрасъ цѣлуетъ руку Юли. Послѣ того Эрасъ долженъ былъ выдержатъ прочія испытанія, и выдержалъ ихъ... прыгаль чрезъ ровъ, капался кубаремъ съ крушой горы, чшобъ достать барашка, и проч. Раздалась громкая музыка...Паспушки и паспухи сползились въ одну кучу,

и всё поплы в садъ... госпи сошли съ балкона и присоединились къ Аркадскимъ жишелямъ. Эраспа закурили ласкапельспвами... Между шемъ Юлія, паспушки, паспухи и Сапиры изчезли, одинъ Эраспъ остаешся посреди пестрой толпы гуляющихъ... Вскорѣ Юлія и прочія временные жишели Аркадіи присоединяются къ госпямъ, но уже въ своихъ плашьяхъ. Одинъ Эраспъ напоминаешъ о невинномъ золотомъ вѣкѣ; но онъ не заботишся о легкой одеждѣ своей... въ его мысляхъ и глазахъ Юлія. И эшого довольно для его счастья! Наспупило время обѣда; онъ садишся подлѣ Юліи... Музыка гремишъ и новое шоржештво: поюшъ стихи въ чѣспѣ Эраспа, пьюшъ за здоровье знаменишата поэта!.. По окончаніи спола новые хлопобы; Юлія зашѣяла сыграшъ шараду въ дѣйспвіи... и выбрала слово: *Каракалпакъ*. Эраспа нарядили въ Каракалпакское плашье; прочихъ дѣйспвующихъ лицъ въ шарадѣ предспавляли Юлія и Московскіе Сенпрѣ; вечеромъ садъ былъ иллюминованъ; вездѣ были видны вензели Эраспа съ надписями: *существительный путешественникъ, новый Стернъ, милый*

поэтъ и подобныя. Эраспъ плакалъ, какъ дитя, читая эти лесныя для него надписи; но какъ описашъ что происходило въ его сердцѣ и головѣ, когда онъ съ прочими госпями вошелъ въ бесѣдку, при входѣ въ которую сіялъ очень сходный портретъ его въ плащѣ пасшутка съ надписью: *все служитъ красотѣ!* А въ бесѣдкѣ? О Юлія! Юлія! Что ты дѣлаешь съ бѣднымъ Эраспомъ! Въ бесѣдкѣ на четырехъ стѣнахъ видны были прозрачныя карпины, предсавляющія главнѣйшія черты изъ жизни чувствительнаго Чернополохова. Вошь его вынось изъ Театра! Вошь онъ съ Капишаномъ Пощрѣловымъ! Вошь онъ спитъ подъ дубомъ! Вошь наконецъ...слава, которой подносишь нашъ Чернополоховъ свои повѣсти и свое путешествие. Госпи не могутъ скрыть своего восторга, а Эраспъ... Эраспъ падаетъ безъ чувствъ на полъ... Сполько удовольствій, сполько восторговъ, и въ одинъ день, и не его поколебать могутъ! Онъ пресыщенъ; онъ убитъ радостными ощущеніями, и его относятъ въ его комнату... Госпи возвращаются въ домъ, начинаешся балъ и праздникъ кончаешся

фейерверкомъ. Но Эраспъ не участвуешь ни въ танцахъ, ни въ фейерверкѣ... Онъ лежишь на софѣ... и сердце его омерзѣло для всѣхъ радостей жизни. — “Какъ — думаешь онъ — она танцуетъ? Ей весело! въ то время какъ я... о женщины! женщины! Самый спраспный Селадонъ на моемъ мѣстѣ давно бы разлюбилъ васъ! а я... все еще люблю!”, Наконецъ переходъ изъ обморока въ обморокъ, опъ слезъ къ рыданіямъ, опъ рыданій къ слезамъ... Эраспъ успокоиваешья....

(Продолженіе обѣцано.)

~~~~~

Дѣтское простодушіе.

Сказка.

(Подражаніе Французскому.)

Однажды, возвращаясь съ богатаго обѣда,
 Опъ кума, или опъ сосѣда,
 Ревнивая жена, изъ ревности, иль нѣтъ —
 А можешь бышь и просто пакъ для
 шушки —
 Не знаю, да и знашь не слѣдь!

Спросила у сынка, прекраснаго малюпки:
 «Скажи мнѣ, Сашенька, кто здѣсь сегодня
 былъ?»

Что дѣлалъ Папенька? И съ кемъ онъ го-
 ворилъ?»,

— Все время онъ сидѣлъ со мною—
 Малюшка опивчалъ.

«Э! полно, Сашенька, ты вѣрно мнѣ солгалъ?
 Ну, ктожь еще сидѣлъ съ шобою?»,

— Нѣтъ, право, маменька, я правду вамъ
 сказалъ! —

Примолвилъ Сашенька съ невинной проспо-
 шую.

«Такъ шолько двое васъ? ... Ты лжешь, душа
 моя!»,

— Нѣтъ шрое, маменька, когда считаешь со
 мною:

Азорка, папенька, да я!

XVI.

~~~~~

Въ альбомѣ Н. В. Д.

Кошорая на вопросъ: что написать въ ея
 альбомѣ? опивчала: что приснится.

Вы мнѣ прислали вашъ альбомъ,
 Чтобы написашъ въ немъ что приснится;
 Но я боюсь проговориться...
 Вы догадаешесь о тебѣ!

Когда забудусь первымъ сномъ
 Моя мечта всегда со мною!
 Мечта прекрасная!...не скрою;
 Вы догадаешесь о *тебѣ!*

*

Проснусь подъ упрю—и попомъ
 Придешь пора опять забышься:
 Мнѣ объ одномъ и помъ же снился:
 Вы догадаешесь о *тебѣ!*

*

Вошь при куплепа въ вашъ альбомъ!
 Четвертый сердце дикновало!
 И — не сердилесь — умолчало...
 Вы догадаешесь о *тебѣ.*

~~~~~

Красавицѣ, поднесшей приятное вино.

(Подражаніе Арабскому.)

Какъ въперъ упренній долины пробъжавъ,
 Лишь окрестъ цвѣшовъ душистыхъ испа-
 ренье —
 Такъ кубокъ золотой изъ рукъ своихъ при-
 нявъ,
 Я чувствую на немъ—швое прикосновенье,

Красноярскѣ на Енисеѣ.

Ив. Петровъ.

~~~~~

Надеробіе.

Среди надеждъ и ожиданій,
 Среди безмолвныхъ упованій
 Угасъ пы! — и швоихъ очей
 Ужь не коснешся свѣшь лучей
 Всеозаряющей денницы ...
 Но слезы сирья вдовицы ...
 Но дѣши, съ грустію въ сердцахъ,
 Твой орошаютъ милый прахъ,
 И думаютъ: шосна, спраданье
 Скорѣй приближатъ часъ свиданья.

Красноярскъ на Внисевъ. И — ъ П — евъ.

Выписки изъ новѣйшихъ иностранныхъ Журналовъ.

Одна приѣзжая дама изъ Ліона спрашивала въ шеапръ у своего кавалера: скажише, Графъ, вамъ шакъ хорошо извѣспень Парижскій модный свѣшь, кшо эша дама въ бархашномъ шокѣ, съ высокими спраусовыми перьями?—“Жена Маклера!”,—А вонъ ша дама, въ шюрбанѣ, съ перомъ райской шщицы?—“Жена Адвоката!”,—А въ ложѣ, подлѣ сцены, вѣрояшно шупруга какаго нибудь Министра, или Посла, вся въ брилліяншахъ!

—“Жена придворнаго поставщика!”, — Но гдѣ же ложи Баронессъ, Графинь, Герцогинь? — “Въ бенуарѣ за рѣшетками. Баронессы, Графини, Герцогини не хопяишь спорить богашствомъ своего шуалеса съ женами маклеровъ, адвокатовъ и поставщиковъ, а пошому приѣзжаютъ въ пешарѣ въ прошомъ нарядѣ; но при дворѣ, или у Министровъ, олѣ являюся во всемъ блескѣ, чшо бы перещеголять другъ дружку въ пышности и роскоши. “(*Lepz. Modenzeitung.*)

Если дама носишь шаль на плечахъ, эшо знакъ, чшо она уже въ лѣпахъ; если же на рукѣ, шо означаетъ молодую женщину; дѣвица должна бышь вовсе безъ шали. (*Journal des modes de Paris.*)

Парижъ хотя ежедневно украшается новыми зданіями, но цѣна за наемъ кварширъ увеличивается. Въ Марѣ бывало лучшую кварширу отдавали за 400 франковъ въ годъ, а шемерь она же ходишь по 900 фр. Въ улицѣ *Chaussé d’Antin* кваршира въ шретьемъ эшажѣ, состоящая изъ небольшой кухни, шполовой, залы, спальни и будуара, стоишь 1800 фр., въ пяшомъ эшажѣ 1000 фр.; но если вы хопише наняшь полную

квартиру, на примѣръ: переднюю, залу, споловую, двѣ спальни, будуаръ, кабинетъ, дѣвичью, по надобно заплашишь во впоромъ эшажъ 4000 франковъ, а въ первомъ 6.000; но шакія квартиры въ сосшояніи нанимашъ одни банкиры, опличныя шанцовщицы Большой Оперы и содержательницы модныхъ магазиновъ. (*Оттуда же*).

Нынѣшній Марокскій Имперашоръ издалъ новое узаконеніе о банкротшахъ, именно: всѣ лица, шоргующія въ его Государствѣ обязаны непремѣнно плашишь свои долги; если должникъ объявишь себя несосшояшельнымъ, то опшвѣшшвуютъ за него ближайшіе родшвенники, а въ случаѣ ихъ несосшоянія, насшоящему должнику всякой день на разсвѣшъ даешся сто палочныхъ ударовъ по пяцамъ въ предосшорожность, что бы виновный помнилъ о своемъ долгѣ. Слухъ носштся, что съ изданія сего узаконенія въ Марокской Имперіи нѣшъ ни одного банкротша. (*Freymüthige.*)

О происхожденіи слова: *moutarde* (горчица) разсказываютъ слѣдующее: въ 1382 году, когда Филиппъ Смѣлый, Герцогъ Бургондскій, воевалъ со своими сосѣдами, го-

родъ Дижонъ выспавиль тысячу человекъ вспомогательнаго войска. Герцогъ изъ благодарности къ сему пожертвованію далъ городу гербъ свой съ извѣстною надписью: *Moult me tarde* (я весьма желаю). Для всеобщаго свѣдѣнія Дижонское Правительство опредѣлило эпошъ гербъ съ надписью высѣчь на мраморъ и поставивъ надъ главными городскими ворошами. Наконецъ время случайно изгладило въ надписи средній слогъ: *me* и оспальныя слова *moult* и *tarde* были поводомъ къ названію горчицы—вошъ почему. Съ давняго еще времени и понынѣ Дижонскіе купцы производяшъ во Франціи значительный поргъ горчицею, копорая во Франціи называется *senevé*. Масшерски пригошовляюшъ они ее съ солью, уксусомъ и другими вещесшвами, закупориваюшъ въ небольшія банки, нальпвивая обыкновенно на оныхъ гербъ Бургондскаго Герцога съ надписью, находящеюся на ворошахъ *moult-tarde*. (*Abendzeitung*).

На шеашрѣ *Gaité* *) Парижская публика всю недѣлю плакала, а кассиръ смѣялся. (*Corsaire*.)

---

*) Парижскій шеашрѣ, на кошоромъ играюшъ пользо Мелодрамы.

Нужда естъ мать всѣхъ изобрѣшеній и вѣроятно первыя письма изобрѣшены нѣмымъ. (*Gesellschafter.*)

Въ Парижѣ на 1825 годъ вышелъ: *Almanach des gourmands*, посвященный желудку. Записные гаспрономы поблагодаряшъ Издашеля за изобрѣшеніе многихъ лакомыхъ блюдъ, копорыя доселѣ не были имъ извѣстны. (*Pandore.*)

Славную пѣвицу Менвель Фодоръ съ неперпѣніемъ ожидающъ въ Неаполь изъ Германіи. Ее пригласила Дирекція театра С. Карло за 62.500 франковъ въ годъ, съ гощовою кварширою въ улицѣ Толедо; кромѣ того ей дадутся собственныя ложи въ театрахъ Фондо и С. Карло, и въ обоихъ будещъ имѣшъ по бенефису. (*Morgenblatt.*)

Еллингстонъ, директоръ одного изъ Лондонскихъ театровъ, ангажироваль на 28 представлений извѣснаго прагическаго актера Кина. За каждый вечеръ плащися ему 48 фунт. стер. — инакъ за 28 представлений 1344 ф. с., или 8000 шалеровъ. (*Gesellschafter.*)

Парижскіе театры не менѣ были дѣ-
ятельны въ 1824 году, какъ и въ прошед-
шихъ; въ теченіи года сыграно 199 новыхъ
піэсъ.—Авшоры, наиболѣе плодовиыя, кро-
мѣ Скриба, были: Арманъ д'Аршуа, Бразье,
Кармушь, Дюпень, Жульенъ ла Саль, Ахиллъ
д'Аршуа, Сенъ Гилерь, Вильневъ, Габріель и
и Фердинандъ ла Лу. Изъ 500 драматиче-
скихъ авшоровъ, находящихся въ Парижѣ,
только 140 имѣли честь и удовольствіе
видѣть піэсы свои на сценѣ. (*Journal des
modes de Paris.*)

На одномъ Нѣмецкомъ Оперномъ театрѣ,
по случаю Герцогскаго бракосочетанія,
давали представленіе gratis. Нѣкто, пришедъ
въ первый разъ въ театръ, слушалъ съ
большимъ вниманіемъ Оперу, и лишь толь-
ко начали пѣть дуэты, по сказалъ своему
сосѣду: “вопъ что значишь безденежное
представленіе: поюшь оба вдругъ, что бы
скорѣ кончишь піэсу.”

Нѣкто приходишь въ театръ, ошылки-
ваешь въ ложѣ Баронессу Г** и съ огорче-
ніемъ объявляешь ей, что супругъ ея раз-
бишь параличемъ и кончаешь. Баронесса
опрометью выбѣгаетъ изъ ложи, наполня-
етъ корридоръ воплемъ и сшенаніемъ; но

вдругъ оспанавливаешься, возвращаешься къ ложѣ и говоришь капельдинеру: “ахъ, Боже мой! въ порогахъ чуть не забыла я взять коншмарку *)! (*Corsaire.*)

Данскій Алкидь, именемъ Хриспіановъ, возбуждаетъ теперь всеобщее удивленіе въ Копенгагенскихъ жишеляхъ: онъ взвалилъ себѣ на плечи быка въ 700 фунтовъ и носилъ его нѣсколько времени по Королевской площади. (*Оттуда же.*)

Одинъ слѣсарь въ Филиппсбергѣ сдѣлалъ замокъ, который посредствомъ скрытыхъ въ немъ писполетовъ заспрѣлишь всякаго, кно только покусишься разломать его, или ошворишь поддѣльнымъ ключемъ; хозяинъ же своимъ ключемъ можетъ во всякое время ошпереть его и выспрѣлы не причиняшь ему никакого вреда. — За сію выдумку слѣсарь пребуешь 100.000 шалеровъ. (*Оттуда же.*)

Наполеонъ, воспышываясь въ Парижскомъ Военномъ Инспишущѣ, любилъ играть

---

*) Извѣстно, что въ Парижскихъ шеапрахъ опдаются не всѣ ложи, но только мѣсна въ оныхъ:

въ снѣжки со своими товарищами. Скоро запрещена была эта забава и онъ выдумалъ новую игру: песокъ означалъ у него солдашъ, маленькіе камешки Офицеровъ, а большіе— Генераловъ, и п. д. Спустился двадцать пять лѣтъ, когда Наполеонъ сдѣлался власпелиномъ Франціи, пришелъ нѣкто въ Тюльерійскій дворецъ и неотспунно просилъ доложить о себѣ Наполеону, объявивъ, что онъ былъ ему старый товарищъ. Наполеонъ не помнилъ его имени. “Разспросите его хорошенько, сказалъ онъ, нѣтъ ли какаго особеннаго случая, по которому могъ бы я узнать его?,, — Ваше Величество! у него большой рубецъ на лбу; извольте припомнить случившееся между вами обоими. — “А! помню, помню! Точно такъ! Я ударилъ его Генераломъ. Велите ему войши!,, — Наполеонъ обласкалъ спараго товарища и благосклонно принялъ его просьбу. (*Freymuetige.*)

Какой-то Парижанинъ посѣпилъ приятеля своего въ шюрэмъ Ste Pélagie. Одинъ изъ арестантовъ вмѣшался въ ихъ разговоръ и нагрубилъ посѣпителю. — “Послѣ поговоримъ серьезнѣе съ вами ,,—сказалъ оскорбленный. — Съ удовольствіемъ принялъ бы я ваше предложеніе; но я содержусь здѣсь за 6000 франковъ.—“Это не мѣшаешь: сего-

дня же выкуплю васъ., — Арестантъ изумился и не хотѣлъ упустить споль неожиданнаго и счастливаго случая для полученія свободы. Лишь только они условились, какъ другой арестантъ подходитъ къ посѣшителю съ такою же грубостию, какъ и первый, и объявляетъ, что его долгъ составляетъ не болѣе 500 франковъ. — “О! слуга покорный! — возразилъ посѣнитель — избавьте меня отъ новой ссоры., (Pandore.)

Президентъ Г** имѣлъ прекрасный домъ съ обширнымъ и красивымъ паркомъ, который однако много терялъ виду отъ кучи щебня, лежавшаго у самага палисада. — Президенту совѣщовали очистишь паркъ. Онъ призвалъ къ себѣ управителя. — “Вели очистишь паркъ... чтобы этой кучи мусора сегодня же небыло!., — Прикажете вывезти на поле? — “Нѣтъ!., — Куда же? — “Вели выкопашь подлѣ кучи большую яму., — Слушаю-съ. — “И свали въ нее весь мусоръ., — Очень хорошо, но кудажь двѣять землю, вырышую изъ ямы? — “Глупецъ! выкопай шакую яму, въ которую бы и щебень и земля помѣстились. (Gesellschafter.)

Въ Лондонѣ случился недавно весьма странный процессъ. — Прелестная дѣвушка Елисавета Лисъ жаловалась въ судъ на одного молодаго человѣка, насильно ее поцѣловавшаго. Молодой человѣкъ оправдывался темъ, что если бы дѣвица Лисъ сама не хоѣла поцѣлуя, то могла бы отворопить свое личико; но оправданіе не помогло: его осудили по закону къ уплатѣ 100 фун. сп. тѣни и къ шестимѣсячному тюремному заключенію. По выслушаніи споль спрогаго приговора дѣвица Лисъ залилась слезами и сказала судьямъ: “ахъ! еслибъ я знала, что эшотъ поступокъ такъ дорого будешь спшитъ эшому молодому человѣку, то охотно бы съ нимъ поцѣловалась. (*Gorsaire.*)

Одинъ больной совѣщавался съ Докшоромъ Д**. Докшоръ, ощупавъ бокъ паціенса, сказалъ: “Боже мой! какъ вы еще живы? У васъ совсемъ нѣтъ печени!”, — Больной началъ лѣчиться, но не получивъ облегченія, обратился наконецъ къ другому Докшору, который осмошрѣвъ также больнаго, воскликнулъ съ удивленіемъ: “не понимаю, какъ вы еще живы! У васъ пребольшая печенка!”, (*Abendzeitung.*)

Недавно приѣхали въ Марсель два Оссалійца со многими Турецкими профеями; изъ нихъ особенно достойны вниманія: Дамасская сабля, копорой клинокъ украшенъ узоромъ на подобіе кружева, и кинжалъ о двѣнадцати клинкахъ, называемый пошурецки: *фаджа*. Владѣтели пребуютъ за эти вещи 10.000 франковъ. (*Corsaire.*)

Одинъ Англичанинъ сосчиталъ, что во Франціи и Авглии выпиваютъ ежедневно 11.590.476 чашекъ кофею и 18.590.470 чашекъ чаю! (*Оттуда же.*)

Домъ Графа Виллеля, Французскаго Министра финансовъ, такъ превосходно устроенъ, что Англинскій Король поручилъ снять для себя рисунки со всѣхъ мебели Графа. Каждая кресла въ гостиной стоющъ 1000 франковъ. (*Journal de Paris.*)

Въ шеперешнее время года одни Англичане ѣздятъ въ Парижъ. Бѣдные проводятъ зиму въ Туринѣ, гдѣ жить гораздо дешевле. Англичане, впавшіе въ неоплащенные долги, укрываются въ Булони; больные уѣзжаютъ въ Ницу, Флоренцію и Палермо; спражду-

щіе сплиномъ путешествующъ по Швейцаріи, и въ ненастное время живущъ въ Лозаннѣ и Женевѣ. (*Zeit. für die Elegante Welt.*)

Г. К — вѣ.

Анекдоты о ЕКАТЕРИНѢ Великой.

Сегюрь въ одномъ изъ новѣйшихъ своихъ сочиненій рассказываетъ о ЕКАТЕРИНѢ Великой слѣдующіе анекдоты.

Однажды, въ моемъ присутствіи, одинъ изъ Министровъ доложилъ Ей, что будетъ представлень Ея Величеству приѣхавшій въ столицу Губернаторъ, который, за неисполненіе одного важнаго порученія заслуживаетъ публичный выговоръ. “Нѣтъ! отвѣчала ЕКАТЕРИНА: я люблю громко награждать, а бранишь тихо.,,

Однажды спросила Она у нѣкошорыхъ изъ приближенныхъ къ Ней особъ, чѣмъ была бы Она, по ихъ мнѣнію, еслибъ родилась мужчиною и частнымъ человѣкомъ? Одинъ отвѣчалъ, что изъ Нея вышелъ бы искусный Посланникъ; другой, великій Министръ; прешій, великій писатель; въ свою очередь я сказалъ, что Она сдѣлалась бы храбрымъ и знаменимымъ Генераломъ — “Вы ошибаетесь — отвѣчала Она — Я знаю свою пылкую голову: прежде достиженія

до Генеральскаго ранга, я погибла бы на сраженіи еще въ званіи Корнета.,,

Въ то время, когда Русская армія совокуплена была въ южныхъ краяхъ Имперіи, на войнѣ съ Турками, сѣверныя границы оставались совершенно безъ всякой защиты. ЕКАТЕРИНА не опасалась, что бы кто либо изъ сосѣднихъ владѣтелей отважился напасть на Ея могущественное Государство; Она ошибалась: Густавъ III напалъ внезапно съ такою арміею и флотомъ, которые, можетъ быть, достигли бы Пешербурга, еслибъ скорость и твердость исполненія соотвѣтствовали смѣлости предпріятія. Три гвардейскіе полка и небольшая милиція, собранная наскоро, были единственными силами, какія въ первыя минуты могли противупоставить Шведамъ. Начавъ сражаться, начали вмѣстѣ и переговоры. Густавъ, полагая шоржество свое несомнѣннымъ, вздумалъ предписывать миръ на жестокихъ условіяхъ, объявилъ, что для достиженія сего мира Она должна возвратитъ Швеціи и Турціи всѣ сдѣланныя у нихъ прежде завоеванія, ошозвать свою армію и подвергнутъ распри съ Поршою его посредничеству. ЕКАТЕРИНА сообщила о сихъ пребояніяхъ всѣмъ Иностраннымъ Министрамъ, и когда я пришелъ къ Ней, спросила, что я о томъ

думаю?—Мнѣ кажется, отвѣчалъ я, что Шведскій Король, писавши эту бумагу, воображалъ себѣ, будто уже выиграно имъ два, или три сраженія.—“Да еслибъ и по было, Графъ—возразила Императрица—онъ все бы ошибся; и еслибъ онъ пришелъ въ Москву, Я успѣла бы внушить ему, что возможно женщинѣ съ великимъ характеромъ, стоящей на развалинахъ великой Имперіи.

Вл.

ЖЕНЩИНЫ *).

Природа и общество доставляютъ женщинамъ большій навыкъ къ перпѣтнѣю, и нельзя, кажется, отрицать того, чтобы въ нашъ вѣкъ не были онѣ, говоря вообще, лучше мужчинъ. Въ то время, когда себялюбіе есть всеобщая болѣзнь, мужчины, копорымъ предоспавлены существенныя выгоды, должны быть не столь великодушны, не столь чувствительны, какъ женщины; онѣ привязаны къ жизни однѣми только сердечнымъ уза-

---

*) Изъ книги: De l'Allemagne par Mme Staël.

ми, и если онъ заблуждается, по увлекаешь ихъ чувствіе: личность ихъ всегда двойка, между темъ какъ мужчина почищаетъ только самого себя за цѣль. Имъ плашаютъ за ихъ привязанность къ ми же чувствами, которыми онъ внушаютъ; но нѣжность съ ихъ стороны бываетъ почти всегда для нихъ жертвою. Прекраснѣйшая изъ добродѣтелей — преданность — составляетъ наслажденіе и предопредѣленіе ихъ; никакое блаженство не можешь существовать для нихъ какъ только чрезъ опраженіе славы и счастья другого лица; наконецъ, жизнь внѣ себя мыслями, чувствами, или особливо добродѣтелями, даетъ душѣ привычку и чувствіе возвышенности.

Въ странахъ, гдѣ люди политически учрежденіями призываются къ упражненію всѣхъ воинскихъ и гражданскихъ добродѣтелей, внушаемыхъ любовью къ Отечеству, они приобретаютъ принадлежательское имъ преимущество и блистательно вступаютъ въ права свои владѣтелиновъ свѣта; но когда осуждаются какимъ-либо образомъ къ праздности, или рабству, то темъ ниже падаютъ, чѣмъ

Болѣе должны были возвышатся. Судьба женщинъ осмѣается всегда одинаковою: единственно душа ихъ успрояетъ оную; обспояпельства полищическія не имѣють въ ней участія. Когда мужчины не умѣють, или не могутъ dospойнымъ и благороднымъ образомъ наслаждаться жизнью, шо природа опмщаетъ имъ за себя полученными отъ нее же дарами; дѣяпельность пѣла служить шолько для бездѣисствія ума, сила душевная претворяетъ въ грубость, и день проходитъ въ шѣлесныхъ упражненіяхъ и грубыхъ забавахъ. Лошади, охота, пиры могутъ бытъ занятіемъ празднаго времени; но превратившись въ занятіе dospойнное, унижаютъ человѣка. Въ сіе время женщины образуютъ умъ свой, а чувствіе и мечпательность сохраняютъ въ душѣ ихъ образъ всего благороднаго и прекраснаго.

Нѣмецкія женщины имѣють прелестную, совершенно особенную. У нихъ прогашельный голосъ, бѣлокурые волосы, прекрасный цвѣтъ лица; онѣ скремны, но не споль робки, какъ Англичанки; видно, что не шакъ часто видали онѣ мужчинъ

которыя бы превосходили ихъ, и что при томъ онъ менѣе опасаясь сдѣрогаго приговора публики. Спараяюща нравясь чувствительностию, привлекаетъ воображеніемъ; языкъ Поэзіи, языкъ изящныхъ искусствъ имъ извѣстенъ; онъ кокетствуетъ энтузіазмомъ, какъ во Франціи умомъ и щупками. Совершенное праводушіе, отличительный характеръ Нѣмцовъ, дѣлающъ любовь не столь опасною для счастія женщинъ, и можетъ быть предающъ онъ сему чувству съ болышею довѣренностию; потому что оно облакается красками романтическими, и что презрѣніе и невѣрность памъ не столь опасны, какъ въ другихъ странахъ.

Любовь составляетъ въ Германіи нѣкоторый родъ Поэзіи, или вдохновенія, весьма ехотно позволяющаго все, что чувствительность можетъ извинить. Нельзя согласиться, что свобода, съ которою производится разводъ въ Проперанскихъ провинціяхъ, вредитъ святыбени супружесва. Тамъ перемѣняющъ супруга съ такою же шипиною, какъ будшо бы дѣло шло о расположеніи явленій въ театральнот піесѣ; добрый отъ при-

роды характеръ мужчинъ и женщинъ производить то, что разрывы сіи происходятъ безъ всякихъ огорченій, и какъ у Нѣмцевъ болѣе воображенія, нежели истинной стращи, то самые страннѣе случаи производятся шамъ съ удивительнымъ спокойствіемъ; но между шемъ ошъ сего нравы и характеръ перяютъ свою швердосшь; духъ, противный общепринятому мнѣнію, попрысаетъ самыя священныя поспановленія, и тогда ни оакомъ предметѣ не будешъ опредѣленныхъ правилъ.

Можно справедливо позабоишья надъ странностями нѣкопорыхъ Нѣмецкихъ женщинъ, копорыя безпрешанно приходять въ принужденный воспоргъ, копорыхъ принорныя выраженія помрачаютъ все, что умъ и характеръ могутъ имѣть занимательнаго и опличительнаго; имъ недостааетъ чистосердечія и живоспи; онѣ судять обо всемъ почши несправедливо, и дѣйствительныя происшествія, случающіяся предъ ихъ глазами, кажутся имъ призраками. Когда вздумаешъ имъ повѣпренничать, все еще онѣ сохраняютъ наружнось *сентимен-*

тальности, которая уважается въ ихъ опечесствѣ. Одна Нѣмка говорила съ меланхолическимъ выраженіемъ: “Не знаю почему; но знаю, что гдѣ, которые со мною въ разлукѣ, выходящъ изъ моего сердца.—Француженка выразила бы эту мысль съ большею веселоспью, но основаніе было бы тоже.

Сіи доспойныя посмѣянія женщины, дѣлающія исключеніе, не предполагающъ того, чтооь между ими не было много такихъ, коихъ чувствія истинны, и обращеніе просно. Ихъ щашельное воспитаніе и чистота души, имъ еспешвенная, дѣлающъ власъ ихъ приятною и сносною; онѣ внушающъ вамъ ежедневно болѣе склонности ко всему великому и благородному, болѣе довѣренности во всѣхъ родахъ надежды и умѣющъ опринуть сухую иронію, наносящую смерпное дуновение на сердечныя наслажденія. Однакожь весьма рѣдко найдете вы у Нѣмцевъ быспрошу ума, оживляющую разговоръ и приводящую въ движеніе всѣ идеи; сей родъ удовольспвія вспрѣчается только въ общесствахъ Парижскихъ — самыхъ занимательныхъ и самыхъ оспроумныхъ. Для

сего рѣдкаго удовольствія потребны избранные люди столицы Франціи: во всякомъ другомъ мѣстѣ находите вы обыкновенно публичное краснорѣчіе, или прелесть дружескаго разговора. Разговоръ, какъ паланшъ, существуешъ только во Франціи; въ другихъ земляхъ онъ служимъ только для учтивости, для спора, или дружбы: во Франціи онъ составляетъ искусство, для котораго воображеніе и душа конечно весьма нужны, но которое имѣетъ также, если угодно, и свои шайны, замѣняющія описаніе того и другаго.

А. Г. с. вб.

О изданіи книги: *Искусство жить.*

Несмотря на явное, въ лучшихъ Русскихъ обществахъ, предпочтеніе языка Французскаго языку Русскому, задерживающее въ Россіи успѣхъ опечесшвенной Словесности, на полосѣ земли отъ Чернаго моря до Сѣвернаго Океана, есть люди, читающіе порусски и припомъ есть такіе, которые читають только порусски.

Чтеніе—пища души.—Въ настоящее время, кажешся, пора уже предлагашъ Рус-

скимъ чашапельямъ шакія на Русскомъ языкѣ книги, кошорыя шочно пишали бы душу: пробуждали въ ней высокія поняшія о главныхъ предметахъ жизни, мирили ее съ неопразимыми ударами рока и напоминали божешвенное ея предназначеніе.

Всѣ высокіе пишатели, просвѣпишели міра, дѣйспвовали на судьбу человѣчешва; но одни болѣе, другіе менѣе. Нѣкошорыхъ изъ сихъ пишателей, напримѣръ: *Дрѣза, Цилмермана, Шаррона, Франклина*, и имъ подобныхъ, по ближайшему, спасишельному вліянію ихъ на жизнь человѣческую, можно справедливо назвашь *друзьями теловѣчества*. Изъ предметовъ, въ ихъ сочиненіяхъ заключающихся, шакже нѣкошорые дѣйспвуютъ на сердце человѣческое посредешвенно, а нѣкошорые непосредешвенно: сіи — шо послѣдніе, разсѣянные во многихъ книгахъ, суть, шакъ сказашь, драгоцѣнные умешвенные перлы, сешавляющіе сокровищницу испишной мудрости, кошорая научашь насъ важнѣйшему, великому искусству — искусству: *жить*.

Кшо можешь все прочешь? *Arx longa, vita brevis.*

Желая шпнынѣ посвяпишь — доколѣ Парки неумрлимые позволяшъ — жизнь свою шрудамъ лишперашурнымъ, я присшупаю къ исполненію одного изъ любимыхъ предѣ

положеній мойкъ : издаю сочиненія сихъ писателей, сокращенно, на Русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Искусство жить*.

Искусство жить издаю будещь съ восьми книжкахъ; онѣ соспавяшъ, для людей всякаго званія, небольшое, но избранное, на Русскомъ языкѣ книгохранилище, копорое можешь служишь уму — руководствомъ, сердцу—улажденіемъ.

Я предполагаю, въ 1825 году, издашь: книжку 1ю въ Январѣ, 2ю въ Апрѣлѣ, 3ю въ Іюнѣ, 4ю въ Октябрѣ. Въ 1826 году, издадущся, шакимъ же порядкомъ, 5, 6, 7 и 8 книжки.

Цѣна за всѣ восемь книжекъ, напечатанныя на лучшей бумагѣ, лучшими буквами, 25 рублей ассигнаціями; съ пересылкою 30 рублей ассигнаціями.

Книги сіи будущъ напечатаны моимъ иждивеніемъ: изъ суммы, копорая за нихъ въ пользу мою выручипся, половину предоспавляю я на вспоможеніе разореннымъ ошъ наводненія С. пещербургскимъ жишелямъ.

Я почшу себя счаспливымъ, если жерпвою нѣскольколѣшняго шруда моего принесу нѣкоторую пользу хошя одному, разоренному сѣмейству.

Казна моя—въ шрудѣ: другой я не имѣю.

Изданіе *Искусства жить* начнешся *стасъелъ*, шо естъ: сочиненіемъ *Дроза*, которое уже печашаешся въ Типографіи Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

О подпискѣ на сіе изданіе объявлено будешъ въ слѣдъ за симъ.

С. п. б. 1825.

В. Филимоновъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° V.

О ПРАВѢ И ХАРАКТЕРѢ НѢМЦЕВЪ.

(Изъ книги: de l'Allemagne par Mme Staël.)

Нѣкоторыя только главныя черты могутъ приличесивовашь равно цѣлому народу Нѣмецкому, ибо разнообразіе сей страны таково, что не знаешь какимъ образомъ соединишь подъ одну почку зрѣнія столь различныя религіи правленія, климаты и самыя народы. Южная Германія во многихъ отношеніяхъ отлична отъ Сѣверной: торговыя города не походятъ на города, знаменитыя по своимъ Университетамъ; малыя владѣнія видимо различаются отъ двухъ великихъ Монархій: Пруссіи и Австріи. Германія была аристократическая федерація *); сіе Го-

---

*) Соединенныя Государства, имѣвшія главою Императора, коего выбирали Курфиршты (избирашельные Князья). *Пр. Пер.*

сударство не имѣло общаго центра просвѣщенія и духа общественнаго; оно не соспавляло одного соединеннаго народа и лозамъ недоспавало связи. Сіе раздѣленіе Германіи, гибельное для полишической ея силы, было однако весьма благоприятно всякаго рода опытамъ, изобрѣпаемымъ гениемъ и воображеніемъ. Въ мнѣніяхъ о Словесности и Метафизикѣ существовала нѣкотораго рода крошкая и мирная анархія, позволяющая всякому совершенное раскрытіе своего образа мыслей.

Такъ какъ нѣтъ столицы, гдѣ собирались бы просвѣщенные люди цѣлой Германіи, духъ общества мало здѣсь имѣетъ силы; владычество вкуса и оружіе насмѣшки оспаются безъ вліянія. Большая часть писателей и людей мыслящихъ прудаясь въ уединеніи, находясь только въ маломъ кругѣ, въ коемъ они бываютъ главами. Каждый изъ нихъ опдѣльно увлекается вдохновеніемъ воображенія свободнаго; и если можно замѣтитъ нѣкоторыя слѣды владычества моды въ Германіи, то развѣ въ желаніи, ощущаемомъ каждымъ, казаться совершенно

опличными одинъ опъ другаго. Во Франціи, напрошивъ, всякой желаешь, чшобъ сказали о немъ шо, чшо Монпескье говариваль о Вольперѣ: *въ немъ болѣе, нежели въ колибъ либо чума, которымъ всѣ обладаютъ*. Нѣмецкіе писатели согласились бы охопнѣе подражать чужеспранцамъ, нежели соопечесшвенникамъ.

Въ Словесности, равно какъ и въ Полипикѣ, Нѣмцы слишкомъ предубѣждены въ пользу иноспранцевъ и мало имѣють національной гордостши. Самоошверженіе и уваженіе къ другимъ похвальны въ частныхъ лицахъ; народы же должны любить только себя. Гордостъ Англичанъ сильное имѣеть вліяніе на ихъ политическое существованіе; доброе мнѣніе Французовъ о самихъ себѣ всегда много способствовало ихъ перевѣсу надъ Европою; благородная гордостъ Испанцевъ содѣлала ихъ нѣкогда власшелинами части свѣта. Нѣмцы состоятъ или изъ Саксонцовъ, Прусаковъ, Баварцовъ, или Авспрійцовъ; но характеръ Германскій, на коемъ должна бы основываться сила всѣхъ, раздѣлень на части, какъ и самая земля, имѣющая столько различныхъ власшелиновъ.

Я спану опдѣльно разсмаприватъ Южную Германію и Сѣверную: но шеперь ограничусь замѣчаніями, касающимися до цѣлаго народа. Нѣмцы вообще чиспосердечны и вѣрны; никогда почши не измѣняющъ они своему слову и обманъ для нихъ чуждъ. Сей порокъ можешъ вкоренишься въ Германіи, развѣ опъ желанія подражашъ иностранцамъ, казашъся споль же искусными, и въ особенноти для избѣжанія ихъ обмана; но здравый смыслъ и доброе сердце скоро привели бы Нѣмцовъ къ ощущенію того, что сильнымъ можно бытъ только собственнымъ свойствомъ и что навикъ чеснотноти совершенно прешвуетъ употреблять хитростъ, даже когда бы и хотѣли того. Что бы извлечь пользу изъ безнравственноти, нужно бытъ вооруженнымъ совершенно на легкую руку и не носить въ груди своей совѣсти и угрызений, оспанавливающихъ на половинѣ дороги и заспавливающихъ шемъ живѣе ощущашъ раскаяніе объ оспавленномъ прешнемъ пущи, что невозможно смѣло подвизашъся на новоизбранномъ.

Легко, я думаю, доказашъ, что безъ

нравственности все спановится случаемъ и мракомъ. Однакожь у народовъ Лапинскаго происхожденія часпо видали полипику, весьма искусную въ умѣнныи свергнушь съ себя всѣ должности; но къ славѣ Нѣмецкаго народа можно сказать, что онъ почти неспособенъ къ отважной сей поцкоспи облечения всѣхъ испинь для выгоды каждаго и пожертвованія всѣхъ обязанностей для расчетовъ всякаго. Его недоспашки, равно какъ и добрыя качества, подвергають его доспощимой необходимости правопы.

Власть пруда и размышленія соспавляетъ, также опличительную черпу Нѣмецкаго народа. Онъ опъ природы имѣетъ склонность къ Словесности и Философiи; но раздѣленіе соспояній, которое гораздо явспвеннѣе въ Германiи, нежели гдѣ либо, пошому что жизнь общеспвенная не смягчаетъ оппѣнковь онаго, вредитъ въ нѣкопоромъ опношеніи уму, говоря въ собспвенномъ значеніи сего слова. Дворянспво шамъ мало имѣетъ идей, а ученые мало навыка въ дѣлахъ общеспвенныхъ. Умъ соспоятъ изъ смѣси познанія о вещахъ и людяхъ; а об-

щество, гдѣ дѣйствуютъ безъ цѣли и между шемъ съ нѣкоторою приятностью, наиболѣе благоприятствуетъ къ развитію способностей, самыхъ противоположныхъ. Воображеніе, болѣе, нежели умъ, составляетъ оплотивельный характеръ Нѣмцевъ. Ж. П. Рихтеръ, одинъ изъ ихъ знаменитѣйшихъ писателей, сказалъ, что *владычество надъ моремъ принадлежитъ Англитанамъ, надъ землею Французамъ, а надъ воздухомъ Нѣмцамъ*: въ самомъ дѣлѣ въ Германіи нужно назначить средоточіе и границы для сей превосходной способности мысли, которая возвышается и пропадаетъ въ неопредѣленномъ, проникаетъ глубину и въ ней исчезаетъ, разрушаетъ себя опъ излишняго безприсрастія, мѣшается опъ беспрепятнаго раздробленія и наконецъ имѣетъ нужду въ нѣкоторыхъ недоспапкахъ, кои могли бы служить границею для ея похвальныхъ качествъ. Оспавя Францію, очень прудно привыкнушь къ медленности и лѣности Нѣмецкаго народа; онъ никогда не спѣшитъ, онъ находитъ во всемъ препятствія. *Нельзя* — повторяется въ Нѣмецкой землѣ во сто разъ чаще,

нежели во Франціи. Когда нужно дѣйствовать, Нѣмцы не умѣють бороться съ трудностями; они почишаютъ власшь болѣе по сходству ея съ судьбою, нежели по какимъ нибудь разсѣпамъ. Обхождение людей низкаго званія довольно грубо, особенно когда принуждаютъ ихъ опшупать опъ обыкновеннаго образа жизни; имъ болѣе сродно, нежели дворянству, сіе спасительное опвращеніе опъ нравовъ, обычаевъ и языковъ чужеземныхъ, кошорое вездѣ укрѣпляетъ союзъ общеспвенный. Ни деньги, ни угрозы не заставляють ихъ перемѣнить своихъ поступковъ. Наконецъ они весьма способны къ эшой неподвижности во всемъ, кошорая составляетъ лучшую поруку за нравы; ибо человекъ спрахомъ и еще болѣе надеждою, беспредспанно колеблемою, легко переходить опъ одного мнѣнія къ другому, когда эшаго пребують его выгоды.

Опдалившись немного опъ низкаго народа въ Германіи, легко примѣнить можно шу внутреннюю жизнь, шу Поззію души, кошорая опличаетъ Нѣмцевъ. Жители городовъ и деревень, солдаты и земледѣльцы, всѣ почти знаютъ музыку;

я заходила иногда въ бѣдные дома, закопченныя пабачнымъ дымомъ, гдѣ могла слышать неожиданно не только хозяйку, но даже и хозяина, играющихъ изъ своей головы на фортепiano, подобно Итальянскимъ импровизаторамъ. Вездѣ почти заботясь о помѣ, чпобъ въ торговые дни игроки на духовыхъ инструментахъ были на балконѣ Рапуши, находящейся на площади; поселяне изъ окрестностей участвуютъ также въ пріятномъ наслажденіи перваго изъ искусствъ. Ученики ходятъ въ воскресные дни по улицамъ, распѣвая псалмы хоромъ. Говорятъ, что Лючеръ часто бывалъ въ подобныхъ хорахъ въ ранней юности. Во время пребыванія моего въ Ейзенахъ, маломъ городкѣ Саксонскомъ, однажды въ зимній день споль холодный, чпо всѣ улицы были занесены снѣгомъ, я увидѣла длинный рядъ молодыхъ людей, въ черныхъ плащахъ, проходящихъ чрезъ городъ и поющихъ хвалы Предвѣчному. Одни только они были на улицѣ, ибо суровость спужи удаляла всѣхъ, и голоса сіи, почти споль же пріятные какъ и голоса Юга, слышимые среди споль угрюмой природы, шемъ

болѣ приводили въ умиленіе. Жители города не смѣли, по причинѣ жестокаго холода, распорить окна; но сквозь стекла видны были лица печальныя, или ясныя, юныя, или дряхлыя, внимавшія съ радостію небеснымъ утѣшеніямъ, дославляемымъ сею сладостною мелодіею.

Бѣдные Богемцы, путешествуя со своими женами и дѣтьми, носятъ за плечами безобразную арфу изъ грубаго дерева, которая издаетъ подъ ихъ руками гармоническіе звуки. Они играютъ, опядыхая подъ шѣнію деревьевъ, на большой дорогѣ, или спараясь подлѣ почтовыхъ дворовъ занявъ путешественниковъ походнымъ концертомъ, который составляетъ бродящее ихъ семейство. Австрійскіе паслухи играютъ предельныя пѣсни на проспыхъ и звонкихъ инструментахъ. Сіи пѣсни совершенно соотвѣтствуютъ впечатлѣнію сладостно-мечтательному, которое производятъ сельскіе виды.

Инструментальная музыка въ такомъ же вообще употребленіи въ Германіи, какъ и вокальная въ Италіи; въ семь послѣднемъ отношеніи, равно какъ и во

многихъ другихъ, природа болѣе осчастливила Испалію, нежели Германію: для инструменшальной музыки нуженъ трудъ, между шемъ какъ довольно южнаго неба для прекрасныхъ голосовъ; но люди промышленнаго класса не могли бы никогда удѣлишь времени, нужнаго для обученія музыкѣ, еслибъ не имѣли къ тому способностей. Народы, музыкальные по природѣ своей, получающъ чрезъ гармонію ощущенія и идеи, копорыя познающъ инымъ образомъ не позволилобъ имъ ограниченное положеніе и обыкновенныя ихъ занятія.

Поселянки и дѣвицы, неимѣющія довольно денегъ для нарядовъ, украшающъ голову и руки цвѣтами, чшюбъ по крайней мѣрѣ воображеніе могло участвовать въ ихъ одѣяніи: другія, немного доспаппочнѣе, въ праздничные дни надѣвають головной нарядъ изъ парчи весьма посредственнаго вкуса, и копорый слишкомъ отличенъ отъ простаго ихъ плашья; но головной нарядъ сей, ношенный также ихъ матерями, напоминаетъ о старинныхъ нравахъ; праздничное же плашье, въ копоромъ женщины изъ простаго на-

рода бывають по воскресеньямъ, заключають въ себѣ что-то важное, говорящее въ ихъ пользу.

Должно также благодарить Нѣмцевъ за доброжелательство, которое изъясляютъ они униженными поклонами и церемоніальною учтивостію, спольсмѣшными для иностранцевъ. Они легко могли бы замѣнить холоднымъ и ничего незначащимъ обхожденіемъ пріяшность и ловкость, въ которыхъ не могутъ имѣть успѣха: презрѣніе всегда заславляетъ молчать насмѣшку: ибо она особенно занимается бесполезными усиліями; но снисходительные характеры желаютъ лучше быть предметомъ шулки, нежели предохранить себя отъ оной гордымъ и принужденнымъ видомъ, который споль легко каждый можетъ принимать на себя.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

НѢЧТО ОБЪ ИТАЛІАНСКОЙ ПОЭЗІИ *).

Сицилійскіе Спихопворцы первые начали писашь на Ипаліянскомъ языкѣ. Желая обнаружить предъ сеюими любезными пламенную свою спрасшь, не могли они объяснить ея на языкѣ Липинскомъ, бывшемъ тогда въ употребленіи между одними только учеными, и спали писашь Эропическіе спихи на языкѣ Ипаліянскомъ, называвшемся въ то время народнымъ (*lingua volgare*), ибо имъ говорилъ въ Ипаліи просщый народъ.

Пепрарка въ одномъ своемъ письмѣ (1360 года) говоритъ, что Сициліянцы нѣсколько вѣковъ прежде (*alcuni secoli prima*) писали уже спихи на языкѣ народномъ.

Первый вѣкъ Ипаліанской Поэзіи продолжается отъ 1100 до 1230 г. Въ семь вѣкѣ, который можешъ назвашься вѣкомъ младенческа нашей Поэзіи, спихопвор-

---

*) Кто желаетъ имѣть полное понятіе о Сицилійскомъ Спихопворствѣ, пусть прочтешъ Исторію народной Поэзіи Кресцимбени, томъ III. *Прим., Пер.*

цы шолько чшо начинали учипсья пишашь. Языкь ихъ былъ грубъ, выраженія спранны, мысли низки и безъ всякаго пришомъ выбора.

Послѣ 1220 года, когда Императоръ Фридрихъ II, одинъ изъ первыхъ спихотворцевъ того времени, основалъ свое мѣспопребываніе въ Сициліи, ученые Итальянцы, посѣщавшіе его дворъ, получили спрасшь къ народной Поэзіи и перенесли ее въ свое опечество. Съ шѣхъ поръ начали процвѣпашь Спихотворцы, писавшіе на проспонародномъ языкѣ въ Тоскандѣ, Болоніи и въ другихъ городахъ Италіи. Между прочими опличились тогда Данше, Алигieri, Гвиццонъ д'Ареццо, Гвидо Гиничелли Болонскій, Чиноде Писпоя и Гвидо Кавалканши. Они писали языкомъ не споль грубымъ; обороты у нихъ приятнѣе, мысли выше и благороднѣе, нежели у ихъ предшеспвенниковъ. У Данше болѣе, чемъ у другихъ, можно замѣпшпшь драгоцѣнныхъ камней, худо однако обдѣланныхъ и безъ вкуса соединенныхъ между собою.

Симъ-шо спихотворцамъ и многимъ другимъ, процвѣпавшимъ въ шо время, о

которыхъ Кресцимбени упоминаеть въ своей Исторіи о просонародной Поэзіи, обязанъ своимъ бытіемъ вторый вѣкъ Италіянской Поэзіи, продолжавшійся почти до конца 1320 года.

Однакожь просонародная Поэзія болѣе возвысилась и болѣе усовершенствовалась во время Петрарки. Къ сей эпохѣ должно отнести прешій вѣкъ Италіянской Поэзіи. Гецій, по истинѣ чудесный сего великаго человѣка—говорить Мурапори—наслѣдовалъ всѣ совершенства древнихъ Спихопворцевъ, но ни одного изъ ихъ пороковъ. Приятностию языка, красотою слога, благородствомъ мыслей, которыми преисполнены его спихопворенія, заслужилъ онъ по всей справедливости названіе *главца Италіянскихъ Лириковъ*; до сихъ поръ никто еще не имѣлъ столь блестящей славы, и никто изъ счастливыхъ его подражателей не могъ съ нимъ сравниться. Процвѣтавшие при жизни сего великаго Поэта и по смерти его нѣкоторые спихопворцы, хотя и гораздо ниже, однако заслуживаютъ истинное уваженіе. Отличнѣйшіе между ими суть: Бонаккори, Моншемагно, Чино Ри-

нучини, Франко Саккешпи и Гвиспо де Конпи, всѣ подражали славнаго Пешрарки.

Четвертый вѣкъ, который начинаешся послѣ Гвиспо де Конпи, не менѣе былъ славенъ для Италіанской Поэзіи. Несмотря однако на сіе полько около половины 1400 года ушвердилась слава нашей Поэзіи прудами: Жиралама Беневіени, Анжіола Поликсіано, Графа Машвѣя Боіарда, Антонія Тибалда, Серафима Аквилейскаго и особенно Лоренца Медичеса, въ стихахъ котораго хощя и не видно совершенной ошдѣлки, но естѣ благородныя мѣсли, прелестныя каршины и вкусъ самый очищенный, какъ у лучшихъ стихотворцевъ.

Пятый вѣкъ считаешся съ 1560 до 1600 года: онъ былъ самый блистательный для нашей Поэзіи, достигшей, шакъ сказать, отъ самаго своего возрожденія до высшей славы во всѣхъ родахъ стихотвореній. Кому не извѣсны заслуги Гембы, Жіованна делла Коза, Аріосша, Анжіола ди Конспанца, Лудвига Транисси, Жіованна Гвидичіонни, Аннибала Кары, Торкваша Тасса, Гваріни и многихъ дру-

гихъ, о коихъ по крашкоспи сей спашьи здѣсь не упоминается. Въ семь вѣкѣ Спихошворцы, говоря вообще, имѣли самый очищенный вкусъ, писали съ прияшно-спію и опличались благородными, высокими и вѣрными мыслями. Однакожь надобно замѣнить, что при концѣ сего вѣка спали прилѣпляясь къ замыслова-шымъ мыслямъ, къ игрѣ словъ (congetti), украшеніямъ поспороннимъ и блиспа-шельнымъ.

Волѣе всѣхъ Марини распроспраниль сей испорченый вкусъ, кошорый началъ господствовать на Италіянскомъ Парнасѣ. Эшо было причиною, что послѣ 1600 года почти всѣ Италіянскіе спихошворцы подражали Мариніеву слогу (Marinesco), подспрекаемые славою и всеобщимъ одобреніемъ, кошорыя получили сей писа-шель. Но изъ сего числа надобно исклю-чить двухъ великихъ геніевъ: Габріелла Кіабрери и Графа Фулвіо Теспи; первый изъ нихъ спарался подражать древнимъ Греческимъ Лирикамъ, а другой Лапинскимъ. Эшо доспавило имъ безсмертіе.

Наконецъ около половины XVII спо-лѣшія начала Италія пробуждається ошъ

глубокаго сна, въ копоромъ была погрѣ-
жена споль долгое время. Славное Аркад-
ское Общеспво неусыпными своими шу-
дами спаралось спасти Италіянскую По-
эзію ошъ пошопленія. Францеско Реда ;
Генешпо Менцина, Винценпи де Фелик-
си, Карло Марія Можжи и множеспво
другихъ разпроспранили на нашу. Поэ-
зію сей блескъ, въ копоромъ нынѣ оную
видимъ. Счаспливья времена!... Но кто не
позавидуешъ вѣку Пешрарки и Тасса?

Сѵ Италіянскаго А. Р—б:

КАРНАВАЛЬ И МАСКАРАДЪ.

(изъ Антенскаго Пустынника, соч. Жуи: *)

Италіянцы упверждають, что мы
ошъ нихъ заимспвовали нашъ Карнавалъ.
Эпимологиспъ Дюканжъ производиспъ

---

*) Г. де Шаплезъ, извѣспный весьма
хорошимъ переводомъ Лондонскаго Пустын-
ника и Добрсдушнаго, переводиспъ шецерь пре-
восходное сочиненіе Жуи: L'Hermite de la
chaussée d'Antin.

названіе его опъ словъ: *carn-avale* (мясо-ядѣніе); попому, говоришь онъ, что въ это время объѣдаются мясомъ, желая за благовременно вознаградишь себя шемъ за воздержаніе, налагаемое Постомъ. Что же касается до *Маскарадовъ*, составляющихъ главную забаву *Карнавала*, по полагаешь должно, что мы обязаны за нихъ Испанскимъ Маврамъ. Всѣ блистательныя описанія Кордуанскихъ и Гренадскихъ праздниковъ, переданныя намъ ихъ Испориками, наполнены извѣстіями о разныхъ переодѣваньяхъ и о шупочныхъ обрядахъ, довольно сходныхъ съ шѣми, копорые употребляются у насъ въ эти дни. Происхожденіе слова: *Маскарадъ*, опъ Арабскаго *muscara*, означающаго дурачество, также доказываетъ справедливость эшаго мнѣнія. Впрочемъ шѣ, копорые не хотяшь ничемъ бышь обязанными иностранцамъ, имѣють полное право почищать увеселенія *Карнавала* не иначе какъ послѣдствіемъ праздниковъ *Лисицы*, *Дураковъ*, и *Ословъ*, усшановленныхъ гораздо прежде пришествія Мавровъ въ Испанію.

Желая изобразить забавы *Карнавала*

сколь можно вѣриѣ, я вздумалъ, самъ принявъ въ нихъ учаспіе и бывъ дѣйствующимъ лицомъ въ каршинѣ, копорю намѣревался предспаишь моимъ чипапелямъ. Въ слѣдствіе чего, накинувъ на себя плащъ и для бѳльшей предосторожности взявъ съ собою зоншикъ, я отправился въ пушь во вшоромъ часу передъ обѣдомъ, положивъ провести день совершенно новымъ образомъ. Во время прогулки моей замѣпиль я, что проспранство, гдѣ наибѳе собираются нынчѣ маски и экипажи, заклѳчается между булеварамн Храма и Магдалинскииѳ. Прежде это гулянье обыкновенно бывало въ предмѣспій Св. Антонія начинающъ воропъ Иоанна Гревскаго до Пикпцусской заспавы.

Положивъ не опдавать себѣ ни въ чемъ опчеша и наслаждашья, подобно дѣшямъ, всѣмъ, что ни попадешся мнѣ на глаза, я полько посмѣялся ошибкѣ, копорая въ другое время была бы для меня источникомъ нравспвенныхъ и философическихъ размышлений. Между двумя карешами, наполненными масками, ѣхала въ ряду довольно спраннаго вида коляска;

сидѣвшіе въ ней люди, имѣли опъ природы такія смѣшныя лица, и такъ забавно были наряжены, что зрители, увѣренные въ томъ, что они сославляютъ часть *Маскарада*, посреди котораго находились, начали указывать на нихъ пальцами, провожая ихъ громкимъ хохотомъ и свиспомъ, между темъ какъ эти добрые люди никакъ не могли изъяснить себѣ причину такой наглости. Вспрѣтивъ дорогою старинное и веселое шествіе *Масленичнаго-Вола* (*boeuf-gras*), котораго обыкновенно провожаютъ депутаты, опъ всѣхъ сословій и опъ всѣхъ провинцій; замѣтивъ между множествомъ весьма обыкновенныхъ масокъ, нѣсколько человекъ на ходуляхъ, семейство дикарей, одѣтыхъ слишкомъ легко для настоящей погоды, и давъ гостинецъ прелестной, какъ Амуръ, пылѣвшей дѣвочкѣ, наряженной по примѣру ея прабабушки въ робу съ фижмами, въ огромномъ чепцѣ и съ черною мушкою подлѣ глаза, я дошелъ до *Храмоваго* булеваръ и остановился противъ дверей шицка, въ который спремилась толпа народа; этого было довольно для того, что бы возбу-

дипъ во мнѣ охоту войши шуда же. Съ большимъ прудомъ опыскалъ я себѣ мѣсто за однимъ изъ сорока сполоиковъ въ огромной горницѣ, въ кошорой помнилось болѣе полутора распа человекъ. Нѣсколько масокъ, кошорыя вошли въ одно время со мною, не найдя гдѣ сѣсть, располагались было выдши вонъ, какъ хозяйнѣ шинка, въ своемъ колпакѣ и съ ножомъ за поясомъ, удержалъ ихъ общаніемъ пошчасъ доставитъ имъ мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, по данному имъ знаку, при скрипача вскарабкались на хоры и даже не наспройвъ своихъ инструменовъ, пошчасъ начали гудитъ изо всей силы; едва загремѣла музыка, какъ въ мигъ сошавилось нѣсколько кадрилией и споловъдесять опустили. Съ мѣста моего, я опмѣнно хорошо могъ видѣть всю эту каршину, о кошорой никакое описаніе не можешъ дать наспоющаго поняшя, запивая между шемъ бупылкою дешеваго вина поданную мнѣ на обѣдъ похлебку изъ кроликовъ и жареныя ребра съ маленькими огурчиками.

Между шемъ однакоже хопя пляска и музыка очень меня забавляли, но я не

оспавиль безъ вниманія тѣхъ, копорые сидѣли за сполами. Вино дѣлаеть разговорчивымъ, и я вскорѣ узналъ всѣхъ меня окружающихъ. Подлѣ, съ правой спороны, обѣдали изъ *Англійской* улицы прачки, копорыя восхищаясь Китайскимъ своимъ нарядомъ, располагали ужинашь въ пракширѣ: *Большой - Хижины*, и попомъ провести ночь на балѣ. Спомъ проптивъ меня былъ заняшь самымъ блестящимъ общесшвомъ изъ всей залы: его соспавляли двѣ пригожія бахромщицы въ *Амазонскомъ* нарядѣ; двѣ золопошвейки, переодѣшныя паспушками; маклерской прикащикъ, предспавляющій *Аполлона*; сидѣлецъ изъ мѣлочной лавки, наряженный *Адонисомъ*, и еще двое молодыхъ мужчинъ въ *Арлекинскомъ* плашь, копорыхъ званія я не могъ узнать. Эша разнородная кадрилъ, въ копорой спаршему не было придцаши. лѣшь. намѣревалась отправишься на балѣ *Сентъ-Мартенской* площади, съ шемъ что бы славно шамъ повеселишься, и я нисколько не сомнѣваюсь въ шомъ, что они сдержашъ свое обѣщаніе.

Между шемъ смерклось: я вышель изъ

шинка; нанялъ фіакръ и приказаль везти себя въ *Прадо*, въ *Редутъ*, въ *Эрмитажъ* и въ *Зимній Тиволи*. Наскоро осмопрѣль я всѣ эти мѣщанскія общества, гдѣ не найдешь ни утонченности нравовъ большаго свѣта, ни искренняго и грубаго веселія проспой черни, копорой главное сходбище еспь въ такъ называемой *Большой-Залѣ* (*Le Grand Salon*). Я приѣхаль шуда въ двѣнадцатомъ часу. Это веселое и шумное сборище, гдѣ вы видише забавное смѣшеніе самыхъ спиранныхъ нарядовъ, представляешъ всегда новое зрѣлище даже и для того, кто видѣль его двадцать разъ. Вепошникъ подаешъ шамъ руку придворной госпожѣ, Турецкій Султанъ бросаешъ плапокъ рыбакѣ; шамъ уже нѣтъ ни *гавотта*, ни *болеро*, ни даже *кадрилей*; но вмѣсто всего эшаго безпрерывно продолжается общая пляска, въ копорой всѣ могутъ принимашъ участіе до шѣхъ поръ, пока первый плясунъ общесства, (обыкновенно какой нибудь дюжій разнощикъ изъ рыбнаго рынка); являешся подъ ручку съ избранною имъ дамою и начинаешъ прыгашъ посреди рукоплесканій восхищенныхъ зрителией.

Упомясь до чрезвычайности, я возвратился домой; било часъ и я закриваль уже Горація, котораго обыкновенно передь сномъ читаю нѣсколько страницъ, какъ вдругъ слышу, что у подъѣзда моего оспанавливаешся кареша: черезъ минушу пихонько поспучались въ двери; я беру свѣчу, иду отворить... Вообразите себѣ, какъ велико было мое удивленіе (гдѣ по время, въ которое бы я сказала: *моу благополучію?*) когда подь бѣлою доминою, въ щегольскомъ салопѣ, узналъ я Госпожу М***, молодую, прелестную Аврелію, въ сопровожденіи слуги, который несъ черный Венеціань. “Скорѣ! скорѣ!—вскричала она, не давъ мнѣ времени опомнишься ошъ изумленія — Скиньте проворнѣе смѣшной вашъ колпакъ и древній вашъ халашъ; надѣньте эполъ Венеціань и поѣдемъ со мною въ Оперный *Маскарадъ*., — Имѣя голову наполненную шемъ, что я читаль, я вздумаль было ошвѣчать ей Лапинскимъ поученіемъ... “Эти старинныя бредни вовсе не кспати (прервала она)... У меня сегодня балъ: всѣ госпи танцуюшъ; пришворившись, будпо бы мнѣ сдѣлалось дурно, я ушла въ спальню;

легла въ постелю и увѣрена въ томъ, что всѣ полагаютъ меня спящею; но я не могу ѣхать одна; мнѣ нуженъ въ проводники, ктонибудь человекъ... почтенный (съ прудомъ прибрала она это слово). Вы другъ моего мужа и мой; почему я и надѣюсь на вашу благосклонность. „ — Довольно странно, что мнѣ представлялось множество выраженій, и что я не имѣлъ духу сказать ей ни одного. Просьба женщины всегда была для меня закономъ: я прекорился волѣ красавицы, и мы опирались. Карета безъ гербовъ, лакей въ простомъ сертукѣ, все было придумано для того, что бы мы оспались въ самой скрытой неизвѣстности. Въ продолженіи довольно длиннаго пути, кошеры мы должны были сдѣлать, ни у нее, ни у меня не вырвалось ни одного слова: мнѣ показалось, что дыханіе моей спутницы спѣснялось и спановилось чаще, по мѣрѣ какъ мы приближались къ цѣли нашего путешествія. Но можетъ быть, что я пришелъ бы еще въ большее замѣшательство, если бы мы оба принуждены были опдать другъ другу опчетъ о причинѣ нашего молчанія.

Наконецъ мы приѣхали въ *Маскарадъ*, и едва полькѣ вошли въ первую залу, какъ человекъ, средняго роста, въ черномъ домиѣ, съ зеленою на рукѣ лентою, остановился прямо прошивъ насъ; Аврелія невольнымъ образомъ прижалась къ рукѣ моей, кошорую попчасть опустила для того, что бы подойши къ маскѣ съ зеленою лентою, сказавъ мнѣ на ухо: "Я непременно должна бытъ дома къ премо часамъ: если бы случилось, что мы поперяли другъ друга изъ вида, то вы найдете меня шамъ подъ большими часами.,, Оставивъ меня, она исчезла. Въ шу минушу, не понимаю опъ чего, сердце мое вдругъ спѣснилось, за что однакоже я попчасть опмсшилъ себѣ, посмѣявшись самъ надъ собою подъ маскою и за лучшее разсудилъ дринашьяся опашь за мою ролю наблюдателя. Желая выполнить ее въ полномъ смыслѣ, я началъ шемъ, что мысленно перенесся за польвѣка назадъ къ тому времени, когда выборъ маскараднаго наряда занималъ меня цѣлый день; когда я записывалъ имена женщинъ, кошорыхъ полагалъ вспрѣшпшь; замѣчалъ себѣ, почему можно будетъ узнать ихъ и приго-

являлся что имъ сказать. Я приводилъ себѣ на память, какъ бывало въ полночь приѣзжалъ въ оливковой моей коляскѣ къ подъѣзду Оперы, копорая находилась тогда въ *Пале-Рояль*; какъ я спавилъ въ сѣняхъ распоропнаго лакея, копорый долженъ былъ опдавать мнѣ опчепь о сдѣланныхъ имъ чрезъ распросы другихъ слугъ опкрыпяхъ. Глядя на полпу людей, большею частію въ одинаковыхъ черныхъ доминахъ, придающихъ нашимъ *Маскарадамъ* весьма мрачный видъ; я не могъ не пожалѣть о спаринныхъ Оперныхъ балахъ, гдѣ щеголяли разнообразіемъ одеждъ; гдѣ всякой годъ являлись въ новыхъ костюмахъ историческія, аллегорическія и сапирическія кадрили, копорыхъ блиспашельное появленіе прерывало на нѣсколько времени занимательныя подвиги волокипспва, продолжавшіеся во весь *Карнавалъ*. Весьма еспешивенно, что не имѣя никакого дѣла, я спарался воспользоваться моимъ нарядомъ и началъ подслушивать разговоры меня окружающихъ; но не исключая двухъ небольшихъ инпригъ, слишкомъ рѣзкихъ для моей книги, я услышала однѣ только нагло-

спи, шупки безъ соли и насмѣшки безъ оспроумія.

Спановилось поздно; посмопрѣвъ на нѣскольکو Провинціаловъ, уснувшихъ на скамейкахъ, на нѣскольکو свисходисельныхъ подругъ, зѣвающихъ въ ложахъ перваго и втораго ярусовъ, въ ожиданіи своихъ спутницъ, которыя отправились по дѣламъ, и не могши по слабости зрѣнія разглядѣть того, что происходило въ верхнихъ ложахъ, я возвратился въ залу, гдѣ спояди часы, встревоживъ въ коридорѣ нѣскольکو небольшихъ черныхъ масокъ, которыя, по суровой моей одеждѣ и скрытной походкѣ, вѣрояшно принявъ меня за ревниваго мужа разбѣжались, осмаширивая меня съ головы до ногъ.

Аврелія прежде меня уже была на назначенномъ мѣстѣ; она перемѣнила свой нарядъ; я узналъ ее по условленному знаку: она пошатила меня вонъ изъ залы съ порошливостью, которая показывала такое сильное безпокойство, что я самъ невольнымъ образомъ раздѣлялъ его, не зная и не спрашивая оному причины. Она спремглавъ бросилась въ карету; лошади, которыя, казалось, раздѣляли ее нестерпѣ-

ніе, помчались во весь духъ. Чемъ ближе подъѣзжали мы къ дому темъ живѣе обнаруживалось ея смущеніе. Наконецъ мы приѣхали; лакей разбудилъ швейцара. “Возвратился ли баринъ?,” былъ первый ему вопросъ чрезъ карешныя дверцы. — Нѣтъ еще, сударыня! — Этошь опившись, казалось, снялъ тяжкое бремя съ груди Аврелии. Я догадался, что мнѣ должно отказатьсь отъ предложенія, (кошорое она сдѣлала мнѣ спрашась, что бы я его не принялъ) опвезти меня домой въ ея карещѣ, за что она поблагодарила меня взглядомъ, болѣе нескромнымъ, чемъ она вѣроятно полагала; послѣ чего, пожавъ мнѣ руку, поспѣшно побѣжала въ свою спальню.

Очувившись на улицѣ въ чепыре часа ушра, я пуспился въ мудрыя, но позднія размышленія; упрекая себя въ безразсудной снисходительности, побрель я домой и ложась въ постелю, сказалъ самому себѣ, какъ опекунь Розины: *Бартоло, другѣ мой! несмотря на твои лѣта, ты все еще очень глупъ!*

Перев. С. де Шаллетъ.

ПИСЬМО П. А. ДЕМИДОВА КЪ И. И. ШУ-
ВАЛОВУ *).

Башышка мой!

Сколько я спыжусь и лѣноспь мою браню: по сю пору не сдѣлалъ Вашему Высокопревосходительспиву благодарноспь, какія ошеческія милоспи ко мнѣ упошребляшь изволилъ.

Трешьяго дня Профессоръ Шварцъ, пришедчи, говоритъ: приѣхалъ вечеромъ я былъ, и на меня бранился Михайло Васильевичъ, зачемъ вы прежде видѣли. Я подумалъ, что вы здѣсь пробудете, шакъ

*) Кто не слыхалъ о проказахъ и о благошвореніяхъ Прокофья Акинфовита Демидова, основателя Коммерческаго Училища и сдѣлавшаго весьма большія пожертвованія въ пользу Московскаго Воспитательнаго Дома и Университета? Случайно попало мнѣ въ подлинникъ это письмо, и я, по совѣту многихъ почтенныхъ особъ, рѣшилъ его напечатать. Надѣюсь, что оно какъ оригинальноспію своего слога, шакъ и благонамѣренноспію Сочинителя, понравится читателямъ *Благонамѣреннаго*. Изд.

и не пожадничаль какъ Профессоры; а вчера къ Вашему Высокопревосходительству ѣздиль, да вы были у Графа Шеремешева. А ко мнѣ изволили присылать Господина Жегулина, чшобъ я не прогнѣвался, чшо Ваше Высокопревосходительство на поклонъ не приѣхаль. Экой шы какой! Да разсуди же: я вѣдь не зналъ вашей скороспи, чшо вы опбудете.

Нижайше прошу, ежели ко мнѣ милость Вашего Высокопревосходительства, приѣхашъ сказашъ: а у Господина Баженова планъ и фасада сработаны; вопъ бы благоволилъ посмотришь и научишь.

Башюшка мой! вы меня давно знаете чшо я глупъ: начшо со мною шакія шонкоспи, копорыхъ я не разумѣю? Все догадывайся, обо всемъ мучься; чшо зажишь! Вѣдь все равно и безъ догадокъ, да лучше по челоуѣколюбію изъясняшься. Повѣришь ли? право мнѣ спыдно, чшо я благодарности не сдѣлалъ; а мысли мучушь! Ежели не увижусь послѣ приѣзжаго гостя, шакъ я къ тебѣ въ деревню приѣду: мнѣ шолько спыдно, будшо я шаккой спѣсивецъ и будшо я не благодарникъ.

По опъздѣ вашемъ у меня былъ Петръ Максимовичъ — сказывалъ: много земли и планъ себѣ опдалъ продажному Выборгскому мѣсту; я просилъ Профессоровъ купить.

А на другой день приѣхалъ ко мнѣ Господинъ Дурновъ, который сказывалъ: казенныя два мѣста, одно у Салтыкова моста, что было Архіерейское подворье.

Другое Краснопрудской дворецъ. Я, услышавъ, много Его Превосходительства благодарилъ, и пошъ же часъ просилъ Господина Директора Михайла Васильевича, чтобъ приказалъ осмодрѣть и Господамъ Кураторамъ донесшъ, которое изъ двухъ покажется. Вошъ и безъ покупки Государыня, уповашельно, пожалуетъ для ботаническаго сада.

Пожалуй купишь меня: заведи садъ и мое собраніе прикажи взять. Я умру, все пропадетъ, да и никто не знаетъ что расшеть, шолько поглядитъ, да плюнетъ. А Профессоры могли бы изъ онаго полезность обществу учинитъ. Оная бездѣлица, да фундаменшальна для Медицины и Химіи—а паче предаю во благоволеніе

Вашего Высокопревосходительства. Желаю дражайшаго здравія и благополучія.

Подписано: всегда готовымъ слугою оста-
хсь Прокофій Делидовъ.

в Июня, 1780 года.

Москва.

~~~~~

*

Ошвѣпы на вопросы въ игру :
Секретарь *).

1.

Что въ свѣпѣ насъ увеселяешь,
Но вмѣспѣ и ума лишаешь? К.

Ошвѣпѣ не трудно дашь:
Любовь насъ веселишь, любовь ума лишаешь;

*) Въ обществѣ играющихъ раздають каждому понѣскольку пустыхъ билешцевъ, чшобъ писать на нихъ вопросы, какіе кому угодно; послѣ собирають билешцы, свершывають опять, мѣшають и снова раздають. Тогда всякой на доставшемся ему вопросѣ нищепь ошвѣпѣ. Потомъ читають вопросы и ошвѣпы. Прим. Перев. Превеселая, презанимательная игра, особливо съ остроумными дамами! Прим. Изд.

Кто здѣсь любилъ когда и кто любовь у-
знаешь,
Тотъ будешь поже опѣвчашь.

2.

Скажише: на какихъ горахъ,
Въ какихъ вершепахъ, иль но-
рахъ

Блаженство обитаетъ?

И какъ и кто его въ семь мѣръ обрѣтаетъ? А.

Къ блаженству разные пути;
Всѣ ищущъ здѣсь его, но трудно всѣмъ
найти.

А гдѣ оно? Не знаю,

Лишь ошь счастливецъ я ошеѣша ожидаю.

3.

Что лучше кажется для васъ,
Взойти на лѣсницу, иль на крушый Пар-
нассъ? С.

Взойти на лѣсницу я соглашусь скорѣй;
Къ Парнассу же хощя довольно есть путей
И многіе его вершины доспигающъ:

Но опытомъ извѣстно всѣмъ давно,
Что съ лѣсницы сдѣйши совсемъ не му-
дрено;

Съ Парнасса же, увы! не сходящъ, а слезающъ *).

4.

Что есть свящѣй родства?
 Что женщины милѣе?
 Ужаснѣй воровства
 И низости подлѣе? А.

Любовь родства свящѣй;
 Милѣе женщины я ничего не знаю;
 А друга обманушь — я это почишаю
 Ужаснѣй воровства и низости подлѣй.

5.

Кому блаженство жизнь?
 Кому она опшрава?
 Досада и корысть?

Блаженство жизнь тому, кто милою любимъ;
 Опшрава для того, судьбою кто гонимъ;
 Досада, кто изъ насъ шерпѣль въ любви
 измѣну,
 Корысть, кто времени и жизни знаешъ
 цѣну.

Б. Федоровъ.

*) Но впрочемъ шеи не ломающъ. Изд.

Шарады .

1.

Начало — знакъ для ношъ;
Второй — чишаешь и поешь;
Въ мѣспоименіяхъ *последнее* найдепе;
А всѣмъ *извѣстную* вы гору назовеше.

2.

Начальное мое лишь двое *составляющъ*;
 Сіятельныхъ особъ *последнимъ* называютъ;
 На *цѣлѣжъ* сшашы и книги *раздѣляютъ*.

Опотка.

Ис. Бутырскій.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° VI.

О ПРАВѢ И ХАРАКТЕРѢ НѢМЦЕВЪ.

(Окончаніе.)

Въ Германіи на каждомъ шагѣ вы встрѣчаете прошиворѣчіе между чувствыями и обычаями, между палансами и вкусами: просвѣщеніе и природа кажутся еще не совсемъ хорошо соединенными вмѣстѣ. Иногда люди весьма опкровенные бываютъ принужденными въ выраженіяхъ своихъ и въ фізіогноміи, какъ будто хотѣя что либо скрывать; иногда, напрошивъ, крошосць души не препяпспвуеть суровоспи въ обхожденіи: часто прошивоположносць сїя проспираетсѣ еще далѣе, и слабосць характера изъясняетсѣ языкомъ жесткимъ. Энтузіазмъ къ искусствамъ и Поэзіи сопрѣгаетсѣ съ обычаями весьма проспонародными въ жизни общественной. Нѣспраны, гдѣ бы ученые, молодые люди,

обучающіеся въ Университетахъ, знали лучше древніе языки и древность; но нѣтъ также страны, гдѣ бы соспарѣвшія обыкновенія существовали въ большемъ употребленіи. Воспоминанія о Греціи, вкусъ къ изящнымъ искусствамъ проникли, кажется, въ Германію чрезъ сношенія; но учрежденія феодальныя, старинные обычаи Германцевъ во всегдашнемъ уваженіи, хотя къ несчастію для тамошняго войска, не имѣютъ онѣ прежней силы.

Нѣтъ ничего страннѣе воинственнаго вида цѣлой Германіи, встрѣчаемыхъ повсюду солдатъ и сидячей жизни ея гражданъ. Трудности и непосредствоздуха устрашаютъ тамъ, какъ будто народъ соспавленъ былъ изъ промышленниковъ и ученыхъ; а всѣ между темъ учрежденія клоняшся и должны клониться къ тому, чтобы народу дать воинственные навыки. Когда сѣверные народы презираютъ суровость климата, но привыкаютъ ко всѣмъ родамъ бѣдствій: Русской солдатъ тому доказательствомъ. Но когда климатъ только въ половину жестокъ и когда еще можно избѣгнуть непогодъ посредствомъ предосторожностей до-

машинхъ, по самыя предоспорожности сїи дѣлають людей чувспвишельнѣе къ физическимъ бѣдспвіямъ войны.

Теплоша печи и шабачный дымъ соспавляють въ Германїи у проспаго народа нѣкошораго рода ашмосферу, шяжелую и душную, изъ копорой не любяшь они выходишь. Ашмосфера сїя вредишь дѣяшельности, споль же необходимой для войны, какъ и храбросшь; опсюда нерѣшишельносшь и упадокъ духа, попомучшо образъ жизни, обыкновенно скучный, не вселяетъ много довѣренности къ форшунѣ. Навыкъ мирнаго и однообразнаго сущеспвованїя споль худо пригошояляетъ къ часпымъ измѣненїямъ случая, чшо охопнѣе покоряющся смерши, приходящей въ свое время, нежели бурной жизни.

Раздѣленїе соспоянїй, гораздо положишельнѣйшее въ Германїи, нежели какъ шобыло во Франціи, долженспвовало уничшожитъ духъ военный между гражданами средняго класса: сїе раздѣленїе не заключаетъ въ сущеспствѣ ничего обиднаго: ибо, повшоряю, просподушіе примѣшиваешся ко всему въ Германїи, даже къ гордоспи аришпокрашической, и разли-

чіе чиновъ ограничивається извѣстными преимуществами оупъ Двора, нѣкопорыми собраніями, заключающими не много удовольствій, чипобъ сожалѣль объ нихъ; все дѣлається равнодушнымъ, въ какомъ бы шо ни было опношеніи, когда жизнь общественная и происходящее опсюда опасеніе казашься смѣшнымъ мало имѣють власти.

Люди причиняють себѣ истинную душевную болѣзнь однимъ только припворствомъ и насмѣшкою: въ сипранѣ важной и правдивой вы всегда найдете правосудіе и счастье. Но оупъ преграды, раздѣляющей въ Германіи дворянство и гражданъ, цѣлый народъ по необходимости былъ не споль воинственъ.

Воображеніе, соспавляющее опличительное качество искусственной и словесной Германіи, внушаетъ спрахъ опасности, если еспественное побужденіе сіе не побѣждается силою мнѣнія и энтузіазмомъ чесши. Во Франціи, даже гораздо прежде, духъ воинственный былъ всеобщимъ; и просшые люди охотно подвергали опасностямъ жизнь, какъ средство привести ее въ движеніе и чув-

сповоать менѣ пѣгоспи опъ оной. Важный вопросъ еще не рѣшенъ, что добродѣтели домашнія, навыкъ въ размышленію и самая крепость души не способствують-ли къ боязни смерти; но если вся сила Государства состоишь въ военномъ духѣ, то нужно разсмотрѣть: какія причины ослабили сей духъ въ Нѣмецкомъ народѣ?

Три главнѣйшія причины возбуждаютъ мужество: любовь къ отечеству и свободѣ, любовь къ славѣ и религія. Великая любовь къ отечеству не можешь существовать въ Государствѣ, раздѣленномъ въ продолженіи многихъ вѣковъ, въ копоромъ Нѣмцы сражались проотивъ Нѣмцевъ по внушенію почти всегда чужестранцевъ: любовь къ славѣ не можешь пламенѣть, гдѣ нѣтъ почвы соединенія, нѣтъ столицы, нѣтъ общества. Нѣкотораго рода безприсрастіе—роскошь правосудія—опличающее Нѣмцевъ, удобнѣе склоняетъ ихъ къ мыслямъ опвлеченнымъ, нежели къ выгодамъ житейскимъ; предводитель, пошерявшій сраженіе, болѣе увѣренъ въ спизхожденіи, нежели въ лестномъ одобреніи одержавшей побѣду; уша-

каго народа мало различія между успѣхами и неудачами для возбужденія честполюбія.

Религія въ Германіи заключается во глубинѣ сердца; но шеперь она ознаменована шамъ особенною мечшательностью и независимостью, кошорья не внушаютъ силы, необходимой для чувствій исключительныхъ. То же раздѣленіе мнѣній, лицъ и Государствъ, споль вредное для Имперіи Нѣмецкой, вспрѣчается и въ религіи: великое множество различныхъ сектъ раздѣляетъ Германію; и самая Капюлическая религія изьясняется каждымъ произвольно. Политическая и общешвенная связь народовъ, одинаковое правленіе, одинаковое вѣроисповѣданіе, одни и тѣ же законы, выгоды, классическая словесность, господствующее мнѣніе, все сіе не существуетъ у Нѣмцевъ; каждое Государство ошъ того независимѣ, каждая наука лучше обрабошана; но цѣлый народъ такъ подраздѣленъ, что не знаешь къ какой части Имперіи должно отнести самое имя народа.

Любовь къ свободѣ совсемъ не раскрыта у Нѣмцевъ; они не знаютъ цѣны оной ни по наслажденію, ни по лишенію. Есть

многіе примѣры федеративныхъ (союзныхъ) правительствъ, дающихъ духу публичному столько же силы, какъ и единство въ правленіи; но это составляетъ соединеніе равныхъ владѣній и гражданъ свободныхъ. Германская федерація состояла изъ сильныхъ и слабыхъ, гражданъ и рабовъ; соперниковъ и даже непріятелей; это были старинныя основанія, соединенныя общими интересами и уважаемыя людьми.

Когда народъ поспоконенъ и справедливъ, то правосудіе и законность его препятствуютъ тому, чтобы какое либо учрежденіе, даже вредное, могло причинить ему зло. Лудовикъ Баварскій, отправляясь на войну, поручилъ правленіе владѣній сопернику своему, Фридриху Пригожему, бывшему у него плѣнникомъ, и оспался доволенъ сею довѣренностію, которая въ то время никого не изумила. Съ шакowymi добродѣтелями не опасались вреда, происходящаго отъ слабости, или множества законовъ; честность гражданъ помогала тому.

Самая независимость, которою наслаждались въ Германіи, во всѣхъ почти

отношеніяхъ, дѣлала Нѣмцевъ равнодушными къ свободѣ: независимость составляешь благо, свобода — поруку; и именно попому, что никто не былъ спѣсняемъ въ Германіи, ни въ правахъ, ни въ наслажденіяхъ, не чувствовали нужды въ порядкѣ вещей, который поддерживалъ бы сіе благосостояніе. Публичныя судилища (Имперскіе суды) обѣщали хотя не скорое, но совершенное удовлетвореніе за всякій насильственный поспупокъ; а умеренность Государей и благоразуміе ихъ народовъ не подавали почши никогда повода къ неудовольствіямъ. Такимъ образомъ не было нужды въ конспиріуціонныхъ укрѣпленіяхъ, когда не было нарушителей спокойствія.

Справедливо удивляюся пому, что феодальный кодексъ существуетъ почши безъ перемѣнъ у столь просвѣщеннаго народа: но какъ въ исполненіи сихъ законовъ, недоспапочныхъ самихъ по себѣ, не было неправосудія, то равенство въ примѣненіи ушѣшало за неравенство въ основаніи. Древнія харшія, старинныя преимуществва каждого города, наконецъ вся сія фамильная исторія, составляю-

щая прелесць и славу малыхъ владѣній, была весьма драгоцѣнна для Нѣмцевъ.

Нѣмцы вообще, съ немногими изключеніями, мало успѣвають во всемъ, гдѣ пребуется хитросць и искусство: все ихъ беспокоитъ, все приводитъ въ замѣшательство. Для нихъ столько же нуженъ порядокъ въ дѣйствіяхъ, какъ и независимость въ идеяхъ. Нѣмцы, которые не шепчуть въ словесности ига, налагаемаго правилами, хотятъ, чтобы всѣ ихъ поступки опредѣлены были напередъ. Они не умѣютъ обходиться съ людьми; и чѣмъ менѣе предспавляютъ имъ въ семъ отношеніи случаевъ рѣшались самими по себѣ, темъ они довольнѣе.

Превосходство военнаго сословія и опличіе званія приучили Нѣмцевъ къ самому строгому повиновенію въ отношеніяхъ жизни общественной; повиновеніе считається у нихъ порядкомъ; они точны въ исполненіи порученій, какъ будто бы всякое порученіе было должностью.

Просвѣщеннѣйшіе люди въ Германіи оспариваютъ другъ у друга съ жаромъ область умозрѣній и не шепчуть въ семъ родѣ никакихъ преградъ. Умъ и характеръ

Нѣмцевъ не имѣюшь, кажется, между собою никакого сообщенія: первый не знаешь преградъ, другой покоряется; одинъ весьма предприимчивъ, другой робокъ; наконецъ просвѣщеніе одного рѣдко доставляетъ силу другому, и это легко изъяснить можно. Обширность познаній въ новѣйшія времена ослабляетъ только характеръ, когда онъ не укрѣпился навыкомъ въ дѣлахъ и упражненіемъ воли.

Гсвб.

*Анекдотъ объ одномъ несчастномъ
сѣмействѣ Острова Хіо *).*

(Изъ Записокъ Полковника Вутъе. Ч. 2 Русскаго перевода.)

Одинъ молодой Хіоскій врачъ, узнавъ, что двѣ сестры его увезены въ Смирну

*) Островъ Хіо былъ въ 1822 году разоренъ Турками. Изъ ста тысячъ богашыхъ и счастливыхъ жителей, едва оспалось 900 человекъ; всѣ прочіе мужчины были истреблены, а женщины и малолѣтныя дѣвши взяты въ плѣнъ и отвезены въ Азію.
Прим. Перевод.

и проданы въ неволю, спарался ихъ описать и выкупить. “Вамъ извѣстно, говорилъ онъ мнѣ, что я былъ въ Коринѣ въ время нашего бѣдствія. Отецъ и мать моя умерщвлены, сестры увезены въ Азію; только шестнадцатилѣтняя жена моя спаслась. Нѣсколько дней бродила она въ самыхъ дикихъ и пустынныхъ скалахъ, помясь голодомъ; наконецъ ошъ успало-спи легла въ пещерѣ на морскомъ берегу и ждала смерти. Ошъ сего забвенія пробудили ее боли, неразлучныя съ разрѣшеніемъ ошъ бремени, и природа взяла верхъ надъ испощеніемъ силъ. Но сіе усиліе совершенно испомило жену мою; она впа-ла въ безпамятство. Въ такомъ состоя-ніи была она, когда одно изъ судовъ, ко-торыя каждый день посылалъ я для пои-сковъ, приставъ случайно къ тому мѣсту, нашло ее и спасло какъ бы чудомъ. Она сберегла нѣсколько алмазовъ, коихъ, на-дѣюсь, будетъ достаточнo для выкупа моихъ сестеръ.,,

По счастью, мнѣ удалось помочь ему въ этомъ дѣлѣ.

Чрезъ нѣсколько времени, я ошпять увидѣлся съ симъ врачомъ и спѣшилъ у-

знашь, какія были слѣдствія его поисковъ. „Я опъискалъ одну сесстру, опвъчалъ онъ: пойдемъ со мною, вы ее увидите; не опкажете намъ въ удовольствіи засвидѣпельствовати вамъ нашу благодарностъ.,, Меня поразила красота сей юной дѣвицы; я съ душевнымъ состраданіемъ смопрѣлъ на ея голову, поникшую опъ бѣдствій; она показала мнѣ, что у нее нѣтъ руки; чудовище, опъ насилій кошораго несчастная хошѣла избавишься, ее опрубило.

„Сесстра моя была еще несчастнѣе, сказала она со вздохомъ: природа ее одарила лицомъ прелеснымъ, и Мусульманъ, кошорому она пала на долю, цѣня дорого доставшееся ему сокровище, не хошѣлъ съ нею разстатъся и опвезъ бѣдную Марію въ Смирну. Тамъ, грустна и задумчива, она часто обращала слезящіе глаза къ берегамъ своей родины; бывъ окружена наружною пышностъю, она безпрестанно вздыхала о дняхъ своей счастливой посредственности. Судьба, ее постигшая, еще гоновила ей шажчайшія испытанія.,,

„Сколько была она прекрасна пѣломъ, сколько имѣла силы и возвышенности душевной.,,

“Воля ея оспалась непреклонною предъ власшелиномъ, копорый, желая взлшь ея себѣ въ супруги, кошѣль, чшобъ она приняла Магомешанспво. Она опшвѣчала, чшо скорѣе разшпанешся съ жизнью, нежели съ вѣрою опщевъ своихъ. Можно ли было предпологашь въ ребенкѣ, въ швореніи слабомъ, опчужденномъ опъ своихъ и беззащипномъ, швердосшь непоколебимую? Али думаль, чшо снисхожденіемъ можно побѣдишь, какъ онъ называль минушное упрямспво; но наконецъ, наскуча сопрошивленіемъ, онъ объявилъ своей невольницѣ, чшо завшрешній день для нея не будешь инаго закона, кромѣ Магомешова.,,

“Солнце кончило дневный свой пупь; Марія вышла со своею собесѣдницей изъ сада и возвращалась въ домъ съ лицемъ спокойнымъ, съ челомъ безмяшежнымъ. Фашме порадовалась сей перемѣнѣ, и смолря на нее съ нѣжносшью, сказала: какъ я довольна, чшо ты уже не груспишь; завпра ты будешь моею госпожею: какъ я буду съ шобою счастлива! Марія улыбулась ей въ опвѣшь и ушла въ свою комнапу.,,

“Глубокое молчаніе царспвовало до

первыхъ лучей солнца; но какіе жалобные вопли раздались тогда въ воздухѣ! Сколько слезъ! Какое ужасное смяшеніе! Али прибѣжалъ... Марія лежишь въ постель, глаза ея подъяпы къ небу, смершная блѣдность на лицѣ: въ груди ея кинжалъ, который она вонзила собственною рукою. Напрасно окружающія женщины будящъ ее своимъ крикомъ, напрасны всѣ пособія искусства: несчастная уже не существовала!»,

Одинъ Арабъ продалъ Турку за приршпа шаспровъ одну изъ родспвенницъ сихъ жалоспсныхъ жерспвъ. Она была рѣдкой красоспы. Чрезъ нѣсколько дней Арабъ узналъ, что за нее дающъ при шпсычи шаспровъ окупа. Онъ прибѣжалъ къ Турку и принуждалъ его взять обратно свои деньги; Турокъ ошказалъ ему. Тогда Арабъ, ошчаясь получишь снова свою добычу, вскричалъ: «Такъ она не будешъ и шво ею!», — и она ушла мершвая у ногъ его.

Слвб.

О пребываніи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА *АЛЕКСАНДРА I*, на Екашеринбургскихъ заводахъ 1824 года.

Началось вѣпорое спользтіе существованія города Екашеринбурга, и онъ осчащливлень былъ посѣщеніемъ Всемилоспивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА *АЛЕКСАНДРА I*.

Прежде сего никшо изъ Государей Россійскихъ, никшо даже почши изъ Боярь не видали Уральскихъ горъ, въ копорыхъ находились важнѣйшіе ихъ заводы; одна ошдаленносшь, одно наименованіе Сибири охлаждало всякое любопытсство удивляшсья безчисленнымъ богапсствамъ, сокрышымъ въ нѣдрахъ сего знаменишаго хребта. Но гдѣ предѣль и какая преграда удержипшь ошеческія попеченія о СВОИХЪ подданныхъ Благословеннаго Мирошворца Европы *АЛЕКСАНДРА I*? ЕМУ благоугодно было удоспоипшь СВОИМЪ посѣщеніемъ сей дальній край, не сполько для пѣхъ неисчерпаемыхъ сокровищъ, копорыя не въ давнемъ времени памъ ошкрыты и копорыя доказали свѣту, чшо Рос-

сія имѣешь свою Мексику, свою Перу, сколько для того, чшобъ узнать во всей подробности соспоянїе всѣхъ служащихъ при заводахъ и излишь на нихъ безпредѣльных СВОИ щедробы. Совершилось! Да сохранишь навсегда сей новый подвигъ ЕГО милосердія въ быпописанїи!

Поупру 25 ч. Сеншября 1824 года АВГУСТЪЙШІЙ Пушешешвенникъ изволилъ прибынь на границу заводовъ Екашеринбургскихъ. Оспановясь для перемѣны лошадей въ Арамильскомъ заводскомъ селенїи, былъ ОНЪ встрѣченъ у церкви Священникомъ, со креспомъ и свяшюю водою, гдѣ осмопрѣвъ сей храмъ и разспросивъ о соспоянїи жителей, опсправилъ въ городъ Екашеринбургъ. Проѣзжая на пуши желѣзодѣлательный Нижнеисепскїй заводъ, опспоящїй опъ города въ 11 верспахъ, изволилъ оспановишься у вновь спроющейся церкви Казанскїя Божїя Мащери, при кошорой ожидало уже прибытїя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Духовенство, и приложась ко креспу, изволилъ спросишь: *какой здѣсь заводъ?* Управитель Оберь Гиппень-фервалперъ Подоксеновъ, по сдѣланномъ донесенїи на сей вопросъ и вмѣстѣ о бла-

гососпояніи завода, получили повелѣніе показати ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ заводское производство. Съ самаго начала ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ введенъ былъ въ команду, въ которой производился приемъ артиллерійскихъ снарядовъ. Бывшій шуръ Артиллерійскій Офицеръ, Г. Одинецъ, отпортовалъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ о исправности своей команды, объяснилъ, что въ предстоящихъ пирамидахъ складенныхъ ядеръ однѣ приняты уже въ вѣдомство Артиллеріи, а другія представлены еще только къ сдачѣ ошъ завода. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, взявъ одно ядро и внимательно разсмотрѣвъ оное, съ примѣрнымъ удовольствіемъ изволилъ сказать Его Превосходительству Лейбъ-Медику Вилліе, что мало еще видѣлъ подобной чистоты и вѣрности въ ордѣлкѣ такихъ снарядовъ. Послѣ сего изволилъ осмотрѣвать капальную машину, въ которой полируются ядра. Произительный звукъ ошъ полирующихся ядеръ, чрезвычайно безпокойный для слуха, не прещасивалъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ заняться разсмотрѣніемъ устройства машины и образомъ самой полировки; но для лучша-

то обозрѣнія машина попчасъ была оспановлена, и ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ угодно было спросить: какою силою приводишся она въ движеніе? Получивъ о семъ доносеніе, изволилъ далѣе осмапривашъ фабрики: плащиленную, свириленную, якорную, ковку ядеръ подъ молопомъ, гдѣ поверхносшь ихъ въ наковальняхъ, по окружности ядеръ сдѣланныхъ, получаетъ гладкую поверхносшь, и лишейную, гдѣ производишся опливка ядеръ. Здѣсь, въ присутствіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, оплимо было нѣсколько ядеръ въ пригошовленные формы, и какъ сіи послѣднія съ оплипыми ядрами для поспѣшности розняпы были ранѣе того времени, которое по-требно для охлажденія чугуна, то ядра вышли не совершенно цѣлыми, и ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ замѣшитъ, что они не будутъ годны къ употребленію. При семъ случаѣ Управитель завода съ просподушіемъ сказалъ: *ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО! у хлѣба бываетъ не безъ крохъ*. Сія, кспаша приведенная Русская пословица, принята была МОНАРХОМЪ съ приятною улыбкою и передана Г. Лейбъ-Медику на Французскомъ языкѣ.

Въ кричной фабрикъ производима былаковка желѣза и опдѣлка сереброплавильнаго горшка. Огромность разкаленной массы желѣза, изъ коего обрабатывался горшокъ, удары молотобойцевъ, жаръ и шрудность работы заняли довольно долгое время вниманіе ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Наконецъ въ кузнечной фабрикъ ГОСУДАРЬ, осматривая работы, остановился при одномъ изъ кузнечныхъ горновъ, на которомъ производилась опковка гвоздей, и опковалъ САМЪ съ работникомъ два гвоздя. На другомъ горну, гдѣ производилась наварка шопоровъ, взявши также молотъ, опковалъ съ кузнецомъ шопоръ. По окончаніи работы ГОСУДАРЬ изволилъ сказать: *хорошій моціонъ! Это видѣть можно по лицу и здоровому сложенію кузнеца.* Опкованныя вещи и инструменшъ взяшы на сохраненіе въ помпство въ заводскую Коншору. По обзорѣни завода, удостоивъ спросишь о фамилии Управишеля, изволилъ опправишься въ дальнѣйшій путь. Прибывъ въ Укшусскій золошопромываленный заводъ, опспоящій опъ города въ 7 верспахъ, спросиль у Управишеля (Маркшейдера Шефку-

нова) какое дѣйствіе производился въ семь заводѣ? По сдѣланномъ донесеніи, что заводъ находится *въ остановкѣ*, изволилъ опсправиться въ Екашеринбургъ. По всей дорогѣ, опъ Нижноисетскаго завода до самаго города, встрѣчаемъ былъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ радостными восклицаніями спекшагося во множествѣ народа изъ ближнихъ и дальнихъ селеній; въ два часа по полудни послѣдовало Высочайшее ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА прибытіе въ Екашеринбургъ.

Звонъ колоколовъ, раздавшійся во всѣхъ церквахъ города, возвѣспилъ жипелямъ о всерадостнѣйшемъ прибытіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Народъ, шолпившійся тысячами во всѣхъ улицахъ, по коимъ происходило Высочайшее шествіе, сторавшій опъ нешерпѣнія насышиться лицезрѣніемъ возлюбленнаго своего МОНАРХА, изъявляль возшорги радости своей веселыми кликами и громогласное: *ура!* сливаясь со звономъ колоколовъ, раздавалось по воздуху. При въздѣ въ городъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ встрѣченъ былъ Полицеймейстеромъ (Подполковникомъ Ирманомъ) и ошановясь въ домѣ Купца

Якима Рѣзанова, изволилъ переодѣться; попомъ удоспоивъ Всемилостивѣйшаго разговора хозяина дома о порговыхъ его дѣлахъ, пожаловаль ему перспень, а хозяйкѣ фермуаръ, украшенныя брилліяншами. Послѣ того прибылъ чрезъ Укпусскую улицу къ соборной церкви Святыя Великомученицы Екашерины, въ сопровожденіи Начальника Главнаго Шшаба Его Превосходительства Барона Дибича, Г. Лейбъ Медика Вилліе и Полковника Соломки, гдѣ и встрѣченъ былъ Горнымъ Начальникомъ Берггауптманомъ Осиповымъ со всѣми горными, военными и гражданскими чиновниками, споявшими у крыльца оной въ два ряда. При входѣ на крыльцо изволилъ приложиться ко кресну, и по вшесшвіи во храмъ, въ сопровожденіи духовенства и чиновниковъ, совершено было Прощаіереемъ Карпинскимъ соборнѣ о здравіи и долгоденствіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и всего АВГУСТѢЙШАГО дома благодарственное молебствіе, по ослушаніи ко его МОНАРХЪ, сопровождаемый радостными возкличаніями восхищеннаго народа, отправился въ домъ наслѣдниковъ Купца и заводосодержателя Разшоргуева,

назначенный для пребыванія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. У крыльца дома Горный Начальникъ удостоенъ былъ принятіемъ словеснаго и письменнаго рапортовъ о благосостояніи вѣренныхъ управленію его заводовъ и города, а въ комнашахъ вспрѣченъ былъ ГОСУДАРЬ хозяевами дома съ хлѣбомъ и солью. Въ сей день Горный Начальникъ удостоенъ былъ крапкой аудіенціи. Весь народъ, обратившійся къ дому, осчастливленъ былъ впорично лицезрѣніемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Милосердый МОНАРХЪ и великодушный Опець СВОИХЪ подданныхъ, упреждая всеобщее желаніе, изволилъ показашься на балконѣ — и радостныя возкличанія снова, съ громгласнымъ: *ура!* переносились изъ конца въ конецъ въ штысячахъ споявшаго народа.

На другой день, 26 числа, въ 7 часовъ утра, по распоряженію Г. Генераль-Адьютанпта Дибича, имѣли счастье предспавляшьяся ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ: *вопервыхъ*, Горнымъ Начальникомъ Духовенство всѣхъ церквей въ одинадцати особахъ; *вовторыхъ* Начальникомъ Главнаго Штаба всѣ чины военные

горныхъ ропъ и инвалидной команды въ 12; въ *третьихъ* Горнымъ же Начальникомъ горные и гражданскіе чиновники въ 34, и наконецъ въ *четвертыхъ* Градскій Глава, съ почешнѣйшимъ купечесвомъ, въ числѣ 18 человекъ, копорые были удостоены принятіемъ поднесеннаго опъ нихъ хлѣба и соли. О чинѣ, званіи и обязанноши каждого объясняемо было порознь; причемъ многіе изъ чиновниковъ удостоились милоспивѣйшихъ вопросовъ. До предспавленія еще приглашены были чрезъ Начальника Главнаго Шшаба къ обѣденному сполу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА слѣдующія шеспиклассныя особы: Горный Начальникъ Берг-гаупшманъ Осиповъ, Опъ Аршиллерій Полковникъ Бикбулашовъ, Берг-гаупшманъ Агше, Горный Механикъ Меджеръ, Берг гаупшманъ Теплюевъ и Уѣздный Судья Коллежскій Совѣшникъ Высоцкій. По окончаніи предспавленія ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ прибышь на монешный дворъ и осмопрѣшь шамъ подробно операцію передѣламѣди въ монешу во всѣхъ фабрикахъ, какъ шо: плациленной, прорѣзной, гуршилльной и писнишельной; ошсюда изволилъ идши

пѣшкомъ въ заводскую лабораторію, гдѣ въ присушествіи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА производилась сплавка руднаго золота, также сплавка и разливка въ шпыки золота, полученнаго изъ песковъ и другія производства. Изъ лабораторіи ГОСУДАРЬ отправился въ экипажѣ, въ сопровожденіи Горнаго Начальника и другихъ чиновниковъ, въ воспитательный домъ и въ заводскій госпиталь, при обзорѣннн копораго изволилъ опвѣдывать пишу, для больныхъ приготавливаемую. У шлифовальной фабрики встрѣченъ былъ командиромъ оной Оберъ - Гипшенфервалперомъ Мбромъ. Здѣсь изволилъ осматривать опдѣлываемыя по рисункамъ, также совсемъ уже опдѣланныя каменные вазы и разныя другія вещи, устройство механизма фабрики и классъ рѣзнаго художества. Изъ числа подарковъ вещей пожаловалъ въ подарокъ Г. Начальнику Главнаго Шпаба нѣсколько аншиковъ, а Г. Лейбъ Медику Вилліе сдѣланную изъ яшмы раскрытую книгу, внутренность коей, изображающая листы бумаги, составлена изъ Еврейскаго шпаша. Въ при часа пополудни ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ соизволилъ отпра-

випись въ Верхъ-исетскій заводъ Гвардіи
 Корнепа Алексѣя Ивановича Яковлева,
 отстоящій отъ города въ двухъ верстахъ.
 При выѣздѣ изъ города, на грани завод-
 ской, встрѣченъ былъ Горнымъ Исправ-
 никомъ Маркшейдеромъ Васнецовымъ. По
 обозрѣніи во всѣхъ частяхъ заводскаго
 гошпишала, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ
 отправипись въ самый заводъ и осмап-
 ривапись корпусъ, въ коемъ помѣщены всѣ
 части заводскаго правленія; потомъ по-
 жарный инструментъ, поставленный на
 площадѣ, заводскую площадку, доменную
 фабрику, липейную, паровую машину,
 плащиленную, капальную и рѣзную ма-
 шину (въ которой въ присутствіи ГО-
 СУДАРЯ ИМПЕРАТОРА проплащивалось по-
 лосовое и досчатое желѣзо и разрѣзыва-
 лось на прутья въ рѣзномъ стану), золо-
 шопромываленную фабрику съ успроен-
 ною въ ней управляющимъ заводами Ки-
 шаевымъ промываленною машиною осо-
 бой конспрукціи для промывки горныхъ
 песковъ—шпикарную фабрику, гдѣ собла-
 говолилъ опковапись собственными рука-
 ми небольшой гвоздь; послѣ того кричное
 производство и вновь спроющуюся па-

ковую же фабрику. Наконецъ, по осмотру всѣмъ завода, удостоились Высочайшимъ посѣщеніемъ домъ заводосодержателя, при входѣ въ который встрѣченъ былъ хозяйкою съ хлѣбомъ и солью. За порядокъ и успройство завода, найденныя по всѣмъ частямъ, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ объявить МОНАРШЕЕ СВОЕ благоволеніе управляющему заводами, который, такъ какъ и жена его, поднесшая хлѣбъ и соль, имѣли счастье быть особенно представлены ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ и удостоились получить подарки, состоящіе въ перснѣ и фермуарѣ, украшенныхъ брилліаншами. На обратномъ пути въ городъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ обозрѣлъ шюремный замокъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

СВЕКРОВЬ И НЕВѢСТКА.

Сказка.

«Сыда въ шебѣ нѣтъ, молодица!»,
 — Невѣшпушку свою журила пакъ свекровь,
 Шестидесяти лѣтъ вдовица,

Которая давно забыла ужь любовь
И только лишь себя да водочку любила,
Пила, бранилась, дѣвокъ била. —

“Сегодня среда!

А что ты дѣлала?,, — Что? — “Съ мужемъ
цѣловалась!

Поупру давиче къ свѣплицѣ я подкралась;
Все видѣла въ замокъ!,, — Ну что же за бѣда?
Вѣдь съ мужемъ, не съ чужимъ; шакъ въ
эпомъ нѣтъ сшыда! —

“Да грѣховодница! сегодня среда!

Дивлюсь, какъ не боляшь у васъ прокля-
тыхъ губы!

Безъ поцѣлуевъ имъ зимою какъ безъ шубы!
Въ чемъ сласнь нашли!,, — Да что швой
мѣдь! —

“А я шакъ прешій годъ,

Голубушка моя, вдовѣю;

Вошь не цѣлуюсь, а жива!

Да и въ замужествѣ была я какова!

Не вѣшалась Пахомочу на шею!

Скажи, видалаль ты когда,

Чтобъ мы съ нимъ цѣловались?

Объ Масляной . . . Свяшой . . . да развѣ вошь
погда,

Какъ помиримся съ нимъ . . . а рѣдко вѣдь
дирались!,,

— Да полно, машушка-свекровь!

Вѣдь мы съ Панкрапшичемъ вамъ не мѣ-
шали драшья;

Такъ не мѣшай намъ цѣловашься,
 Когда Господь намъ далъ совѣтъ да и лю-
 бовь.
 Соспарѣмся мы и переспанемъ сами
 Другъ дружку цѣловашь.—

*

Увы! проходишь все съ лѣшами!
 Нельзя вѣкъ въ куклы намъ играшь,
 Нельзя вѣкъ цѣлый шанцовашь;
 Съ лѣшами все, все оспавляемъ,
 И что любили мы, въ другихъ шо осуждаемъ,
 А осуждашь грѣшно!—
 Но осуждашь любовь грѣшно да и смѣшно.

И.

~~~~~

НА БОЛѢЗНЬ С. Д. П. *)

Софія неможетъ!
 Софія больна!
 Софія въ постель
 Четвертый ужь день!
 Всѣ Граціи плачущь,
 Амуры въ слезахъ,
 И Игры и Смѣхи
 Исчезли какъ сонъ!
 И Гекшоръ съ Мальвиной

---

*) Сія піеса, равно какъ и предыдущая, помѣщены въ
Невскою Алманахѣ 1825. Свое перепечашывашь можно. И.

Уныло визжапъ.

О боги! богини!
 Взглянише съ небесъ,
 Какъ въ спальнѣ Софія
 Сиирненько лежишъ.
 Не видно румянца
 На впалыхъ щекахъ;
 Не видно улыбки
 На алыхъ устахъ;
 Лишь временемъ вздохи
 Изъ груди лешяшъ:
 У милой Софіи
 Смершельно боляшъ
 И щечка и зубы!
 Она проспудилась:
 Въ ней жаръ и ознобъ,
 Совсемъ сна лишилась,
 Пропалъ аппешипъ!

О боги! пошлише,
 Пошлише скорѣй
 Къ Софіи Гигею
 Съ цѣлебнымъ пишьемъ:
 Да въ мигъ изцѣлишся,
 Да всшанешъ съ одра!
 И къ намъ возвращишся
 Веселье оняшъ!
 И Игры и Смѣхи.
 Опяшъ прилешяшъ!

И Граціи, Музы
Ее посѣпшпъ.

И.

mmmmmm

Объявленіе о концертѣ.

Маленькая пѣвица, большая масперница
играшь на форшепіано, одиннадцатилѣш-
няя дѣвица *Александра Крумбмиллеръ* будетъ
имѣшь честь дашь большой вокальной и
инструментальной концертъ въ слѣдующій
понедѣльникъ, 16 ч. сего Февраля, въ преж-
дебывшемъ Филармоническомъ залѣ, у Казан-
скаго моста, въ домѣ Г. Кусовникова.

Часть первая

1. Большая увертюра, соч. Херубини.
2. Большая Италіянская арія, соч. Пера,
будетъ пѣшь дѣвица А. Крумбмиллеръ.
3. Концертъ для скрипки, соч. Крейцера,
будетъ играшь Г. Шшуббе, ученикъ Г.
Бема.

Часть вторая.

4. Увертюра.
5. Большой концертъ для форшепьяно, соч.
Риса, будетъ играшь дѣвица А. Крумбмил-
леръ.
6. Фанпазіи и варіаціи для флейшы, соч.
Г. Миллера, будетъ играшь г. Рейнике.
7. Русская арія (*Чернобровой, черноглазой*)
соч. Кашина, будетъ пѣшь дѣвица А. Крумб-
миллеръ.

Начало въ 7 часовъ вечера. — Билеты по 5 р. каждый можно получать въ Моховой улицѣ въ домѣ Купцовъ Менщупкиныхъ № 47, въ кварширѣ опца дѣвицы А. Крумбмиллеръ, также въ музыкальномъ магазинѣ Г. Пеца и въ день концерша, при входѣ въ залу.

Издашеть *Благонамѣреннаго*, спраспно любящій музыку, но несмѣющій судить объ оной, съ большимъ удовольствіемъ слушалъ два раза игру и пѣніе дѣвицы А. Крумбмиллеръ, и слышалъ какъ истинные и безприсраспные знапоки опдавали должную сираведливость музыкальнымъ таланшамъ маленькой и миленькой виршуозки.

И.

~~~~~

Анаграмма.

Я рыба—въ пищу вамъ гожусь:
Но коль меня перевернете,
Мгновенно въ городъ обращаюсь —
Въ Италіи его найдеша.

Люб. Журн. Благ.

~~~~~

Омонимъ.

Мой грозный, звѣрскій видъ

Отважнѣйшихъ спрашивъ —

Все опъ меня бѣжипъ.

Я сполько же ужасенъ

И сполько же опасенъ

Какъ самый царь звѣрей —

Въ свирѣности своей

На всѣхъ я нападаю

И привожу всѣхъ въ спрахъ.

Въ значеніи иномъ — спокойно прошекаю

Въ прелесныхъ Азіи спранахъ.

Опотка,

И. Бутырскій.

~~~~~

Изъ помѣщенныхъ въ No V Шарадъ
первая значипъ Ге-лик-онъ, а вшорая — па-
ра-графъ.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° VII.

О пребываніи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА *АЛЕКСАНДРА I*, на Екатеринбургскихъ заводахъ 1824 года.

(Окончаніе.)

На претій день, 27 ч., поупру въ семь часовъ, Высочайшій Путешественникъ изволилъ опсправиться для обозрѣнія золотыхъ промысловъ въ Березовскій заводъ, опспоящій опъ города въ 15 верстахъ. Проѣзжая на пуши Шаршацкое селеніе непремѣнныхъ работниковъ, встрѣченъ былъ жипелями онаго съ изъявленіемъ радости. Всѣ старообрядцы, какъ мужчины, такъ и женщины, были въ лучшихъ своихъ національныхъ плашьяхъ, что въ особенности показалось приятнымъ для ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Онъ удоспоилъ СВОИМЪ посѣщеніемъ молитвенный домъ и старообрядческіе скипы монашествующихъ. Во время пребыванія СВОЕГО въ

городъ ГОСУДАРЬ, снизходя на прошеніе старообрядцевъ, Всемилостивѣйше соблаготолили разрѣшити имъ постановленіе креста на вновь опсироенномъ каменномъ молишвенномъ домѣ, и узнавъ, что они по дѣламъ духовнымъ подвѣдомы Гражданскому Губернатору, изволили сказать Начальнику заводовъ, что Губернатору даётся о томъ особенное повелѣніе, *а васъ уполномочиваю немедленно утѣшить сътующихъ о крестѣ.*

Въ 8 часовъ утра ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, въ сопровожденіи Начальника Главнаго Шшаба Барона Дибича, Лейбъ-Медика Вилліе и Полковника Соломки, изволили прибыти въ Березовскій заводъ, прямо на первую часть рудниковъ, къ лихплогу № 6 заводскаго шпрека, соединяющаго работы по кривой, параллельной, Вагнерскей и діагональной полосамъ по горизонтль Ильинской вассерь-шшольны. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО былъ встрѣченъ Начальникомъ заводовъ и управляющимъ золотыми промыслами при самомъ упомянутомъ лихплогѣ, пригшвленномъ для схода ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ горныя работы. ЕГО ВЕЛИЧЕ-

СТВО спустился по оному на почву, глубиною отъ поверхности на 9 сажень. Подойдя къ работамъ, производимымъ по кривой полосѣ, съ особеннымъ любопытствомъ изволилъ войти въ положеніе рудныхъ жилъ, въ составъ ихъ и самый способъ добычи; предъ каждымъ забоемъ проходимаго орпа по рудамъ осматривался, разспрашивалъ о видѣ и качествахъ добываемой руды, о длинѣ и просираніи полосъ, также залегающихъ въ нихъ золотосодержащихъ жилъ. Наконецъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО попребовалъ кайлу, нѣсколько минувъ изволилъ заниматься добычею руды и примѣрно старался узнать трудность горной работы. Потомъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изъявилъ желаніе пройти по шпреку къ работамъ, производимымъ по полосамъ: параллельной, Вагнерской и діагональной, осматривая отъ первой въ 200 саженьяхъ; и въ сей части рудника съ темъ же любопытствомъ и подробностію изволилъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО замѣчать всѣ предметы, касательно положенія и качества руды, также производствъ горныхъ работъ. По обширности прохожденій и выработокъ, обра-

щаль особенное вниманіе на значительное употребленіе для крѣпленія оныхъ сосноваго лѣса; приче́мъ дѣлалъ разныя сужденія и предложенія къ сбереженію онаго.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ не оставилъ въ семь рудникѣхъ безъ обзрѣнія ни одного изъ рабочихъ мѣсяцъ, къ кошорымъ проходъ былъ весьма удобенъ и безопасенъ.

Послѣ 2 часоваго пребыванія въ сей часпи рудниковъ, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ подняться на поверхность по шахтѣ № 47, опущенной на діагональной полосѣ, глубиною на 10 сажень.

Отсюда ГОСУДАРЬ, по сдѣланному ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ предложенію, охотно изволилъ отправи́ться въ Преображенскій рудникъ. По приѣздѣ на оный, не смотря на шрудъ, понесенный ИМЪ въ первыхъ работахъ, спустился въ гору по шахтѣ № 32 на 12 саженную глубину въ нижнія работы. Минуя при прохожденіи по шахтѣ верхнія работы, на 9й сажени опъ поверхности находящіяся, изволилъ замѣшисъ Начальнику, что ОНЪ не видѣлъ, проходя по шахтамъ въ первомъ рудникѣ, подобно симъ верхнимъ галле-

рей?—На сіе Начальникъ изъяснилъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, что въ шой часши рудниковъ добыча производится въ одномъ шолько помъ эпажѣ на одну сажень вышины, по которому изволилъ ГОСУДАРЬ проходитьъ: ибо верхнія часши жилъ уже выработаны и пространства завалены пуспюю породю. — *А! завалены?* сказала ГОСУДАРЬ, Въ семь рудникѣ съ опмѣннымъ любопытствомъ изволилъ знакомиться съ видомъ рудъ, копорыя по качеству своему совершенно опличались опъ видѣнныхъ ИМЪ въ первой часши рудниковъ — равно со способомъ добычи рудъ, кои по твердости своей и окружающихъ ихъ горнокаменныхъ породъ, шребующъ другаго рода инструменшовъ. ГОСУДАРЬ любовался цвѣтомъ красной свинцовой руды, копорая въ обнаженной кварцовой жилѣ дѣлала опмѣнный видъ и спрашивалъ о сосшавныхъ часпяхъ оной. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, поднявшись по шой же шахтѣ на поверхность, изволилъ приказатъ ѣхать на Маринскій песчаный золопосодержащій приискъ, опкрышый весною нынѣшняго года въ логу, по лѣвую сторону шеченія рѣки Пышмы, въ 400

саженяхъ, а опъ Березовскаго завода въ 4 верспахъ; содержаніемъ золота изъ 100 пудовъ опъ $\frac{3}{4}$ до 12 золотниковъ. Здѣсь, при самой добычѣ песковъ, успроены при лѣшнія промывки съ Венгерскими спанками, опстояція одна опъ другой вдоль по проспиранію пещанаго пласпа въ 70 саженьяхъ. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО съ большимъ удовольствіемъ и любопытствомъ разсмаприваль положеніе и соспавъ пещанаго пласпа и удивлялся шому, что въ обыкновенной почти зеленой глинѣ и шакъ близко къ земной поверхности могло заключашься золото. Сравнивая цвѣшъ сихъ песковъ со цвѣшомъ песка, копорымъ усыпаны въ Царскосельскомъ саду дорожки, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ шупія сказашь: *когда возвращуь въ Царское Село, то велю сдѣлатъ важгертъ и прощывать съ дорожекъ песокъ, не будетъ ли и въ немъ золота.* Здѣсь шакже изволилъ шрудитъся надъ добычею песковъ и при шомъ проговаривашь: *штобъ быть тутъ само-родкъ!* — но не въ дальнемъ разспояніи опъ сего мѣсна, шолько что подошеть ГОСУДАРЬ, однимъ копщикомъ, найдень кусокъ золота въ 18 золотниковъ, за что

масперовый, нашедшій оный, шуть же, въ присуствіи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, награждень спа рублями.

Процессъ вымывки золоша изъ песковъ на Венгерскихъ спанкахъ расположенъ былъ въ надлежащемъ порядкѣ; первоначальная и окончательная работы ясно доказали преимущество сей операціи предъ прочими. Въ продолженіи оной ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ со вниманіемъ разсматривалъ порядокъ сей работы, также обмышья гальки и полученное золошо. Нѣсколько небольшихъ кусочковъ, золоша, вѣсомъ ошъ $\frac{1}{2}$ до 2 золошниковъ въ присуствіи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА были найдены на рѣшетахъ одного Венгерскаго спанка, между галекъ, и нашедшимъ оныя двумъ масперовымъ полчасъ выдано было Начальникомъ Главнаго Шпаба въ награжденіе по сту рублей каждому, равно какъ и шому копщику, у котораго ГОСУДАРЬ бралъ для добычи песка кайлу шоже сто рублей, а открывшему самый приискъ Комарову 500 р.

Съ Маріинскаго прииска ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ отправиться чрезъ Березовскій на Пышминскій заводъ, гдѣ былъ

вспрѣченъ Священникомъ Ильинской церкви у сѣвернаго входа со креспомъ и святою водою. ГОСУДАРЬ остановился и приложившись ко креспу, отправился далѣе.

Въ Вышминскій заводъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО прибыль ровно въ часъ пополудни прямо въ фабрики. Здѣсь изволилъ ОНЪ около часа занимашся подробнымъ обзорніемъ способа прополчки и промывки рудъ и полученія изъ нихъ золоша, также устройства механизма полчей и всего заводскаго дѣйствія. Отъ фабрикъ проѣхаль прямо чрезъ плошину къ церкви, гдѣ вспрѣченъ былъ Священникомъ со креспомъ и святою водою на паперши; приложившись ко креспу, изволилъ обратиться въ Березовскій заводъ къ госпиталю. ГОСУДАРЬ, обошедъ всѣ палашы, осматриваль больныхъ, плашье ихъ и поспеди; опвѣдываль приготовленную для нихъ пищу и опозвался совершенно всемъ довольнымъ. Наконецъ спросиль у Начальника заводовъ: *кто здѣсь мѣстный Натальникъ?* Тогда немедленно былъ представлень ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ управляющій заводомъ Маркшейдеръ Кокшаровъ. ГОСУ-

ДАРЬ удостоилъ его благосклоннымъ СВОИМЪ возрѣніемъ и спросилъ о имени его и чинѣ Главнаго Начальника заводовъ.

Изъ госпиталѣ ГОСУДАРЬ прибылъ въ два часа съ половиною въ приготовленную для ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА кварширу къ обѣденному столу, къ которому приглашень былъ и Начальникъ заводовъ. По окончаніи стола, въ $3\frac{1}{2}$ часа, изволилъ оприваишься обратно въ городъ въ сопровожденіи многочисленнаго народа, громгласно повторявшаго: *Ура!*

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, во все пребываніе СВОЕ въ городъ, былъ весель, благосклонень ко всѣмъ и снизхидишелень; словомъ сказать: Высочайшимъ СВОИМЪ присушствіемъ ободрялъ и оживошворялъ каждаго.

По возвращеніи изъ Березовскаго завода и по прибытіи въ городъ, посѣпилъ Новошихвинскій дѣвичій монастырь.

Въ четвершый день поушру, 28 ч. въ Воскресенье, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изьявивъ Горному Начальнику Берг-гаупшману Осипову МОНАРШЕЕ СВОЕ благоволеніе за исправность, чистоту и порядокъ въ городъ и по всѣмъ мѣстамъ, ко-

порыя были удостоены Высочайшаго обозрѣнія, удостоилъ наградишь его брилліаншовыми знаками Св. Анны 2 класса; всѣмъ же рабочимъ людямъ, кои въ присутствіи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА занимались работами, въ шомъ числѣ и Верхисетскаго Г. Яковлева завода, Всемилоспивѣйше пожаловапъ соизволилъ въ награжденіе 6100 р. Хозяину дома, который былъ заняпъ ВСЕАВГУСТѢЙШИМЪ МОНАРХОМЪ, перспень, осыпанпый брилліанпами, а двумъ хозяйкамъ по фермуару. По окончаніи всѣхъ предспавленій и приемовъ, отправился въ соборную церковь, гдѣ у крыльца встрѣченъ былъ собравшимися чиновниками. Опслушавъ здѣсь божеспвенную литургію, копорую совершалъ Протоіерей Карпинскій съ прочимъ духовенспвомъ, и переодѣвшись послѣ шого на кварширѣ, соизволилъ опбышь въ подлежаще путешеспвіе до губернскаго города Перми, при звонѣ колоколовъ и многочисленномъ спеченіи народа, возсплавшаго усердныя и шеплыя моленія ко Пресполу Всевышняго о здравіи и о благоденствіи любимаго и благословляемаго всѣми МОНАРХА.

Во время пребыванія въ Екатеринбургѣ

бургъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА погода была шихая, шеплая и ясная, благоприяпшвовавшая шоржештву города и всеобщей, неизьяснимой радости какъ самихъ жишелей онаго, шакъ и гостей, прибывшихъ изъ городовъ: Шадринска, Камышлова, Тюмени, Верхшпурья, Тобольска и другихъ, желавшихъ насладиться лицезрѣнїемъ АВГУСТЪЙШАГО Посѣпшителя. Во всѣ при дни производился во всѣхъ церквахъ колокольный звонъ и весь городъ былъ превосходно иллюминованъ.

ДѢЛО ОТЪ БЕЗДѢЛЬЯ,

или

краткія замѣтанія на современныя Журналы.

I.

Письмо къ Издашело Благональбреннаго.

Милоспивый Государь!

Хопя и не имѣю чеспи знашь васъ лично, думаю однакожь, что Издашель Благональбреннаго долженъ бышь чело-

вѣкъ самый неприспрасный *); почему и рѣшился послать къ вамъ прилагаемый у сего образчикъ моихъ крапкихъ замѣчаній на современные Журналы. Если увижу ихъ напечатанными, это будетъ знакомъ, что вы одобряете шрудъ мой — и позволяете присылать къ вамъ продолженіе онаго, что и будетъ исполнено *періодически*.

Имѣю честь бышь, и пр.

Илиа впередь.

II.

Предисловіе.

Живучи въ деревнѣ и получая всѣ почти Русскіе Журналы на сей 1825 годъ, вздумалъ я, опъ бездѣля, дѣлать на нѣкоторыя въ оныхъ спашьи мои замѣчанія — относящіяся исключительно къ Литтературѣ; за другіе предметы не могу приняться наиболѣе пошому, что нѣтъ со мною ни одной книги, которая

---

*) По крайней мѣрѣ стараюсь такимъ бышь. *Другу не дружить, недругу не грубить* — свяшій закънъ не только для судей, но и для нашей брашьи Журналистовъ.

бы могла бытъ полезна для справокъ, а безъ справокъ не напишешь ничего основательнаго. Не беру на себя обязанности разсмащривать — не только каждую статью въ Журналѣ, даже и каждую книжку: буду замѣчать только то, что болѣе понравилось мнѣ, или не понравилось. Впрочемъ, не почипаю мнѣній моихъ *непогрѣшительными*: съ радостію буду встрѣчать возраженія и съ ошкровенностію отвѣчать на оныя.

III.

Зомбтанія.

Сынъ Отечества № I. — *Разбойничій замокъ*, Повѣсть. — *Нѣкто*, ѣдучи къ своей шепкѣ, узналъ, что умерла у нее дочь Цецилія. Приѣзжаетъ: горюють, плачуть. Тетка, оставшаяся дочь Юлія, и онъ *нѣкто*, рассказывающій свою испорію, идушь на могилу къ усопшей, находящуюся подъ древнимъ разбойничьимъ замкомъ, принадлежащемъ шепкѣ, въ полузаваленномъ погребѣ. *Нѣкто* ночуетъ въ эпомъ замкѣ. Здѣсь-то начинаются чудеса! Онъ взялъ книгу, въ кошорой описывается

обрядъ погребенія одного изъ Рыцарей Храма, и лишь только прочишаль, что Великій Магистръ ударилъ проекратно молодкомъ по желѣзной доскѣ — слышишь такой же спукъ въ пуспыхъ комнатахъ, попомъ спонъ, попомъ хрипѣнїе умирающаго; видишь въ могилѣ Цециліи освѣщенїе; слышишь прелеснную музыку и пѣнїе; наконецъ выходишь и Цецилія. Опъ такихъ ужасовъ *было его какъ въ лихорадкѣ, зубы его скрежетали.* Опдохнувъ немного, слышишь въ комнатѣ сраженїе — идешь — видишь нападающихъ другъ на друга двухъ высокихъ рыцарей, давно умершихъ. Онъ кошѣлъ убѣжаешь въ свою горницу, но кто-то схватилъ его за шинель, а онъ за то шпагою, кошорая и нашла виновнаго.

Развязка помѣщена въ N° 2. — Виновнымъ сдѣлалось самое невинное пворенїе, именно: собспвенная шинель, за что-то зацѣпившаяся; ударенїемъ Великаго Магистра были удары защелчки по рамѣ, спонами и хрипѣнїемъ — скрыть двери; рыцарями — два садовника, кошорымъ опъ безсонницы вздумалось надѣшь рыцарскїе доспѣхи и сражашься. Цецилія

не выходила изъ могилы, а Юлія и Генріешта, которая пришла въ домъ къ Юліи *съ фонаремъ въ одной рукѣ и съ женихомъ своимъ въ другой*, вздумали помолишься и спѣшь духовную пѣсню; женихъ Генріешты игралъ на арфѣ.

Повѣсть довольно приятная *)! Жаль только, что во многихъ мѣстахъ встрѣчающіяся неправильныя и спранныя выраженія, напримѣръ:

Полуразвалившаяся руина **). — Зачемъ безъ нужды иностранное слово?

Разсѣять мать и догь. — Удалимся отъ этой каршины: она никогда такъ сильно не *потрясала* меня, какъ сего дня.—Слова сіи, вырвавшіяся изъ глубоко пораженнаго материнскаго сердца, *попалили* ***) меня. — *конвульсивно* поднимающія руки.—*Гармоническій аккордъ*. — Сколько иностранныхъ словъ!

*) Не только приятная, но и весьма заманчивая. Нѣкоторыя однако находятъ развязку не совсемъ удовлетворительною. *Изд.*

***) А хорошо ли бы было: *полуразвалившаяся* развалина. *Изд.*

***) Это очевидная опечатка: *попалили*, напечатано вмѣсто: *поразили*. *Изд.*

Предъ нимъ (п. е. гробомъ) въ молитвѣ, на колѣнахъ, дѣвушка, прислонясь головою къ гробу; и держа сложенные руки передъ лицомъ. — Эпопѣя безглагольный періодъ напечатанъ на спр. 39.

Зубы мои скрежетали. — Прежде говорили у насъ: я скрежешаль зубами. Не спанушь ли современемъ говоришь: ноги мои ходили, рука моя писала, вмѣсто: я ходилъ, я писалъ?

Генріетта пришла въ домъ къ Юліи съ фонаремъ въ одной рукѣ и съ женихомъ своимъ въ другой! — Не великъ же онъ былъ!

Въ *Письмахъ на Кавказъ* сказано, что Поэма Пушкина: *Бахтисарайскій фонтанъ*, нравится Рецензенту болѣе всѣхъ другихъ Поэмъ сего Писателя. — De gustibus non est disputandum. — Изъ всего панегирика Пушкину, напечатаннаго въ первой книжкѣ, можно только по видѣнью, что Пушкинъ пишетъ стихи приятно; а въ эпосѣ кто сомнѣвается? Споры, о которыхъ упоминаешь Рецензентъ, идутъ не о Пушкинѣ и не о Поэзіи Романтической, которая или всегда существовала, или никогда не существовала, входя въ

соспавъ Поэзіи вообще; но умные критики осуждаютъ шѣхъ молоденькихъ писателей, которые подъ фирмою Романтической Поэзіи пишутъ сущую нелѣпость и безсовѣстно портятъ языкъ уродливыми своими выраженіями. — При разборѣ (№ 2.) книжки *Сѣверные Цвѣты* Рецензентъ сильно вооружился на Г. Плешнева за приспρασное сужденіе о Поэтахъ. Зачто же лишь негодовать? Г. Плешневъ не первый разъ пишетъ о Поэтахъ. Взглянувъ на подпись его, пошчасъ можно смѣкнушь, кому онъ соплетцетъ хвалу, кого не помилуетъ. — Жаль, что разсмапривавшій *Обозрѣніе* Г. Плешнева ничего почти не сказалъ о назначенномъ имъ періодѣ въ нашей Поэзіи съ В. А. Жуковскаго. Отдавая испинную справедливостъ сему необыкновенному Поэту, должно однакожь признасться, что эшопъ періодъ былъ самый несчастный для Русской Поэзіи: Славянщизмы, Галлицизмы, Германизмы, Миспицизмы, Романщизмы, Діаволизмы, нападали на нее голубушку попеременно, какъ орды Татарскія на Россію. Признаки эшихъ нашествій и шеперь очевидны.

Московскій Телеграфъ № 1. — Изда-
 шель въ письмѣ къ *N. N.* спарался, со
 всѣми правилами убѣжденія, доказавъ,
 что для всякаго Журнала нужно разно-
 образіе; что помещаемы въ ономъ долж-
 ны быть не одни Русскія сочиненія, а
 переводы и выписки изъ иностранныхъ
 произведеній, и наконецъ главное, что
 Издателю Журнала предлежитъ *сыскать*
скользкую дорожку, которая вѣется меж-
ду излишнею важностью и нѣтъможною
легкостью.—Все очень справедливо! Слѣ-
 довало бы только прибавить, что Изда-
 телю Журнала необходимо нужно наблю-
 дать правильность языка и сколь воз-
 можно внимательнѣе просматривать
корректуру. — Что скажутъ читатели
 Телеграфа, когда на первой страницѣ
 увидятъ:

1) Съ новымъ годомъ онъ (п. е. Теле-
 графъ) является на Литературное по-
 зорище. Здѣсь не предложный падежъ; над-
 лежало напечатать: *позорище.*

2) *Что* ожидаетъ Телеграфъ? Дѣйстви-
 тельный глаголъ: *ожидая*, требуетъ ви-
 нительнаго падежа. Должно было сказать
эго ожидаетъ?

3) Издапелю хочешся знашь, облекупть ли его (п. е. Телеграфъ) въ переплешъ и дадупть ему мѣсно между книгами, или распѣрзанные листочки Телеграфа *утопятъ* (?) въ Лешъ, какъ утопили нѣкоторыхъ предшеспвенниковъ его, *мелькнувшихъ въ вѣгностъ!* — Здѣсь чего хочешъ, того просишь! Утоплены и Граммашика и Логика!—Что утопипть Телеграфъ, или кого листочки утопяшь?—Сверхъ того, безъ сомнѣнїя, не *мелькнувшихъ въ вѣгностъ* хотѣлъ сказашь Издапелю, а *преданныхъ забвенїю*, или что нибудь подобное; но это...мудрено!

Три дня въ трехъ вѣкахъ—мнѣ очень полубились. Все хорошо; и слогъ и мысли.

Спапья о *Бейронѣ* была бы любопышна, если бы прежде не читали мы объ немъ въ разныхъ другихъ періодическихъ изданїяхъ.

Спихи К. Бяземскаго къ *Прятелию*—имѣюпть оспрошу, но описывающпся какимъ-то усилениемъ Авпора. Слѣдующая мысль однакожь можешъ всякому понравпться:

Въ успройствѣ общества и цѣхъ глупцовъ пошребенъ;

Въ мірскомъ бышу полезны и они:
 Со скукибъ умерли здѣсь умники
 одни,
 Глупцы смѣшашъ—а смѣхъ цѣлебень.

Но седьмой стихъ съ начала посланія
 заплашилъ, кажешся, дань Спопосложенію:

Чтобъ сдѣлаться съ глупцовъ без-
 счешныхъ
 Глупцомъ въ столицѣ на счешу.

Въ прозѣ сказала бы Авторь: *изб* глуп-
 цовъ.

Телѣга жизни, стихи А. Пушкина. —
 Хорошо! но я думаю, что не время го-
 нить лошадей, а спроси наши сильно
 объ этомъ хлопчущь: спроси окорѣ
 времени приближающъ къ *ноглегу!*

Стихи Г. Нечаева *Умирающій Пѣвецъ*
 —прекрасны. Прочитавъ ихъ въ первый
 разъ, я не замѣнилъ даже нѣсколькихъ
небогатыхъ рифмъ.

Объ *Элегіи* Г. Алексѣева ничего не
 могу сказать: многого не понялъ! Напр:
 какимъ образомъ *мутная* волна *свѣтлою*
 спруею *рисуетъ* зеленый лугъ? Что ша-
 кое: *роскошная* нѣга божеспвенной меч-

пы? Жизнь *молодая*?— Не уже ли можно сказашь: молодая жизнь Бейрона, спарая жизнь Вольпера?— Но вопшь еще замысло-вашѣ: *холмовъ прибрежныхъ сѣнь*, гдѣ *тасто по полямъ моя бродила лѣнь!*— И еще: *туманный локопъ рисовалъ плечи*, и пр. и пр.

На что и умъ и вкусъ? *Пишите въ доброй тасѣ!*

И здѣсь встрѣчается Обзорѣніе Русской Лишперашуры!— Взглянемъ на по мѣсто, гдѣ говоришся о Спикопворцахъ. Издашель жалѣепъ, что не выходитъ объ-щанное новое издание швореній Держави-на, между прочимъ и попому, что въ ономъ будепъ *избясненіе темныхъ мѣстъ и намѣковъ въ сочиненіяхъ сего Поэта*. Это послѣднее сожалѣніе напрасно: мы имѣемъ книжку, изданную Г. Осиполоповымъ подъ названіемъ: *Ключъ къ сочиненіямъ Державина, съ краткимъ описаніемъ жизни сего знаменитаго Поэта*. Печатъ: въ С. Пешербургѣ, въ Типографіи Ив. Глазунова. 1822. — Въ этой небольшой книжкѣ, о копорой безъ сомнѣнія забыль Издашель Телеграфа, объяснены всѣ пем-

вѣя мѣста и намѣки лучшихъ произведеній Державина:

Говоря объ А. Пушкинѣ, Издашель возкликаетъ: кто не подражаетъ у насъ Пушкину и кто сравнился съ нимъ изъ подражателей?... Сомасень, что изъ подражателей никто съ нимъ не сравнился; но справедливо ли возкличаніе: *кто не подражаетъ у насъ Пушкину?* — Рѣшительно можно сказать: никто изъ хорошихъ нашихъ писателей не подражаетъ Пушкину, а подражаютъ ему только Спихопворцы—ученички, недавно выпущенные изъ школы; они только, увлекаясь его славою, охотно идутъ въ *Servit pecus*.

*

Благонамѣренный. N. I. — Спихи къ Любимцу Фортуны Г. Воронова—довольно хороши. Можно только замѣшить, что предпоследній спихъ:

Увы! зачемъ среди надеждъ очарованья
неправилень: предлогу съ именемъ не слѣдовало разлучаться въ два полустипшя.

Посланіе Князя Цершелева опличается числовою слога, правильностію мы-

слей и приятностію чувствованій. Слѣдующей мысли нѣтъ, кажешся, ни у кого изъ Сашириковъ:

Люблю, чшобъ мой приѣздъ звонокъ не воз-
вѣщаль,
И пишла моего, за шагъ передо мною,
Блещящій галуномъ лакей не возглашаль.

Басня Г. Измайлова *Черный Котъ*, еспь, по мнѣнію моему, лучшая изъ всѣхъ его Басень, или, по крайней мѣрѣ, одна изъ лучшихъ. Описанія Копа и Мышки, и самое повѣствованіе—прекрасны *). Лицемеры и несчастныя жертвы ихъ легко увидяшь въ эпной Баснѣ свои поршпреты. Къ одному полку можно нѣсколько *привязаться*: мнѣ кажешся, лучше было бы корчить Басню спихомъ:

Всего прошивнѣй мнѣ Таршюфы лицемеры.

Ибо послѣдующіе за симъ два:

О какъ бы я былъ радъ,

Когда бы поскорѣй они попали въ адъ.

—слишкомъ обыкновенны въ сравненіи

---

*) Чувствительнѣйше благодарю! Изд.

съ прочими стихами и едва ли не лишніе.

Въ N 2., кромѣ большой и занимательной сатиры о Клопшпокѣ, довольно есть приятныхъ піесъ стихопворныхъ, какъ напр. Басня Г. Великопольскаго: *Лошадь съ возомъ*; экспромпты, сочиненные, кажется, самимъ Издашедемъ, для С. Д. П. и пр.

Помѣщенные во второмъ письмѣ о наводненіи первые при анекдота весьма забавны по своей невѣроятности. Жаль, что Классикъ упалъ въ воду; а Романшику все равно—понушь же въ Лешѣ.

Анекдоты о добрыхъ мужичкахъ, раздававшихъ разореннымъ безденежно сайки, и о добрыхъ двѣцахъ, отпказывавшихся отъ завѣрака и полдника для вспоможенія несчастнымъ—радуешь душу.

(Продолженіе въпредь.)

МАЛЕНЬКІЕ РАЗГОВОРЫ.

I.

Гостя и дитя.

Гостя. Здравствуй, миленькой.

Дитя. Здравствуйте . . . пойдете въ уборную.

Гостя. Развѣ маменька въ уборной?

Дитя. Нѣтъ - съ, она въ диванной пойдете же въ уборную.

Гостя. Да зачѣмъ иди мнѣ въ уборную, когда маменька въ диванной?

Дитя. Да вы такія дурныя.

Гостя. А развѣ въ уборной сдѣлаюсь лучше?

Дитя. Конечно-съ. Маменька встаетъ съ постели такая дурная, такая черная— а побываетъ въ уборной и сдѣлается такая хорошенькая, бѣленькая, румяная . . . пойдете въ уборную, пожалуй-ста пойдете.

2.

Журналистъ и Разнощикъ.

Журналистъ. Хороши ли у тебя раки?

Разнощикъ. Преславныя! прекрупныя!

Журн. Да, сверху-пю хороши и крупны, а внизу мѣлочь, дрянъ! Зачемъ шакъ обманываешь?

Разн. Не мы, сударь, одни — и всѣ шакъ дѣлають; и всѣ кладуть сверху, чю по крупнѣе и получше: рыбу, яблоки, ягоды, огурцы. . . .

Журн. Правда швоя, и наша брашья Журналисты шю же почши дѣлають зпервыя книжки Журнала всегда бывають по полще, спашьи получше — а шамъ со грѣхомъ пополамъ!

И.

~~~~~

Басни.

1. Добродѣтель и Порокъ.

Порокъ вскричалъ: „Я на земли владѣтель!,,
— А я, на небесахъ! — сказала Добродѣтель.
И шакъ душа безсмертна избирай:
Ошверзса дверь и въ адъ и въ рай.

2. Два Плуга.

Въ сараѣ плугъ одиень лежалъ,
Весь въ ржавчинѣ, заросшій весь правою;
Другой же, какъ стѣкло сіялъ. —
Сіянію сему шруды его виною.

3. Посолъ Смерти.

Отправивъ въ міръ Посла богиня Смерть
желала;
Явились къ ней: Любовь, Горьчка; и Война.—
«Зачемъ же Душа на нѣшь съ вами?», Смерть
сказала.

Заслуга истинна — скромна.

Мѣ, дѣлѣ.

~~~~~

Моя Молитва.

Спаси, о Господи! меня, жену, дѣшей,
Сестру мою, родныхъ и искреннихъ друзей!
Для пользы и для славы
Пошли мнѣ болѣе враговъ,
Да съ честью пройду путь правый!
Дай средства жить мнѣ безъ долговъ;
Въ трудахъ, въ бѣдахъ пошли терпѣнье;
Пошли, пошли скорѣй, большое мнѣ имѣнье;
Охотно съ ближнимъ, я избыткомъ подѣлюсь—
А ежели я возгоржусь,
И совѣсть Ангела Хранителя забуду;
Тогда накажи меня, какъ Каина, Иуду;
Пусть съ лицемерами, въ гееннѣ вѣчно буду.

И.

~~~~~

Новыя книги.

1. *Поученіе какѣ стоять въ церкви во время Божественной Литургіи.* С. п. б. въ тип. Депарш. народнаго просвѣщенія, 1824, въ 12 долю 137 стран.

У насъ есть нѣсколько весьма хорошихъ *Изясненій на Литургію*, но не было еще до сего времени *руской*, шакъ сказать, книжки, содержащей въ себѣ крашкія правила, что должно дѣлать и о чемъ помышлять въ то время, когда совершается Божественная Литургія. Общепользѣный трудъ сей принялъ на себя почтенный Протоіерей Придворнаго Собора *Григорій Ивановичъ Мансветовъ*, извѣстный опечесивенной Публікѣ благонамѣренными своими сочиненіями; а наиболее изданіемъ книги: *Учѣбнице Благочестія, или прилибры Христіанскихъ Добродѣтелей, выбранныя изъ Житій Святыхъ*, которая печатается нынѣ уже четвертымъ изданіемъ.—*Поученіе, какѣ стоять въ церкви во время Божественной Литургіи*, разделено на 54 статьи, или параграфа. Выписываемъ изъ оныхъ здѣсь шри: выписки, хошя и крашкія, даюшъ всегда почти достаточное понятіе какъ о содержаніи книги, шакъ и о слогахъ оной.

3.

“Вошедъ во святыи храмъ, и спавъ на показанномъ шебѣ мѣспѣ, возведи умъ твой на небо и поклонись Господу нашему Иисусу Христу. Воздыхай, испрашивая у него ошущенія грѣховъ: *Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному **). Симъ Мышаревымъ гласомъ размягчивъ себя, приготоуься слушашь и созерцашь *Божественную Литургію*. Нѣшь въ Христіанской церкви ничего столь важнаго и святаго, какъ Литургія; ибо она изображаешь все смощрѣніе спасительнаго Христова въ міръ пришествія, т. е. его воплощенія, земнаго странствованія ученія, страданія, погребенія, воскресенія и возшествія на небо. Все сіе Спаситель сдѣлалъ для тебя грѣшнаго: какъ шебѣ созерцашь безъ чувства таинство твоего спасенія?,,

48.

“Теперь выслушай историческое происхождение *Антидора*. Христіане первенствующей Церкви, приходя къ Литургіи, обыкновенно приносили въ предложеніе *хлѣбъ и вино ***), какъ опредѣленные къ Свя-

*) Лук. Гл. XVIII, стр. 13.

**) Также ладощь, свѣчи и другія потребности Церкви.

щеннодѣйствию видѣ. Но поелику для Евхаристіи требовался одинъ хлѣбъ и нѣсколько вина, то Церковь успавила прочіе хлѣбы, вынувъ изъ нихъ частіи какъ о здравіи и спасеніи принесшихъ, такъ о здравіи и спасеніи, или о памяси и оставленіи грѣховъ грѣхъ, за которыхъ они принесены, вмѣстѣ съ оставшимся виномъ предлагашъ на братолюбной прапезѣ *), учреждавшейся послѣ Литургіи, гдѣ нищей брашніи не стыдѣлись служить богачи и вельможи обоого пола. Вспомни сіе святое установленіе и оплачь уничтоженіе онаго, воспослѣдовавшее только потому, что охладѣвшіе въ благочестіи Христіане переспади приносили таковыя дары въ предложеніе. Церковь теперь сама приготавливаетъ извѣстное число просфоръ: но, подавая шебѣ Анпидоръ, ежедневно напоминаетъ о братолюбіи..Благослови бѣднымъ. Они *братія меньшіе* Іисуса Христа **): и потому должны быть своими брашніями!

49.

“По раздаяніи Анпидора, Свѣщенникъ

*) Сіа прапеза, по духу учрежденія, называлась «уаза» ш. с. любовь.

возглашаетъ: *Благословеніе Господне на васъ,* и пр. Чрезъ сіе онъ, отъ имени Господня, уже окончателно благословляетъ швое исхожденіе изъ храма. Помни, чьимъ именемъ сопровождаемый, ты исходишь; и спарайся, что бы всѣ пуши швои были нецорочны. Не подражай пѣмъ лицемѣрамъ, кошорые спояпъ въ церкви съ воздыханіемъ, а выходя изъ церкви, забываютъ даже имя поспрадавшаго за насъ Христа. Въ прощивномъ случаѣ, на шеби падеть укоризна, кошорую изрекъ Спаситель въ 23 главѣ у Евангелиста Матѣея: *горе вамъ, книжники и Фарисеи, лицемеры, что побдаете домы вдовиць и лицемерно молитесь долго; за сіе приимете тягчайшее осужденіе,* и проч.

Въ заключеніе должно прибавить, что сія книжка напечатана превосходно на лучшей бѣлой бумагѣ и по малости своего формата можетъ назваться *ручною*, или, пакъ сказашь, карманною.

2. *Обязанности домашняго общества по разуму исполнителей Слова Божія древнихъ Христіанъ.* С. и. б. въ шип. Іос. Іоаннесова, 1285, въ 8, V и 220 стран.

Книга сія посвящена Сочинителемъ— *юношамъ и дѣвицамъ, возрастивающимъ подб священнымъ покровительствомъ Благотестивѣи-*

ицѣ Государынѣ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ и МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ. Эпиграфъ выбранъ весьма удачно: *Сблѣйства и дома первыхъ Христіанъ были истинныя Церкви Христовы и Храмы Господни.* (Св. Аванасій къ Пустынникамъ о возвращеніи своемъ изъ изгнанія.) → Содержание, или оглавленіе: I. О томъ, что каждый членъ домашняго общества долженъ и можешь исполнять свои обязанности. II. Обязанности мужа. III. Обязанности жены. IV. Обязанности родителей. V. Обязанности дѣтей. VI. Обязанности братьевъ. VII. Обязанности родственниковъ. VIII. Обязанности родителей и наставниковъ. IX. Обязанности родителей и дѣтей къ воспитателямъ и наставникамъ. X. Обязанности господъ. XI. Обязанности слугъ. XII. Обязанности друзей. XIII. Обязанности домовладыкъ въ отношеніи къ гостепріимству. XIV. Обязанности къ братьямъ меньшимъ. (Превосходная спашья сія напечатана въ первой книжкѣ *Благонамбреннаго* 1824 года.) XV. Обязанности всѣхъ членовъ домашняго общества. При концѣ книги помѣщены *Примѣчанія*, для ссылки, *какая истина откуда потернута.*

«Юноши! дѣвицы! (такъ начинается поучительную бесѣду свою почтенный Сочинитель) одинъ свяшый Сшарець, славъ

ный добродѣтелями и даромъ чудотворенія, по гласу небесному, предпринималъ дальнее путешествіе, что бы найши и увидѣть двухъ человекъ, которые больше его угодили Богу. Кто же сіи примѣрные люди? — Двѣ молодыя женщины, супруги двухъ братьевъ. — Чемъ заслужили такую благодать, что самъ Богъ представилъ ихъ въ примѣръ святому и знаменитому пустыннику? — Послушайте: онѣ пятнадцать лѣтъ жили вмѣстѣ и въ это время ни одного досаднаго слова другъ другу не сказали; своимъ мужьямъ были помощницами и утѣшеніемъ ихъ жизни; дѣшей воспитывали въ благочестіи; съ рабами поступали крошко и ласково; имѣли подругъ сколько же добродѣтельныхъ; чаще были дома и любили занимать хозяйствомъ *). . И такъ семейственныя добродѣтели сдѣлали ихъ сколько любезными Богу . . . Ошними у нихъ сіи добродѣтели: тогда онѣ не только въ очахъ Божіихъ, но и въ глазахъ благоразумнаго человека не будуще имѣть никакихъ достоинствъ,, (схран. 1 и 2.)

Въ такомъ духѣ и тонѣ написана вся книга: основательно, просто, вразумительно; разсужденія подкрѣплены въ приличныхъ мѣстахъ примѣрами изъ Священнаго Писа-

*) См. житіе преподобнаго Макарія въ 29 день Генваря.

нія и Житій Св. Опцевъ; иѣшь ни сухо-
сти, ни блестящихъ украшеній слога, и все
это доказываешь, что благонамѣренный Ав-
шоръ писалъ не для суешной славы, а для
пользы ближняго. — “Единственна цѣль,, —
говоришь онъ въ своемъ Предувѣдомленіи —
“копорую я имѣлъ и долженъ имѣшь (по-
“лику пишу для всѣхъ возрашовъ и со-
“стойній) есть та, что бы сія книга, не
“пугая строгостію правилъ, была способна
“къ нравоназиданію ближняго, и научая бышь
“испивными Хриспіянами, не опвергала
“правилъ благоприличія, котораго перебуешь
“ошь насъ свѣшь...О! дай Боже! что бы
“каждый читатель ошь сихъ наспавленій
“сполько получилъ плода и пользы, сколь-
“ко желали ему шѣ великіе люди, копорыхъ
“совѣшы и дѣла здѣсь предлагаются.,, (снр.
III и V.)

Рекомендуемъ сію книгу не шолько бла-
говоспивываемымъ юношамъ и дѣвицамъ, ко-
шорымъ она посвящена, но и всѣмъ вообще
любившелямъ полезнаго чшенія, особенно по-
читившелямъ опцамъ и машерямъ сѣмействъ.

Объ сіи книги: *Поученіе, какбъ стоять
въ церкви во время Божественной Литургии
и Обязанности домашняго общества по разу-
му исполнителю Слова Божія древнихъ Хри-
стіанбъ,* продаюшся у Сочинившеля Придвор-
наго Прошюіерея Григорія Ивановича Ман-

светова, живущаго за Обуховымъ мостомъ по Царскосельской дорогѣ, между 2 и 3 ротами Измайловскаго полка, въ домѣ Купца Несперова подъ No 504, также въ книжныхъ лавкахъ И. В. Сленина, въ домѣ Кузовникова у Казанскаго моста, и А. Ф. Смирдина у Синяго моста, въ угловомъ домѣ Гавриловой. Цѣна первой книжкѣ 2 р. 50 к., а послѣдней 5 р. Тутъ же получать можно и слѣдующія его сочиненія: 1) *Краткое изъясненіе Литургіи*. Цѣна въ бум. оберткѣ и съ пересылкою въ другіе города 5 р. 2) *Краткія Христіанскія поученія для воиновъ*. Цѣна въ бум. 2 р. 50 к. За пересылку въ другіе города прилагается за одинъ фунтъ, полагая въ пошть же вѣсъ и два экземпляра; а полки и прочія военныя команды, также военныя и другія училища, если возмуть значительное количество экземпляровъ, ничего за пересылку не плащуть. 3) *Училище Благочестія, или примѣры Христіанскихъ добродѣтелей, выбранныя изъ Житій Святыхъ*. Цѣна за всѣ 6 часшей въ бум. какъ здѣсь въ Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другіе города, 15 р.

И.

Омонимъ.

Когда я женщина—бываю на плечахъ;
 Когда мужчина я—бываю на ногахъ,
 Не только въ сапогахъ,
 Но даже и въ лаптяхъ.

М. С.

~~~~~

Анаграмма, помѣщенная въ VI N^о, значишь *налимъ* и *Миланъ*; Омонимъ — *Тигръ* (звѣрь и рѣка.)

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° VIII.

ВЕСЕЛОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

(Письмо Издателя къ старшей дочери.)

Пятница 23 Января 1825.

Въ послѣднее свиданіе съ побою, милая Наспинька, не сказалъ я тебѣ, что мы съ маменькою рѣшились ѣхать изъ Пешербурга; ѣдемъ далеко ... въ Александровскую мануфактуру; часа на два — а кто знаетъ? можешь быть и на шри и даже на чешыре!

Много ли я живу: на свѣшѣ? Нѣшѣ еще 46 лѣшѣ, а сколько повѣзидилъ на своей вѣкъ! Гдѣ я шолько не былъ?—Былъ и не одинъ разъ въ Муринѣ и въ Парголовѣ, на Пороховыхъ заводахъ, въ Сарскомъ-Селѣ и въ Павловскѣ, былъ въ Пешергофѣ, былъ на бумажной фабрикѣ и мѣдномъ заводѣ кузины швоей Е. М. К., былъ даже въ Рошшѣ ... Нес plus ultra!

Лошади голповы. Мы ѣдемъ въ прехъ

саняхъ. Насъ шестеро: двѣ дамы: мамёнка и *Ан. Як.*, да четверо мужчинъ: Докторъ *Я. И. Г.*, *А. А. Н.*, дядюшка и я. На всякой случай беремъ съ собою оружіе: у Доктора ланцетъ, а у насъ у троихъ по перочинному ножу.

Проси! ужь сани подаюшь!
 Салоны барыни надѣли;
 Лукьянъ намъ подаетъ шийели;
 Проси! идушь уже, идушь.

Суббота 24 Января. Утро.

Мы опять въ Петербургѣ, опять на Пескахъ, въ домѣ Моденова. Вчерашнее наше путешествованіе было не только благополучно, но и весьма приятно. Поспашаюсь сколь можно подробнѣе описать его себѣ.

Вчера выѣхали мы изъ дома ровно въ четыре часа пополудни, въ троихъ саняхъ, на пяти лошадахъ.

Въ первыя сани, самыя лучшія, запряженныя двумя спройными вороными конями, сѣли дамы; сзади спалъ младшій изъ кавалеровъ — мой дядюшка.

Во вторыя сани, общици, влекомыя

нарою лошадей просыхъ, гнѣдыхъ, легли
мы съ Докшоромъ.

Въ прешьи сани, или саночки объ
одной сѣренькой лошаdkѣ, сѣлъ сиропка
Ап. Ал.

Вошь наконецъ всѣ въ сани сѣли—
Ударили по лошадямъ—

Ступай! Пошелъ! и полешѣли.

Чуть видимъ предъ собою дамъ.

Кой-какъ за ними мы пащимся

И вмѣстѣ съ Докшоромъ дивимся

Чудесной легкоспи саней

И бѣгу вороныхъ, коней.

Ужъ кони подлинно на славу!

Но вошь проѣхали засшаву—

Я вкругъ себя все замѣчалъ,

Глядѣлъ шуда, сюда, молчалъ;

Вдругъ Докшоръ громко закричалъ:

Стой! стой! и всѣ ошановились...

Тутъ снова мы перемѣсчились.

Дядюшка сѣлъ на мѣспо *Ап. Ал.—Ап.*

Ал. пересѣлъ ко мнѣ—

А Докшоръ къ дамамъ на запяшки.

Fouette, cocher! Во всѣ лопатки!

Дорогой дамъ онъ забавлялъ,

Съ приличной важностью чиналъ

Имъ лекціи о Медицинѣ —

Однако же не полапынѣ,
 Хотя въ Лашынѣ и силенѣ,
 Слово десяшь скажешь онъ порус-
 ски

Да при, чешыре пофранцузски,
 Чшобъ соблюспи во всемъ bon ton.
 О! Докторъ кавалеръ учтивый,
 Услужливый, краснорѣчивый!
 Дамъ нашихъ такъ развеселилъ,
 Чшо всю дорогу просмѣялись,
 Въ саняхъ между собой шепщались
 И вѣрно, вѣрно ужъ признались,
 Чшо Докторъ очень, очень милъ.

А мы съ *Ап. Ап.* сидѣли смирно: я
 смиренъ; а онъ еще меня смиренѣе — какъ
 красная дѣвица! Есть правда и дѣвицы
 красныя, но шалуныи ужасныя.

Люблю дѣвиць и дамъ живыхъ,
 То есть веселыхъ, остроумныхъ,
 Но скромныхъ и благоразумныхъ;
 Пльняюся бесѣдой ихъ.
 Но не люблю я дурь, верпушекъ,
 Крикуньевъ, спорщиць и болтушекъ.
 Кривляшся, прыгашъ, вздоръ бол-
 шашъ
 И безъ причины хохоташъ
 Прилично лишь однѣмъ Вакханкамъ,
 А не воспитаннымъ дворянкамъ.

Всего несноснѣе, всего отвратительнѣе для меня спарый мужчина, копорый шнуруешся, черниль волосы, бѣлился и румянился — также молодая женщина, особливо дѣвушка, съ гусарскими, уланскими, или драгунскими ухватками.

Бѣда, ей! ей! бѣда,
Когда нѣтъ въ дѣвущкѣ стыда.

Да! да! Точно такъ!... Не хорошо впрочемъ бышь и слишкомъ застѣнчивой, робкой — стыдишься играть при другихъ на фортепiano, пѣшь, или читаешь вслухъ стихи (*хорошіе*), когда это необходимо надобно. И ты, милая Наспинька, немножко застѣнчива, даже передо мною и передъ маменькою.

Смотри, къ экзамену весь ложный стыдъ откинъ

Чу! раздастся: *диль, диль, диль!*
Вотъ ѣдутъ обшивни большія
И съ ними нѣсколько саяей;
Загнули шеи присяжные,
Сполбомъ идешь парь отъ коней.
Не скрою ничего отъ дочки:
Къ дугамъ привѣшены звоночки,
Цѣпныя ленты и снурки;

Въ саяхъ сидяшь все мужики,
 Сваши брадашые, дружки—
 Сидяшь, шихонько поѣвающъ;
 По въпру леншы разѣвающъ,
 А колокольчики звеняшь
 И—собралась толпа ребящъ..
 Разинувъ ротъ, въ слѣдъ имъ гля-
 дяшь.

Я былъ безъ очковъ и видѣлъ въ саяхъ однихъ только мужичковъ; а другія видѣли и супругъ ихъ, п. е. свахъ, поѣзжаныхъ и невѣсту. Невѣспа — скажу не своими, а чужими словами—*дужа, свѣжа*. Оспроглазый дядюшка швой замѣпилъ у нее маленькую родинку на лѣвомъ глазку, а наблюдашельный *Ап. Ал.* полуизсякшую слезку *).

Кромѣ этого не вспрѣпили мы всю дорогу ничего особенно примѣчательнаго. За городомъ почно шакое же небо, какъ и у насъ въ Пешербургъ, шакой же снѣгъ. Дорогою видѣли очень много хорошихъ спроеній, не только де-

*) Виновашъ! солгалъ по обычаю многихъ пушешеспвенниковъ. *Вѣдь надобножь прекрасить иногда.*

ревянныхъ, но и каменныхъ, большихъ, огромныхъ. Мы ѣхали все лѣвымъ берегомъ Невы. Ахъ! если бы это было лѣпомъ; если бы Нева покрыта была галями, барками, полубарками, лодками, лодочками, челночками — я выскочилъ бы изъ саней — виновашъ! — изъ коляски, и пошелъ бы по бережку пѣшкомъ не съ посошкомъ, но съ карандашемъ въ рукѣ и съ памяшною книжкою въ другой — присѣлъ бы на бережокъ, написалъ бы спишокъ, другой, претій, и шакъ далѣ. Люблю природу — особливо зелень и воду.

Наконецъ подѣхали мы къ Александровской Мануфактурѣ. Идемъ на широкой и весьма чистый дворъ. Это не фабрика, а городъ и великолѣпный — строеніе превысокое, прекрасное, въ 6, или 7 этажей, и все освѣщено газомъ, какъ бы во время торжественной иллюминаціи.

Входимъ въ покои къ Главному Смотрителю Д. И. Г., брату нашего любезнѣйшаго Доктора Я. И. Г. Дамы сняли съ себя салопы; мы сбросили шубы, шинели. Вслѣдъ за нами явился еще знакомый кавалеръ, Армиллерійскій Офицеръ Г. П. Ч. Услужливый и гостеприимный

хозяинъ ведешь насъ чрезъ опрятныя
спальни воспитанниковъ въ масперскія
палаты. Входимъ въ первую палату... Ахъ!
Наспичка! Чпо мы шупъ увидѣли? —
Слушай, слушай... бьешь десятъ! Добро,
щощай! пора въ Депаршаментъ.

Хотя сегодня и Суббота,
Но есть пренужная работа;
Припомъ же съ корректурой ждущъ.
Пойду я завтра въ Инспичушъ
Къ высокой, миленькой дѣвицѣ,
А именно: къ швоей сеспичицѣ;
Пошомъ коня я подхвачу,
Къ шебѣ на оспровъ полечу.

(Оконч. въ слѣд. №.)

~~~~~

ПРОСТИ КЪ ЮНОСТИ.

Оно исчезло, цвѣтущее время жизни,
время невинныхъ удовольствій и безпе-
чальной радости. — Сколь сладкіе, незаб-
венные часы оно доспавило мнѣ! часы,
къ копорымъ и въ поздней спароспи сіе
сердце будешь обращатьсѣ съ благосло-
веніемъ!

Какъ улыбалось все вокругъ меня и

дышало веселіемъ! Сколь прелестный союзъ сопрягало очарованіе надежды между настоящимъ и будущимъ! Съ возторгомъ привѣщивоваль юноша утро, и съ припшною задумчивоспію говорилъ склоняющемуся дню: *прости!*

Теперь я мужъ, и обращаю взоръ свой на исчезнувшее поле прошедшаго; живыми черпами воспоминаніе представляеть мнѣ его картины. Сіе поле было главное въ жизни пространство времени—пространство, ошъ котораго болѣе всего зависить счастье жизни оспальной; пространство, на которомъ человекъ приемлетъ направленіе, почши всегда его сопровождающее чрезъ все бышіе земное.

Какъ прошелъ я сіе пространство? Могу ли на каждый предметъ юности оглянуться со спокойствіемъ? Нѣтъ ли предмета, воспоминаніе о которомъ приводило бы меня въ стыдъ? Доспавляль ли я моему разуму истинное и благородное образование? Всегда ли мой разумъ и мое сердце пребывали въ согласіи? — Съ чистую ли, благонастроенною душою перешель я въ возрастъ спененнаго мужества? Не взяль ли я въ сладоспномъ шу-

мѣ минувшихъ лѣтъ направленій, могущихъ заблудить мужа и старца; направленій, копорыхъ ни мужъ, ни спарець никогда не изгладяшь? Доспавляешъ ли нравъ мой мнѣ чистый, незапятнанный видъ? Не вначашлѣны ли въ ономъ черпы, опъ копорыхъ долженъ я краснѣшь, когда разсмаприваю ихъ въ пихомъ уединеніи—черпы, копорыя долженъ я скрывашъ опъ всего свѣта и легко могъ бы соккрышь опъ самага себя? Сей нравъ, если бы отккрышь былъ, шолько предъ взорами моихъ собрашій, привлекъ ли бы къ себѣ ихъ любовь полную, единодушную?

Поэты! вы называете юность мечтою; но она шолько часпю шакова. Радости юности супъ мечты; но не мечты его дѣла. О сіи дѣла имѣють вѣчное, неизмѣняемое быіе въ нравспвенномъ мірѣ; они не исчезають, не приемлють иного вида очарованіемъ воображенія и паміи.

Если же я часпо осквернялъ шебя, шы, прелеспное, цвѣпущее время жизни, что лучшаго могу я содѣлашь, какъ съ раскаяніемъ преклонить колѣна на рубежѣ швоемъ и со слезами клясься само

му себѣ въ изглаженіи каждаго пшпа, унижающаго чловѣчество? Чшо лучшаго могу я, какъ вспуишь на поприще мужа съ намѣреніями споль чиспными, что самая жизнь долженствовала бы содѣлаться для меня пшгосшною, если бы я ихъ оставиль? —

Проспи, плѣнишельное ушро жизни! Носись передо мною, въ образѣ воспоминаія, и приводи съ собой ушѣшишельную надежду, чшо шамъ, за предѣлами гроба, засіаетъ для воскресшихъ прелещиѣйшая юноспь!

Сѣ Нѣмец. П. Ш.

Кѣ Пастушкѣ, просившей фіалки.

(Изъ Гете.)

Веселья вѣрная подружка,
Прекрасная какъ свѣплая весна,
Невицная пѣсшуска!

Меня винишь шы не должна,
Чшо я фіалки въ даръ тебѣ не посылаю:
Все поле оглядѣль—и гдѣ найши не знаю;
Но коль въ вѣнокъ тебѣ фіалочка нужна,
Поди шуда, гдѣ въ долъ ручей сбѣгаетъ

И правку въперокъ, рѣзвась, перевѣваешъ—
Подъ ножкою швоей шамъ выросшешъ она.

Б. Федоровъ,

Наказаніе.

Я по незнанію Киприду оскорбилъ —
Богиня гнѣвная предшала...

“Аркадянинъ!—сурово мнѣ сказала—
Ты власшь мою забылъ!

Коль гнѣва моего безсмертныя спрашашся,
Какъ ты осмѣлился богиню раздражашъ?

Виноюль новою ты хочешъ исправляшся?
Сстыдомъ шебя, стыдомъ хочу я наказашъ,

Изъ Грацій—робкую Аглаю —
Двукрашно десяшь разъ въ уста поцѣло-
вашъ

Повелѣваю,

И впредь прекрашно, если ты
Еще посмѣешъ проспуишся.,,

И я сказалъ: богиня красоты!

Чтобъ бышь наказаннымъ, я буду все ви-
нишся.

Б. Федоровъ.

Счастіе въ уединеніи.

Пѣсня.

Скупецъ червонцы копишь,
Герой вѣнцы заслугъ;
Но счастье шопъ находишь,
Кому нашелся другъ.

*

Богатствомъ не владѣя,
Свободой веселюсь,
И славы не имѣя,
Я милою горжусь.

*

Я наглядѣлся въ свѣшѣ
На скуку богачей,
А счастливъ при Лилешѣ
И въ хижинѣ моей.

*

Двѣ липы зеленѣютъ,
Склонясь на сельскій кровъ;
Рѣзвась, зефиры вѣютъ
Съ пестрѣющихъ цвѣтовъ.

*

Природы здѣсь приятность,
Спокойствія приютъ,
И въ немъ—любовь и радость
Въ согласіи живутъ.—

Б. Федоровъ.

Новобратныиъ, И. И и П. Е.
Г. . мѣ.

Заочно васъ я поздравляю;

Опъ всей моей души

Счастлииво вѣкъ прожишь вамъ обоимъ же-
лаю.—

Какъ новобрачные любезны, хороши!

Вошь прямо парочка! То всякій скажешъ
смѣло.

И...И...чь! люби жену какъ тѣло,

Или какъ спряпчій любишь дѣло,

По коелу велишь ходишь ему богачъ...

Иль какъ спихи свои риёмачъ.—

А больше этого любишь ужъ не возможно.,,

И вамъ, сударыня, любишь супруга должно!

Не бойшеса его:

Не спрашенъ онъ; чего бояшьса?

Все сдѣлаеше изъ него ,

Лишь полько споишь приласкашьса.

Ну, поцѣлуйшеса же въ ушѣху спарикамъ,

Шампанское не много подсластите;

Не бойшеса мужа, а любите

И любо будешъ вамъ.

5 Ноября 1823.

И.

Вѣ Албомѣ N. N.

Съ Амуромъ красошой и нравомъ схо-
жи вы:

Такое же и въ васъ прелесшное лукавство,
И кажешся—увы!

Такое же непосшоянство!

И.

~~~~~

Экспромптъ,

*сдѣланный на святошной вечеринкѣ, гдѣ
мастерски плясала одна маска въ Рус-
скоиъ мужскоиъ костюмѣ и вѣроятно
дѣвица.*

Прелесшный, спройный, гибкій спань!

Во всѣхъ движеньяхъ благородство!

Какое въ пляскахъ превосходство!

И кшапи какъ пришла одежда Россіанъ!

Подъ маскою лице скрываешь ты ошъ взо-
ра—

Скажи, скажи кто ты: Зефиръ, иль Терп-
сихора?

28 Декабря 1821.

И.

~~~~~

Я ЭТОГО ОЖИДАЛА.

“Точно шакъ, сударь—говорила осмидесятилѣшняя Гжа *N. Гну M*, кошорому было шеспдесяшь семь лѣшь — почно шакъ, я *этого ожидала* мое любимое слово съ давнихъ временъ. Осмнадцати лѣшь я была не дурна и понравилась Линвалю ...но черезъ полгода онъ измѣнилъ мнѣ. Я *этого ожидала*, и не огорчалась измѣною. Тешушка научила меня разпознавашъ мужинъ, и я узнала, что они вѣпрены, непостоянны, обманчивы *), и всякая привычка, всякое постоянное наслаждение, даже прекраснымъ, для нихъ несносны. „

“Тешушкѣ очень хощлось выдать меня за мужъ. Эпо и мнѣ было не прошивно. Мнѣ всегда пвѣрдили, что *милѣ горестъ двулибъ, телибъ радость одному*, и я вышла за мужъ за избраннаго шешушкой человека. Онъ былъ изъ хорошей фамилии и довольно богатъ; но пуспившись въ каршежную игру, проигралъ все свое

---

*) Право не всѣ. *Изд.*

соспояніе и спалъ прѣбывашъ моихъ денегъ. *Я этого ожидала*, и рѣшишельно отпказала ему. Пошли неудовольствія, ссоры, упрѣки и наконецъ мы развелись. *Я этого ожидала* и не огорчилась. Не печалилась даже, узнавъ о его смерти, которая случилась вскорѣ послѣ нашего развода...*Я всегда ожидала*, что спраситъ къ игрѣ погубитъ его — и онъ убитъ на дуэль, кажешся, за червонную девашку *).,,

“Я сожалѣла только о сынѣ моемъ, котораго онъ помѣспилъ въ какое-то простое училище и подъ чужимъ именемъ.. но я узнала, гдѣ онъ, хотѣла взятьъ его къ себѣ, но уже поздно было... вмѣстѣ съ двумя своими поварищами онъ убѣжалъ изъ училища и опредѣлился на корабль къ одному корсеру.,,

“*Я ожидала*, что съ нимъ случится что нибудь подобное; но не могла не оплакивать эту потерю — шемъ болѣе, что несмотря на всѣ мои поиски я ничего не могла узнать о немъ.,,

“Я осталась вдовою; шешушка, боль-

---

*) Добро бы за даму, а шо за девашку!! *Изд.*

ная и дряхлая, скончалась. Я этого ожидала и занялась приведениемъ въ порядокъ своего имѣнія. Ко мнѣ собиралось нѣсколь- ко коропкиихъ приятелей, друзей — и тѣ оставили меня, когда я принуждена была въ половину уменьшить мои расходы, пошому что деревни мои сгорѣли... Съ тѣхъ поръ живу я, ничему не удивляясь — и при всякомъ непріятномъ случаѣ швержу: я этого ожидала. Вы, господинъ морякъ, вѣрно согласишесь со мною; вы сполько видѣли и испытали, что для васъ шакже вѣрно ничего нѣтъ чрезвычайнаго и неожиданнаго.,,

— Это справедливо опчаспи, сударыня! Но поговоримъ о вашемъ сынѣ. Не случилось ли мнѣ встрѣчать его во время моихъ походовъ? Въ копоромъ году онъ родился? — “Въ 1758., — Гдѣ вы жили въ это время? — “Въ Нюрнѣ., — И шамъ вашъ мужъ опдалъ его въ училище? — “Нѣтъ, въ Ларошелѣ., — Какое имя дано ему при рожденіи? — “Марціаль., — Такъ, шочно шакъ! Онъ служилъ у одного славнаго корсера, копорый, умирая, опказалъ ему свое имѣніе, свою дочь, свое имя и свой корабль. Онъ продолжалъ свои разъѣзды;

овдовѣль, наскучилъ морскою жизнію и приѣхаль въ Парижь, спокойно наслаждаешься плодами трудовъ своихъ. — “Такъ вы его знаете?,, — Очень! — “Гдѣ же онъ?,, — Передъ вами! — “Вошь этого я никакъ не ожидала!,,

(изъ *Journal des dames.*) I.

МЫСЛИ, ХАРАКТЕРЫ, ПОРТРЕТЫ И КАРТИНЫ ИЗЪ СВѢТСКОЙ ЖИЗНИ.

А. Здравствуй, мой милый! Очень радъ, что я вижу тебя! А я сей часъ опъ Князя! Онъ опъ меня въ восхищеніи! Коспаши ... нельзя ли въ воскресенье приѣхашь ко мнѣ на дачу запросто опобѣдашь?

В. Не возможно! Никакъ нельзя! Я долженъ бышь къ завтраку у Баронессы ... вошь и письмо ея ... прочти! Не правда ли что она прелесно пишетъ? Я обѣщался, но съ условіемъ, что прежде заѣду къ Маркизѣ, а къ обѣду ... я у Графини! Непремѣнно! Послѣ обѣда опяшь невозможно: въ 8 часовъ я ѣду къ Княгинѣ, у которой будешь домашній спектакль и гдѣ я необходимъ! Ты видишь, что въ воскре-

сенье нѣтъ у меня свободной минутокъ; но въ другое время — я весь къ своимъ услугамъ.

Хошите ли знать кто эти господа, которые имѣютъ такое блестящее знакомство? А. известный портной — В. модный парикмахеръ.

“Не правда ли, Эрнестина, что Аглая всегда одѣта какъ-то бѣдно? что ея плащѣ всегда такъ обтянуто? Сравни съ моими плащами... они того же покроя, но какая разница!.. — Не знаю; но мнѣ кажется, что ваши плаща одинаковы... я даже увѣрена, что у васъ одинъ портной. — “Чтожь? Это совершенная правда! У насъ одинъ портной; отъ того-то я и знаю, что ея плаща бѣдны... мы одного роста; но я даю на свое плащѣ 12 аршинъ, а она 9 — что ты скажешь послѣ этого?,,

---

Одинъ изъ Французскихъ драматическихъ писателей писалъ въ Комиссѣ Французскаго Театра свою новую Комедию, гдѣ главнѣйшимъ дѣйствующимъ ли-

цемъ была дѣвица М ... Казалось, она слушаешь чпеніе со всею вниманіемъ... вдругъ прерываетъ слова Авшора восклицаніемъ: “безподобно! безподобно!,, — бѣжитъ къ зеркалу и начинаешь накалывашъ на голову барежевый плашокъ. — “Продолжайте! продолжайте! — говоритъ она Авшору — съ самага начала вашей пѣсы думала я о головномъ уборѣ, въ кошоромъ покажусь въ первое предспавленіе, и наконецъ выдумала его... вы увидите, какъ онъ будетъ мнѣ къ лицу!,,

---

Во время предспавленія новаго Водевиля одинъ Актеръ пропѣлъ прекрасный романсъ, въ кошоромъ изьяснялъ любовь свою. Паршеръ закричалъ: *фора!* Любовникъ обращается къ своей любовницѣ и говоритъ ей: “развѣ ты меня не слышала?,,—Я очень слышала, отвѣчала Актриса; но ты знаешь, что намъ всегда припшно, когда повпоряютъ о любви. — И любовникъ начинаешь снова свой романсъ.

Вчера зашелъ я къ своему припшелю и заспалъ его въ большихъ хлопощахъ:

онъ приготошьялся къ балу, кошорый да-
ешъ обыкновенно въ день своего рожденія.
Люди его суепились, бѣгали, напирали по-
лы. “Но что это значишь? спросиль я его.
Для чего разчершилъ шы весь полъ шво-
ей залы и разбилъ его въ квадрапы?,, —
Для шанцовъ.—“Для шанцовъ?,,—Да, шы
видишь, что зала не велика, а шанцюю-
щихъ будешъ много, по я и разчишываю
шеперь, какъ ихъ помѣспишь? —

“Знаешъ ли, моя милая, сколько чело-
вѣкъ было у насъ съ визипами на праздни-
кахъ?,,—Шестдесять? пяддесять?—“Спо
двадцашъ два!,,—У меня было вдвое болѣ
въ прошедшемъ году...а шеперь?..осмнад-
цать!—“А! да! швой мужъ уже болѣ не..,,

Гжа С. и Гжа Л. родныя сеспры: обѣ
прекрасны собою, любезны; но послуша-
юшь совершенно различно другъ опъ друга.
Гнъ Д., ихъ дядя, говоря имъ о шомъ, хо-
шѣлъ подкрѣпитъ свои замѣчанія доказа-
тельшвами. Для чего, сказалъ онъ, шы,
Эрнеспина, всегда первая приѣзжаешъ на
балъ, а шы Луиза обыкновенно послѣ

всѣхъ? Надобно, чшобъ одна изъ васъ была права.—Я пошому приѣзжаю первая, чшо нынѣшніе молодые люди (вы сами знаете) шолько и думающъ о карпахъ. Если я заранѣе не удержу около себя знакомыхъ кавалеровъ, шо должна буду просидѣшь на одномъ мѣстѣ во все продолженіе бала.—“А я, приѣзжая послѣ всѣхъ, имѣю, дядюшка, шу выгоду, чшо свѣжестъ моего лица и головной уборъ шопчасъ опшличающъ меня опъ прочихъ женщинъ, у кошорыхъ прическа уже разбилаь, плашье измялось, лица раскраснѣлись.,— Вы обѣ правы.—

“Ахъ, Боже мой! шешушка! какъ нееносны эши блестящіе вечера!.,—Чшо эшо значить? Не забудьте, чшо вы уже не дѣвочка и чшо пора приучашься вамъ къ большому свѣшу.—“Но, шешушка, признайшесь, чшо нѣтъ никакого удовольствія сидѣшь два часа, не сходя со стула. Брашу все еще лучше; онъ шшощитъ съ другими мужчинами и можешъ, по крайней мѣрѣ, разговаривашъ; но мы...,, —Привыкнешъ! Вчера вечеръ у Графини Д. развѣ былъ не великолѣпный? 120 муж-

чинъ спояли, бо дамъ сидѣли; роскошь
чрезвычайная, освѣщеніе ослѣпительное!
Чего еще не доспавало? —

“Помнишь ли ты, моя милая, о моей
глазной болѣзни, вскорѣ послѣ нашей
свадьбы? „

—Такъ помню, что изъ страха тебя
обезпокоишь я при дни никого не при-
нимала и сама никуда не ѣздила.—

“Но знаешь ли, что я также болѣнь
былъ тогда, какъ и теперь? — И не глаз-
ная боль меня мучила, а...ревность! Про-
спишь ли ты меня?

—А помнишь ли ты, мой другъ, по-
чпи въ то же время болѣла у меня но-
га? —

“Очень помню..ты такъ хромала, что
едва могла пересступашь по комнапѣ.,,

—Ничего не бывало...мнѣ только хо-
пѣлось, чтобъ ты купила карешу ... ты
прощаешь меня? —

“Такъ послушай же: признаюсь тебѣ,
что въ досадѣ на свои причуды, я, подѣ
предлогомъ грудной болѣзни, уѣхалъ на во-
ды....Я раскаяваюсь, очень раскаяваюсь.,,

—Хочу быть также ошкровенною и скажу шебѣ, что боль въ рукѣ, которая мѣшала мнѣ опивѣчать на твоей письма... эта боль...никогда не существовала...Мнѣ совѣспно...я готова плакать. —

“Оставимъ это, милая Клара! Обойми меня! Проснимъ взаимно другъ друга; но пусть оспанутся между нами наши признанія; зачемъ подавать такіе при-мѣры?;”

Осинадцати лѣтъ ѣдутъ на балъ; танцуютъ шамъ, веселятся, блаженспвуютъ—въ *двадцать пять* лѣтъ ѣдутъ на балъ; но танцы уже наскучили; играютъ въ каршы, проигрываются, скучаютъ, уснаютъ.

Тридцати лѣтъ женятся; ѣдутъ на балъ, чшобъ показашъ шамъ свою жену. Эшого пребуешь супружеская обязанность—но какая обязанность приятна?

Въ *сорокъ* лѣтъ подспрекаешь чешполубіе—и ѣдутъ на балъ, чшобъ увидашся съ вельможами, поговорить, попросишь...

Въ *пятьдесятъ*, въ *шестьдесятъ* лѣтъ ѣдутъ на балъ. Надобно искашь хорошей

партіи для дочерей, просишь о покровительствѣ сыновьямъ, заставляешь думать, что вы еще не дряхлы, и что еще рано отказываться отъ свѣта; и такъ всю жизнь *вздятъ на балъ*.

Какъ хорошо *оснадцатилѣтней* дѣвушкѣ, когда у нее есть сестры *лѣтъ десяти и дѣнадцати!* Она пользуется одна всѣми нарядами, всѣми приглашеніями: сегодня въ театръ, завтра на балъ; а сестры сидятъ дома, швердятъ Крамерову сонату, или рисуютъ головки; но приходишь ихъ очередь—имъ исполнелось *оснадцать лѣтъ*; онѣ веселятся, а бѣдная старшая сестра? Ей уже *двадцать шесть лѣтъ*, и она не замужемъ! Она страдаетъ безпрестанно головою болью, все ей скучно, все досаждаютъ ей...пошли ссоры, неудовольствія ... Какъ же избѣгнеть ихъ? Это дѣло отцовъ и матерей, которыхъ должны спрашивать какъ можно скорѣе выдавать замужъ старшихъ дочерей своихъ. Не правда ли *)?

---

*) Что за коммиссія, Создатель,

“Мужь мой, сказала мнѣ Гжа Р. прекрасный; человекъ; но я сравниваю его съ нравоучительною книгою: прочитавъ ея названіе, я поспѣхъ знаю все, что въ ней есть и, чтобъ не соскучишься, не прикасаюсь болѣе къ ней.”

“Довольно, довольно! — говорила на дняхъ одна дѣвица убиравшему ее парикмахеру — оставьте меня; я и безъ васъ наколю пирлянду ... будьте спокойны и спускайте поскорѣе къ маменькѣ. Если она сама уберетъ свои волосы, то на нее нельзя будетъ смотрѣть безъ ужаса; мнѣ всякой разъ стыдно, когда мы вмѣстѣ съ нею выѣзжаемъ; спускайте, спускайте и скажите ей, что если и сегодня будетъ смѣяться надъ ея прическою, то я никуда болѣе не покажусь съ нею.”

“Довольно и предовольно! (говорилъ

Быль взрослой дочери онцомъ!
 (См. въ Русской Талии опрывокъ изъ Комедіи: *Горе отъ ума.*)

одинъ молодой человекъ другому) поѣдемъ Гусшавъ! Я не могу болѣе танцовать и уснуть, какъ собака., — Не возможно: се-спра-ангажирована на копилонъ, а ба-пюшка еще за виспомъ. — “Спанемъ же играшь въ карпы? — У меня нѣтъ денегъ. — “Чтожь дѣлать?...Постой, кажешся, въ маленькой госпиной естъ спепенная да-мы., — Такъ чтожь? Онѣ посовѣшуютъ намъ танцовать; подрѣмлемъ лучше и дождемся спокойно конца веселья, копо-рое спановишся несноснымъ. —

“Увы!—говорить Гжа С.—есть дни, копорыхъ мы непрерывно ожидаемъ; есть дни, копорыхъ мы боимся — а они всѣ приходятъ своимъ порядкомъ.,”

“Поздравляю тебя, мой другъ! ты же-нишься на Лорѣ?,”

—Кто это тебѣ сказалъ?

“Публика! ,”

—Публика самая невѣрная газета. —

“Но развѣ ты самъ не говорилъ мнѣ, что Лора очень выгодная невѣста, и ты предполагаешь...,”

МЫСЛИ.

Два сильные характера рѣдко могутъ любить другъ друга. Чтобы не испытывать безиреспанныхъ полчковъ, надобно одному быть какъ можно далѣе отъ другаго. Умы сходящаяся, но характеры почти никогда умъ спавитъ человека въ классъ общесива — характеръ опредѣляетъ ему мѣсто въ классѣ.

*

Желаніе нравиться есть желаніе быть новымъ, пошому что новосіе всего болѣе нравиться. Опкровенность есть крайняя степень новосіи. Необходимость быть всегда съ одними и тѣми же людьми производитъ спраннысѣ, или оригинальносѣ, кошорая переходитъ уже за границу опкровенности, но не переспаетъ управляюща желаніемъ быть, или казашься новою. Прежде опкровенности насъ уважающъ, во время опкровенности любящъ, послѣ опкровенности смопрящъ на насъ равнодушно; а наконецъ мы спавновимся въ шагосѣ, дѣлаемся скучными, несносными.

*

Каждый покупаетъ опытносѣ собсшвенно для себя и никогда не можетъ передать ее другому.

Кто хочет приобрести уваженіе, тотъ долженъ стараться быть впереди своего времени: большая часть влечется за временемъ; есть несчастные, которые далеко отстали отъ своего времени.

*

Сила мыслей, или чувствъ, какъ электрическая искра, мгновенно пронизаетъ самую холодную душу. Герой однимъ словомъ превращаетъ робкихъ въ неуспрашиваемыхъ; Поэтъ переливаетъ намъ свое воображеніе и возвышаетъ душу; Ораторъ увлекаетъ краснорѣчїемъ. Но съ другой стороны пылкія души засыпаютъ въ кругу обыкновенныхъ людей; внезапные порывы почитаются сумасбродствомъ и часто гени угасаютъ безвозвратно.

*

Кто виноватъ болѣе въ ссорѣ: тотъ ли, кто сказалъ нескромность, или кто не умѣлъ показать, что она его не оскорбила? Быть осторожнымъ во всякомъ случаѣ трудно; но гораздо труднѣе управлять движеніями души и османавливать ея порывы.

*

За каждый поступокъ мы впрое награждены, или наказаны: 1) въ чувствахъ

того, кому мы сдѣлали добро, или зло; 2) въ мнѣніи другихъ, знающихъ о нашемъ поступкѣ, и 3) въ собственномъ удовольствіи, или неудовольствіи.

*

Гордость есть мишура, которою хопяшь замѣнишь золото. — Настоящее же золото можно сравнить съ истиннымъ достоинствомъ.

*

Твердость души и опчаяніе суть два пропивныя другъ другу качества. Твердый человекъ ставитъ себя выше самаго себя и какъ будто переносится въ другой міръ, откуда наблюдаетъ за собою, какъ за другимъ человекомъ, который по своей слабой природѣ долженъ нѣсколько спрадать. Опчаянный пресмыкается по земли; говоритъ, что онъ несчастливъ тогда, когда шѣло его полько не пользуется нѣкоторыми удобствами жизни, и часно не имѣетъ силы перенести минутныхъ спраданій. Первый безъ ропота покоряется обыкновенному, но непонятному ходу происшествій цѣлой вселенной, погибаетъ и улыбается при мысли, что слѣдуетъ порядку единожды на

всегда успроенному. Впорый желалъ бы, чшобъ для него одного измѣнился сей порядокъ, и малодушіе его созидаешъ бѣдспвія шамъ, гдѣ шолько не исполняюпися его желанія.

*

Умъ ешть — дерево; различныя свѣденія — вѣшвыи. Если срубисшь вершину— вѣшвыи распроспраняюшся и дѣлаюшся шѣнисшѣе, пошому чшо всѣ соки обрашчаюшся къ нимъ. Напрошивъ, если опсѣчь вѣшвыи—дерево поднимается до чрезвычайной вышоты—соки не раздѣляюшся и обрашчаюшся къ вершинѣ.—Чрезвычайная вышота деревъ привлекала бы громы, лишая между шемъ шѣни окреспныя долины; но для порядка и успройсшва общеспвеннаго необходимо, чшобъ вышота дерева пожершвована была величинѣ и числу вѣшвей.—Чшобъ бышъ полезнымъ въ общеспствѣ, надобно избрашъ какую нибудь вѣшвь; но чшобъ наблюдашъ природу, любишъ добродѣшель и мудросшь, нужно бышъ на вершинѣ дерева. Равенсшва въ природѣ не можешъ бышъ: одно дерево

ниже, другое выше ; одно имѣеть болѣе , другое менѣе шѣни.

*

Всѣ вещи раздѣляются на необходимыя, полезныя и служащія для роскоши. Познанія чловѣка должны имѣть поже раздѣленіе.

*

Люди слишкомъ большіе егоисты, чѣмъ дѣлають зло.—Невольнo повпоряетсѣ въ глубинѣ ихъ сердца священное правило Хрисііанской Религіи: *не дѣлай того другому, чего себѣ не желаешь*. Одно невѣжество заглушаетъ сіе правило *)).

*

Несправедливо говорятъ: *мы сдѣлали зло*; должно говорить: *мы истинны*, ибо нѣтъ дѣйствія безъ причины. Иногда она такъ ничтожна, что трудно опредѣлить се.—Это должно заставить насъ быть внимательнымъ къ нашимъ поспункамъ.

*

Всѣмъ извѣстно ѣдкое выраженіе Фридриха II на счетъ Вольпера, съ копорымъ онъ разладиль. *Выжавъ сокъ изъ*

---

*) Не спраспи ли полно? Изд.

лимона, я бросаю корку.—Зачемъ же жаловаться на несправедливосшь людей, если они поступающъ съ нами, какъ съ корками?

*

Не безъ цѣли оказываемъ мы предпочтеніе дарованіямъ передъ невѣжесшвомъ: они могушь бышь намъ полезны.

*

Многіе имбюющъ слабосшь вѣришь, что имъ вѣришь.

В. С. ф—тъ.

~~~~~

Объявленіе о концертѣ.

Въ слѣдующій Вторникъ, 24 ч. сего Февраля, въ залѣ Филармоническаго Общесшва, что у Казанскаго моста въ домѣ Кусовникова, данъ будетъ въ пользу Г. Морейскаго весьма хорошій большой, вокальный и инструментальный концертъ.

Часть первая.

1. Симфонія.
2. Г. Морейскій будетъ играть на форпиано концертъ К. М. Вебера, сочинителя прызвѣстной и превосходной Олеры: *Вольный Стрѣлокъ.*
3. Гжа Иванова будетъ пѣшь арію,

4. Г. N. N. (опличный виршуозъ, давно уже извѣспный своимъ шаланшомъ здѣшнимъ любипелямъ музыки) будешъ игратъ на скрыпкѣ концертъ Лафона.

Часть вторая.

5. Симфонія.
 6. Г. Мюллеръ будешъ игратъ на віолончелѣ концертъ, соч. Мейнгарда.
 7. Г. Римъ будешъ пѣшь арію Моцарша.
 8. Г. Морейскій будешъ игратъ на форшопіано концертъ Калкбренера.

Начало въ 7 часовъ. Билешы по 5 р. получашъ можно въ большой Морской, въ музыкальномъ магазинѣ Г. Пеца, на кварширѣ Г. Морейскаго, въ Сергіевской улицѣ въ домѣ Подполковника Калачова, а въ день концерша въ филармоническомъ залѣ.

Омонимъ, помѣщенный въ VII Но зна-
 чить: *Голова* (членъ шѣла и званіе по вы-
 бору.)

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° IX.

ИСКАНИЕ КЛАДОВЪ НА КАНУНЪ ИВАНОВА
ДНЯ.

(Отрывокъ изъ повѣдки въ В. Л.)

Воспомявая старину, празднуютъ здѣсь канунъ Иванова дня. Въ 10 часовъ вечера вышель я въ поле, откуда подымался густой дымъ—цѣлыя бочки со смолою пылали яркимъ пламенемъ; костры дровъ и кустарники можжевельника съ прескомъ горѣли и дымъ разстилался вдали. Многочисленныя толпы народа бродили вокругъ огня; иные прыгали и веселились; другіе сидѣли въ кружкѣ и пѣли шумныя пѣсни; веселіе царствовало всѣду. Обычай сей очень древень и беретъ свое начало отъ времени языческихъ. Несмотря на распространившуюся давно уже здѣсь Христіанскую вѣру, чуждую суевѣрія, еще и донинѣ много сохранилось обрядовъ языческихъ, которые переходящъ изъ роду въ родъ, и чѣмъ далѣе отъ столицы, тѣмъ

въ болѣшемъ количествѣ, и съ болѣшими спранноснями, хопя правилельство и присмаприваетъ нѣсколько за эпимъ.

Въ сей же вечеръ ишутъ кладовъ, которые, по мнѣнію народа, предспавляюпся въ разныхъ видахъ: иногда бѣгаютъ кабаномъ, оленемъ злшпорогимъ, черною кошкою, и проч. и проч. — Надобно замѣнить, что кладъ по большой часпи удаешся одному человѣку.—Я пошелъ попыпатъ своего счастья, или лучше сказатъ посмѣяшся надъ суевѣріемъ народа.

Ночь была прешемная; хопя луна и проглядывала изъ за облаковъ. Я вошелъ въ лѣсъ и спалъ подъ деревомъ; вблизи и вдали по полю бродили разсѣяннo зажженныя фонари — вѣшеръ не вѣялъ, листъ не колыхался; только изрѣдка галки перекликались на дубахъ. На правой сторонѣ отъ меня, на берегу, ручья лежипъ большой камень, гдѣ по преданію сокрыто несмѣшное богатство. Почтенную древность сей швердой глыбы часто нарушало человѣческое корыстолюбіе, часто, часто подрывали его; но все щещино—и камень, кажешся, говорилъ: *напрасно меня беспокоите, напрасно ищете того, тего не положили.*

Но что это? Кто-то приближается медленными шагами съ поникшею головою; въ одной рукѣ щупь *), въ другой шускло горящій фонарь. Черная фигура, какъ привидѣніе, шла тихо къ камню, часно оспанавливалась, смотрѣла на луну, подымала вверхъ фонарь и, кажешся, съ ужасомъ осматривалась.

Мнѣ пришло въ голову подшутить— фигура была опъ меня еще въ десяти шагахъ; не далеко опъ камня она оспановилась въ нерѣшимости. Топчасъ ложусъ на землю и глухо говорю: *сюда!* Фигура опъ спрахъ ничего не отвѣчала, но примѣнно было дрожаніе фонаря. *Перекрестись три раза, продолжалъ я, отерти себя кругомъ, не говори ни слова, и ежели сдѣлаешь назадъ хотя одинъ шагъ, то умирешь!* Фигура повиновалась. — *Приблѣжься къ камню и то тебѣ представится, ударъ три раза щуполъ и скажи: аминь!* Фигура подходилъ къ камню, спа-

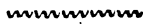
*) Остроконечный желѣзный пруть, которымъ пробууютъ землю при исканіи кладовъ, шакже употребляютъ на кладбищахъ предъ вырышіемъ могилъ и проч.

вишь на него фонарь, кресипись при
 раза, переходишь на другую сторону кам-
 ня, смотришь вниз съ удивленіемъ и у-
 жасомъ, потомъ ободряешся, заносишь
 шупъ и спускаешъ преплошный ударъ. —
 “Кшо шупъ? „, возкликнулъ незнакомый
 голось при подошвѣ камня. Фигура ош-
 скакиваешъ, я и самъ, признаюсь, нѣсколь-
 ко испугался—и не смѣлъ пошевелипись.—
 Въ ожиданіи чего нибудь необыкновенна-
 го приподнялъ я голову; фигура креси-
 лась и шепшала молишву; я былъ въ ша-
 комъ изумленіи, что никакъ не могъ по-
 няшь кшо закричалъ; спрахъ мало пома-
 лу началъ проходить, и я думалъ, что это
 игра разгоряченнаго воображенія, но и
 фигура слышала голось, Развѣ не поза-
 бился ли кшо нибудь, подобно мнѣ, надъ
 просшошою фигуры? Между шемъ, какъ я
 недоумѣвалъ и перядся въ догадкахъ, фи-
 гура, призывая всѣхъ свяшыхъ, подходитъ
 опяшь къ камню, опяшь замахиваешся и
 ударяешъ крѣпче прежняго, заключивъ сло-
 вомъ: *аминь!*—“Вошь я шебѣ дамъ аминь! „,
 вскрикиваешъ прежній голось громче
 прежняго. — Опяшь я изумился, но ду-
 малъ, что шупъ скриваешся нѣчто, при-

спально смошрѣль на камень и вдругъ изъ за него встаетъ человѣческій образъ.— Черная фигура кричитъ и опрометью убѣгаетъ. — Незнакомецъ съ яростию разбиваетъ фонарь и бросаетъ въ фигуру, гонимся за нею, испуская пьму ругательствъ. — И кто же это вы думаете? Привидѣніе, домовой, или лѣшій-хозяинъ клада? Нѣтъ, это былъ пьяный крестьянинъ, который заснулъ подлѣ камня, возвращаясь изъ города домой.

На другое утро сіе происшествіе съ ужаснѣйшими прибавленіями, разносится по городу, и всѣ не оглядываясь, бѣгутъ отъ камня, починая его жилищемъ злаго духа.

В. Т. р. ѱ. к. ѱ.

МАЛЕНЬКІЕ РАЗГОВОРЫ.

I.

Н. Н. Старуха.

(вскорѣ послѣ наводненія.)

Н. Н. Что вамъ, машушка, надобно?

Старуха. Батюшка! пришла къ вашей милоспи ... я бѣдная, несчастная!...

Н. Н. Да зачемъ же ко мнѣ? Теперь вѣдь еспь вездѣ Комисшеты для пособія разореннымъ ошъ наводненія...

Старуха. Ахъ, опецъ мой! *По грѣхалѣ нашили и воды-то у насѣ въ улицѣ не было!* —

2.

Н. и Вдова Побирашкина.

Побирашкина. Благодаршель мой! пожалуйше хопь чшо нибудь для праздника.

Н. Послушайше, Госпожа Побирашкина: я узналь ошъ досповѣрныхъ людей, чшо вы получаете за службу покойнаго вашего мужа пенсіонъ.

Поб. Получаю, опецъ мой, получаю, да великъ ли? Только шрисна рублей.

Н. Какія же вы неблагодарныя! А другія и съ дѣшми получаюшь еще менѣе, да благодаряпш за шо Бога ... Г. Добровъ вамъ ближній родспвенникъ по мужѣ?

Поб. Двоюродный браншъ былъ покойному, двоюродный браншъ, батюшка!

Н. Помогаетъ ошъ вамъ? Говорите правду: я все знаю.

Поб. Очень довольна его милоспью: снабжаетъ и деньгами и запасомъ.

Н. Зачемъ же паскаешесь вы, какъ нищая, изо двора во дворъ, когда имѣете нужное содержаніе?

Поб. Ахъ, бапюшка! да *хоть на свѣчку* *) и на табакъ ...

3.

Дама и смейство Бѣдняковыхъ.

Дама. Здѣсь живеть Бѣдняковъ, о которомъ объявлено въ Журналъ?

Бѣднякова. Здѣсь, сударыня! ... а смѣю спросишь, что такое объявлено? Вѣдь онъ не служащій и ни въ чемъ дурномъ не замѣшанъ, по кому до него какое дѣло?

Дама. Ну объявлено, что онъ бѣденъ и болѣнъ.

Бѣдн. Болѣнъ, мапушка, прешій уже мѣсяць, очень болѣнъ.

Дама. Лѣчишь ли кпо его?

Бѣдн. Лѣчишь, мапушка, часпный Лѣкаръ. Дай Богъ ему здоровье! Бываешъ

*) Свѣчку спавяшъ добрые люди на *трудо-
выея* деньги.

каждый почти день и свои лекарства приносишь.

Дама. Чем же вы живете?

Бѣдн. Когда здоровъ былъ, по находилъ себѣ кой-какую работу, писалъ, ходилъ по дѣламъ, а теперь вотъ шреній мѣсяць, если бы не дочь, по хонь умереть намъ съ голоду: она, мапушка, насъ кормишь, и день и ночь сидишь все за пишьемъ; всѣ свои хорошія плашья для насъ заложила.

Дама. Я помѣшала вамъ обѣдашь... Ахъ! Чшо эшо? Вы ѣдите *селедки*!

Бѣдн. Да, сударыня, сегодня пятница.

Дама. Бѣдны, а ѣдятъ селедки! Вѣрь Журналистамъ! Въ такомъ положеніи можно бы вамъ бытъ поэкономнѣе. Я знаю чшо спююшь селедки: я сама покунаю ихъ въ Милюпиныхъ лавкахъ.

Бѣдн. Да эшѣ селедки, сударыня, не изъ Милюпиныхъ лавокъ, а изъ мѣлочной лавочки. На грошъ шри даюшь. Эшѣхъ селедокъ, мапушка, вѣрно вы кушашъ не спанете.

Дама (отвѣдавѣ.) Фи! Голая соль!... Эшо чшо у васъ на окнахъ? Цвѣшны! деревья! а бѣдны! Много ли заплашили за эши горшки?

Бѣдн. Помилуйте, сударыня, намъ ли покупатьъ цвѣшны? Вошь эшо два лимончика выросли у насъ изъ сѣмечекъ, а бархатцы, шапочки поже сама Аннушка сажала.

Дама. Хорошо ли же шьешь своя Аннушка?

Бѣдн. Не годится сударыня. хвалишь въ глаза свое дитя, а нечего сказать мастерица: шьетъ самыя тонкія сорочки и всякое женское платье.

Дама. Такъ отдай ее къ Француженкѣ въ магазинъ...я могу рекомендовать... а сама поди хопъ въ ключницы.

Бѣдн. (со слезами). А больнаго-то мужа куда дѣшь, сударыня?

Дама. Какъ куда? Есть больницы!

Бѣдн. Да вѣдь всѣхъ больныхъ нельзя туда помѣспить..

Дама. Ахъ! какъ я замѣшкалась! Пора въ Англинскій магазинъ. Простите!

И.

■■■■■■■■■■

Места.

Гонимый своенравнымъ рокомъ,
 Я Нисой презрѣнь спалъ;
 Томясь, въ опчаяньи жестокомъ,
 Эропа обвинялъ;
 И въ темной роцѣ, вѣшерками
 Гдѣ шополи шумятъ,
 Я въ грусти—призывалъ слезами
 Киприду, машь оспрадъ.

•

Вдругъ—сѣнь зелена распупилась,
 Древесь пѣнистый кровъ,
 И тихо въ облакахъ спустилась
 Влеченьемъ голубковъ
 Блиспапельная колесница;
 По ней вились цвѣты . . .
 Тамъ...о воспоргъ! любви Царица,
 Богиня красоты.
 За ней рѣзмились и порхали
 Крылашые божки,
 Покровъ эфирный развѣвали,
 Бросали розъ вѣнки.
 Покровъ чудесный . . онъ казался
 Очарованьемъ глазъ;
 То вдругъ лазурью опливался,
 Злашѣлся какъ шопазъ ;
 Но лишь Зефиръ крыломъ повѣшетъ,
 Перемѣнялся видъ:
 То изумрудомъ зеленѣшетъ,

То яхонтомъ горипшь,
 Сама богиня...Я въ смущеньи..
 И зрѣшь ее не смѣль;
 Но шаяль въ сладкомъ восхищеньи,
 И сердцемъ къ ней лешъль.

*

Паль на колѣна я предъ нею!
 Свободу чувспивамъ даль:
 “Ты пронулась мольбой моею,
 Кипридѣ я сказалъ;
 Жестокой Нисы милымъ взоромъ
 Невольно побѣжденъ —
 Я, какъ Сиреной, разговоромъ
 Прияшнымъ обольщенъ.
 Не зналъ и самъ тогда несчастный,
 Какъ сердце въ плѣнь давалъ;
 Не убѣгая ошь прекрасной,
 Я вольность поперялъ!
 Люблю ее, забышь не знаю;
 Холодность лишь перплю,
 За поль, богиня, я спрадаю,
 Чшо слишкомъ я люблю? —

*

Богиня нѣжности внимала
 Съ улыбкой симъ словамъ,
 И къ сыну обращась, сказала:
 “Эрошь! швоимъ спрѣламъ.
 Ошмспишь красавицѣ надмѣнной,
 Смягчишь Аминша рокъ,

Иль свянепъ юноша влюбленной —
 Какъ осенью цвѣпокъ. ,,

*

Рекла—Еропъ злашой спрѣлою
 Къ полешу знакъ даешъ,
 И легкокрылые шолпою
 Лещяшъ Амуры въ слѣдъ.
 Воспоргомъ сердце шрепешало,
 Я видѣшъ Нису ждачь...
 Вдругъ роци предо мной не спало,
 Гдѣ былъ я, самъ не зналь.
 Звукъ слышу арфы .оглянулся,
 Еще былъ слышанъ онъ..
 Играла Саша, я проснулся —
 И написалъ мой сонъ.—

В. Федоровъ.

~~~~~

Узникъ.

Романсъ.

(Переводъ съ Нѣмецкаго.)

Брядай, о другъ мой неразлучной,
 О люшня, скорбныхъ другъ, брядай,
 Въ судьбинѣ горькой, злополучной
 Меня, спрадальца ушѣшай.

*

Лишенный сладостной свободы

Коварной злобою людей,
 Не зрю я прелестей Природы;
 Будь ты опрадою моей.

*

Въ сѣнахъ безмолвныя темницы
 Я вяну въ цвѣтѣ лѣтѣ молодыхъ.
 Увы! опрадный лучъ денницы
 Не веселишь очей моихъ!

•

Въ оковы брошенъ клеветною;
 Никто не посѣпшитъ меня:
 Лишь входишь грозный спражь порою,
 Молчанье мершвое храня.

*

Невольно руки проспираю
 При скрипѣ жалобномъ дверей,
 Мяшется сердце...я мечшаю
 Надежды лучъ въ душѣ моей...

•

Нейдешь ли Ангель — Избавишель?
 Не насвободуль воззовешь?
 Ахъ нѣтъ! — шо грозный спражь — мучишель
 Другаго узника влечешъ.

*

Я слышу: цѣпи налагаешъ,
 Гремишь ключами — за собой
 Запоръ на двери надвигаешъ —
 И я опяшь съ моей шоской.

•

Бряцай, о другъ мой неразлучной
 О люшня, скорбныхъ другъ, бряцай,
 Въ судьбинѣ горькой, злополучной
 Меня спрадальца ушѣшай.

—до—

~~~~~

МЫСЛИ И ХАРАКТЕРЫ, ПОРТРЕТЫ И КАРТИНЫ ИЗЪ СВѢТСКОЙ ЖИЗНИ.

Я всегда былъ хорошаго мнѣнія о тѣхъ людяхъ, которые вмѣсто того, что бы повсорять чужіе рассказы, освѣдомляюся прежде, справедливы ли они. Въпреные и злые люди, напрошивъ, обыкновенно начищаютъ разговоръ: *Ахъ! расскажите пожалуйста какъ это было?*

Гжа N..., которая въ свое время была прелесною женщиною, употребляетъ тысячи средствъ, чтобъ засавить забыть о своихъ пятидесяти лѣтахъ. Она безпрестанно напѣваетъ дѣшскія пѣсенки, шьетъ плащя своей обезьянѣ, занимается ею, какъ прежде занималась своею куклою: играя въ виспъ, или экарте, строитъ карточные домики.. Она первая являетъ въ инанцахъ; пошупляетъ глаза, когда слышитъ слово:

любовь, и читаетъ однѣ дѣтскія повѣсти и сказки.

Хотите ли непременно сбыть съ рукъ свое богатство? — Изъ тысячи средствъ вошь самая вѣрная:

Если вы не имѣете понятія о Химіи, откройте сахарный заводъ; если вы не шкачь, заведите полошняную фабрику; если вы не колдуете, играйте въ банкъ.

Ваши повѣренные, ваши прикащики и приятели, съ неимовѣрною скоростію пропускаятъ ваши рубли... сквозь свои пальцы, и ваши желанія исполняются.

Еслибъ Гжа Лафайетъ и Севинье были еще въ живыхъ, надобнобъ ихъ—попросить, чѣмъ онѣ согласились въ мнѣніяхъ своихъ о невѣрности.

Первая говоритъ: *прощаютъ невѣрность, но не забываютъ ее.*

А вторая: *забываютъ невѣрности, но не прощаютъ ихъ.*

Одна дама замѣтила при этомъ, что можно простить и не забыть; но что

ей кажется невозможнымъ забыть невѣрность, не простивши ее.

Мы согласны съ ея мнѣніемъ и мысль Гжи Лафайетъ гораздо справедливѣе мысли Гжи Севинье.

“Какъ зовущъ этого молодого человѣка?—Спросили въ театръ одну молодую дѣвицу.—Я не знаю.—“Не можете быть.,,—Увѣрю васъ.—„Послушайте же: въ прошедшій спектакль, онъ сидѣлъ въ креслахъ у самой вашей ложи, и во все продолженіе спектакля говорилъ о васъ; онъ знаетъ ваше имя—знаетъ, что вы прекрасно танцуете, что у васъ прелестный голосъ, знаетъ даже ваши любимые романсы...Согласитесь послѣ этого, что вы его знаете.,,—Совсемъ нѣтъ: я его видѣла какъ-то одинъ разъ у пещушки въ концертѣ; онъ разсматривалъ мою нотную книгу, на которой написано мое имя; по замѣченнымъ мною романсамъ, онъ узналъ ихъ, копорые мнѣ нравятся..Вотъ вся его наука! Вы думаете, что онъ мой знакомый, а вмѣсто того онъ не что иное, какъ любопытный болтунъ.—

Тѣ, копорые пишушь для публики, должны показывать свои произведенія друзьямъ, способнымъ ихъ судить. Сегре говоришь, что Ларошфуко присылалъ къ нему все, что ни писалъ, и пребывалъ, чинобъ онъ держалъ у себя его тетради пять, или шесть недѣль и подробно разсматривалъ какъ мысли, такъ и словосочиненіе. Есть мысли, копорыя были пересочинены болѣе придесяти разъ.

Амалія увѣрена, что ея будущій супругъ будетъ прекрасенъ собою, добръ, уменъ, щедръ; съ нимъ никогда не будетъ у нее споровъ о туалетѣ: онъ безпреспанно будетъ покупать ей обновы, будетъ думать только о ея удовольствіи и Амалія счастлива своею мечпою! Елиза, напросивъ, думаетъ, что ей назначенъ дурной мужъ — скупой, брюзгливый, неприступный. Она должна будетъ опказаться опъ баловъ, рѣдко станетъ выезжать въ театръ, совсемъ должна забыть о нарядахъ. Это не прелестное будущее—но Елиза имъ довольствуется!

Копорая изъ нихъ права?

Копорая думаетъ благоразумнѣе?

Въ большомъ свѣтѣ молодая дѣвица никогда не говоришь своимъ именемъ. Желаетъ ли, напримеръ, она, чѣмъ вы чаще ѣздили къ ней въ домъ? Она скажетъ: “маменька жалуется, что васъ совсемъ не видитъ!”, Хочетъ ли она замѣтить вамъ, что вашъ разговоръ ей понравился? “Папенька, скажетъ она, забылъ о всѣхъ дѣлахъ своихъ, говоря съ вами. ,,

Наконецъ, когда она увѣряетъ васъ, что вы нравитесь ей маменькѣ, что папенька ей говоритъ о васъ съ большимъ уваженіемъ, что братья ея вашъ другъ — будьте увѣрены, что она васъ любитъ.

Юлія спрасивно любитъ мужа и дѣтей своихъ. Однажды, упрямъ уѣзжаетъ она, не проспаясь съ ними, и ѣдетъ ... куда бы вы думали? — на кладбище!

У нее была дочь, которую она потеряла невозвратно; она хочетъ навѣстить ея гробницу ... это потребность ея сердца.

Приѣзжаетъ, плачетъ, вздыхаетъ, задумывается, назначаетъ себѣ мѣсто подлѣ любимаго дитяти.

Попомъ, бросаешь послѣдній взглядъ на хладный мраморъ, скрывающій ея счастье, и разсмаприваешь другіе памяшники, читаешь эпиграфи, крипикуешь стихи, думаешь о суешности человѣческой, садится въ карету, ѣдетъ мимо бульвара, встрѣчаетъ знакомыхъ, ѣдетъ къ нимъ обѣдать и оканчиваетъ въ шеапиръ день, начатый на кладбищѣ.

“Какъ, моя милая? вы изрѣзали свою шаль?,, — Какъ бышь! ... Она мнѣ наскучила — “Но чтожь вы изъ нее сдѣлали?,, — Передникъ для моей дочери. — “Не можешь бышь! вы шупите!,, — Совсемъ нѣшь! Она теперь въ такомъ пансіонѣ, гдѣ всѣ одинаково одѣшы; и это очень хорошо, потому что приучаетъ къ опряшности и опучаетъ опъ роскоши; но такъ какъ я хочу, чтообъ моя Елиза опличалась опъ другихъ, несмотря на платье одинакое съ другими, то я и надѣлала ей понкихъ банисшовыхъ косыночекъ, а изъ черной шали сдѣлала для нее вседневный передникъ, —

“Что это вы мнѣ принесли?», спросила Гжа N ... книгопродавца: — Сочиненіе вашего супруга, сударыня! — самое послѣднее и великолѣпное изданіе.— ‘Какъ? мой мужъ сочинитель!’,—Поэшь, сударыня! — “Я думала, что онъ писалъ только для меня кой-какія пѣсенки ... но вошь я вижу множество разныхъ стиховъ посвященныхъ разнымъ дамамъ; что это значишь? (*Мужъ входитъ*).— Я шебѣ все это объясню, моя милая! — “Очень рада! Говорите: кшо эта Евфрозина?.,—Ты.—“Эта Луиза? эша Амалія?.,—Опяшь ты! ... хвалишь свою жену пакже смѣшно, какъ и посвящаешь книги ошсшавному вельможѣ; а пошому я и перемѣнилъ имена ... — “Въ самомъ дѣлѣ это правда; я узнаю стихи... (*къ книгопродавцу*) это изданіе, сударь, дѣлаешь вамъ много чести!.,

Пора разѣзжаться по дачамъ и деревнямъ; кареты поданы; купецъ говоритъ своему кучеру: спунай въ *мой замокъ* ... Танцовщица: спунай въ *мою деревню* ... Герцогиня: спунай въ *загородный домъ*.

О Гжѣ *N.* говоряпъ, будшо бы она вѣ-
 прена . . . зато какъ она любишь свою
 дочь! Если она у живописца, по нахо-
 дишь свою дочь во всѣхъ хорошихъ личи-
 кахъ на портретахъ; на бульварахъ, встрѣ-
 чаясь съ красавицею, она говоришь, что
 красавица одѣта точно такъ, какъ ея
 дочь.—На дняхъ были мы вмѣстѣ съ нею
 въ Оперѣ, и Веспалка пѣла точно такъ,
 какъ ея дочь; попомъ въ балетѣ: *Нина*,
 она вдругъ заплакала . . . — Что съ вами
 сударыня?—“Ахъ! опвѣчала она, со мною
 нѣтъ моей дочери: она точно такъ ша-
 цуетъ гавопъ! „

Всѣмъ извѣстна опряпность и чи-
 спона Голландцевъ въ самыхъ мѣлочахъ.

Г. М. Голландецъ напрасно искалъ
 во всемъ Парижѣ слуги, копорый бы ему
 годился . . . Наконецъ ему рекомендуишь
 одного, копорый славился испыпанною
 опряпностию. Прошло нѣсколько дней и
 все шло хорошо; но *Г. М.* спросилъ свою
 проснь. Осипъ приносишь ее—на кану-
 нѣ шель дождь.—“Осипъ! ты мнѣ болѣе
 не надобенъ! ищи себѣ другаго мѣспя.,,—

Помилуйте, сударь! что я сдѣлалъ?—“Ты не обчислилъ наконецника моей прости.,,

В.

Св Франц. I.

Анекдоты.

I.

Кто-то принесъ къ Лессингу въ рукописи сочиненіе свое, которое намѣренъ былъ издашь въ печать, и просилъ его сказать мнѣніе свое о достоинствѣ книги. — Черезъ нѣсколько времени онъ явился къ нему. “Что скажете о моемъ сочиненіи?,, — Въ немъ, отвѣчалъ Лессингъ, много новаго и прекраснаго: жаль только, что новое не прекрасно и что прекрасное не ново.,,

2.

На публичномъ экзаменѣ, одинъ Лейпцигскій Профессоръ говорилъ рѣчь, въ которой между прочимъ примѣчательно было слѣдующее: “если бы явился пеперъ между нами Сократъ и увидѣлъ успѣхи просвѣщенія въ Европѣ — но что говорю въ Европѣ?—въ Германіи — но что говорю въ Германіи?—въ Саксоніи—но что говорю въ Саксоніи? въ Лейпцигѣ—но что говорю въ

Лейпцигъ? — въ здѣшнемъ Университетѣ — по смиренно усѣлся бы между нашими слушателями и скоро оставилъ бы увѣренность свою, что онъ ничего не знаетъ.,,

С. ф. ть.

~~~~~

Книжная Извѣстія.

• 1

Переводъ *третьей части Олировой Илиды*, служащей продолженіемъ изданія Греческихъ классиковъ, оппечашанъ, и продается во всѣхъ Санктпетербургскихъ и Московскихъ книжныхъ лавкахъ и магазинахъ, и въ моей квартирѣ, на Вас. Оспр. между 9-ю и 10 линиями, по Невѣ, въ домѣ купца Косиковскаго подъ No 82. Цѣна третьей части: на одномъ Рус. языкѣ, 12; на Рус. съ Греческимъ текстомъ, 17 рублей, въ цвѣтной бумажкѣ.

Подписка на сіе изданіе продолжается въ тѣхъ же мѣстахъ. За изданіе 1823, 1824 и 1825 годовъ платяшь: съ Греческой подлин. 125; на одномъ Рус. языкѣ, 67: за одинъ 1825, съ Греч. 53, безъ Гр. 17 рублей.

При семъ имѣю честь извѣстить Гг. любителей Божаники, что въ теченіе се-

го же года издана будетъ мною книга, принятая Минисперсшвомъ Просвѣщенія для упошребленія въ училищахъ: *Genera plantarum, Роды растѣній*, составленная мною по системѣ *Линнеевой*, усовершенной *Персономъ* и для училищъ изданной за моими поправками. Она расположена по алфавиту и есть словарь, служащій нѣкошорымъ образомъ прибавленіемъ къ моему *Техно - Ботаническому Словарю*, напечатанному въ 1821 году, въ коемъ всѣ названія *видовъ*, или *породъ растѣній* (*Speciesum plantarum*) уже переведены, вмѣстѣ съ прочими техническими терминами, упошребляемыми въ Ботаническихъ сочиненіяхъ. Словарь сей состоитъ изъ двухъ отдѣленій: первое начинаешся съ *Латинскихъ* именъ и *Русскаго* ихъ перевода; послѣднее, съ *Русскихъ* и *Латинскаго* перевода. Въ семъ Словарѣ желательнo было устанoвить на нашемъ языкѣ родовыя названія растѣній, споль многоразлично переводимыя, и перевести вновь принятыя *Ботаниками* наименованія родовъ. Въ первомъ отдѣленіи послѣ каждаго *Латинскаго* именованія рода и *Рус.* перевода онаго назначенъ классъ, къ кошорому родъ относится; изложено производство каждаго названія рода, означено число *видовъ*, или *породъ* каждаго рода, извѣстныхъ донынѣ, по показаніямъ какъ *Персона*, такъ и *Штей-*

дѣля, новѣйшаго и самаго полнаго *Ноленн-латора*. При названіяхъ родовъ, занявшихъ опъ собспвенныхъ именъ Бопаниковъ и другихъ ученыхъ мужей, означено, какими наипаче сочиненіями они извѣстны.—Планъ и употребленіе сего Словаря подробнѣе изложены будущъ въ предисловіи къ оному.—Подписная цѣна книгѣ, въ цвѣшной бумажкѣ, 5 рублей. Объ ошпечашаніи оной объявлено будещъ чрезъ періодическія изданія.

Иванъ Мартыновъ.

2.

Спѣшимъ, хопя не множокъ и опоздали, извѣстивъ любителей опечеспвенной Поэзіи, что новая Поэма А. С. Пушкина, или, какъ сказано въ заглавіи книжки, *Романъ въ стихахъ*, или первая глава Романа: *Евгеній Онѣгинъ*, ошпечашана и продаещся въ книжномъ магазинѣ И. В. Сленина, у Казанскаго моста, по 5 р. а съ пересылкою по 6 р.

О цѣломъ романѣ, особливо о планѣ его и о характерахъ, изображаемыхъ въ немъ лицъ, судивъ по одной главѣ не возможно. Ишакъ скажемъ только о слогѣ: Разказъ превосходенъ: вездѣ видна непринужденность, веселость, чувствво и каршинная Поэзія *).

---

*) *Описывать мое же дѣло—говорить Со*

Спихосложеніе (Versification) превосходно: молодой Пушкинъ давно уже занимаешь почетное мѣсто между лучшими нашими версификаторами, число копорыхъ и шеперь еще, къ сожалѣнію и къ удивленію, не такъ-то велико.

Пользуясь *сб* *улыбренностію* правомъ Журналиста - Библиографа, представимъ здѣсь небольшой (впрочемъ не самый еще лучший) образчикъ слога, или разсказа изъ *Евгенія Онгина*.

Служивъ оплично, благородно,
 Долгами жилъ его опецъ,
 Даваль при бала ежегодно
 И промошался наконецъ.
 Судьба Евгенія хранила:
 Сперва Madame за нимъ ходила,
 Потомъ Monsieur ее смѣнилъ.
 Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.

чинилъ на 21 спран. И правда: онъ мастеръ и большой мастеръ этого дѣла. Картины его опличаются не только нѣжностію кисти и свѣжестію красокъ, но не рѣдко сильными, смѣлыми, рѣзкими и характерными, такъ сказать, чертами, что показываетъ необыкновенное дарованіе, ш. е. счастливое воображеніе и наблюдательный духъ.

Monsieur l'Abbé, Французъ убогой,
 Чпобъ не измучилось дшя,
 Училь его всему шупя,
 Не докучаль моралью сшрогой,
 Слегка за шалости браниль
 И въ Лѣшній садъ гуляшь водиль.

Когда же юности мятежной
 Пришла Евгенію пора,
 Пора надеждъ и грусти нѣжной,
 Monsieur прогнали со двора.
 Вошь мой Онѣгинъ на свободѣ;
 Осприженъ по послѣдней модѣ;
 Какъ Dandy Лондонскій одѣшъ:
 И наконецъ увидѣль свѣшъ.
 Онъ пофранцузки совершенно
 Могъ изъясняшся и писалъ;
 Легко мазурку шанцоваль
 И кланялся непринужденно:
 Чегожь вамъ больше? Свѣшъ рѣшилъ,
 Чшо онъ умень и очень милъ.

Мы всѣ учились понемногу
 Чему нибудь и какъ нибудь:
 Тамъ воспишаньемъ, слава Богу,
 У насъ не мудрено блеснушь.
 Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ,
 (Судей рѣшишельныхъ и сшрогихъ)
 Ученый малый, но педаншъ.

Имѣлъ онъ счастливый талантъ
 Безъ принужденья въ разговорѣ
 Коснушься до всего слегка,
 Съ ученымъ видомъ знашока
 Хранишь молчанье въ важномъ спорѣ
 И возбуждашь улыбку дамъ
 Огнемъ неожиданныхъ эпиграмъ.

Каковъ же эпопѣй порпретѣй воспитаннаго по модѣ Русскаго дворянина? Въ каждомъ почши сдѣхѣ разишельная, характерная черта. Какъ къ спашу упомянуто здѣсь о *Madame, Monsieur!*... *А цубогой* — нельзя было удачнѣе прибрашь эпипеша важному насшавнику Французу, кошорый училъ *шутья всему рѣзваго и милаго* малюшку, даже въ *Лѣтнелѣ саду*. — Но увы! *пришла пора и прогналиц со двора Monsieur l'Abbé*. О неблагодарносць! А не опъ ли выучилъ Евгенія *всему, ш. е. совершенно* изьясняшься цофранцузски и... *писать!* — Но у Евгенія былъ другой еще насшавникъ и *вѣрно цужь Французѣ*, кошорый научилъ его кланяшься не принужденно и легко шанцовашъ мазурку, шакже легко и ловко, какъ шанцуюшь ее въ Польшѣ... *Чегожь вамѣ больше?* — *Строгие, рѣшителные сцды* признали Евгенія не только ученымъ, но даже... *ледантолѣ*. Вотъ что значилъ:

Везь принужденья въ разговорѣ
 Коснушься до всего слегка,
 Съ ученымъ видомъ знапока
 Хранить молчанье въ важной спорѣ.

Довольно въ этой книжкѣ карпинныхъ описаній; но самое полное и самое блестящее изъ нихъ есть безъ сомнѣнія описаніе театра. Прекрасна также похвала прекраснымъ женскимъ ножкамъ. Не соглашаемся однако съ любезнымъ Сочинителемъ; будто врядъ можно найти въ Россіи цѣлой при пары стройныхъ женскихъ ногъ.

Ну какъ скажутъ онъ это могъ?
 Какъ стройны ножки, не велики
 У Евфрозины, Миллики,
 У Лидіи, у Ангелики!

Вопь я насчиталъ чешыре пары.

А можетъ быть во всей Россіи есть
 По крайней мѣрѣ парь пять, шесть!

Въ *Предувѣдомленіи* къ *Евгенію Онѣгину* замѣчательны слѣдующія слова: “да будетъ намъ позволено обратитъ вниманіе чипашелей на достоинства рѣдкія въ саширическомъ писателѣ; описательскіе оскорбительной личности и наблюденіе строгой благоприсойности въ шуточномъ описаніи нравовъ..” — Въ самомъ дѣлѣ эти два достоинства всегда были рѣдки въ саширичес-

скихъ писателей, особенно рѣдки въ нынѣшнее время. За *Предувѣдомленіемъ* слѣдуешь *Разговоръ Книгопродавца съ Поэтомъ*. Желательно, что бы всегда говорили у насъ шакъ умно, какъ здѣсь, не только Книгопродавцы, но и Поэты, даже въ преклонныя лѣты.

И.

О изданіи концертовъ Г. Боршнянтскаго, переложенныхъ для фортопіано.

Желая доставить удовольствіе и пользу любителямъ и любительницамъ духовной нашей музыки, переложилъ я для фортопіано многіе концерты и другія піэсы, сочиненныя Г. Директоромъ Придворнаго Пѣвческаго Хора, Его Превосходительствомъ Дмистріемъ Степановичемъ Боршнянтскимъ, съ его дозволенія и рецензіи, и съ сохраненіемъ при томъ полной гармоніи кваршета. Сочиненія Г. Боршнянтскаго, коими возвысилъ онъ духовную (церковную) нашу музыку и коихъ вкусъ и приятность давно уже во всей Россіи извѣстны, не были до сего времени переложены для фортопіано, хотя многіе искренно того желали и ожидали съ нетерпѣніемъ. Распространяю-

ся о достоинствѣ сихъ сочиненій считаю за излишнее, а скажу только, что знаменитый и неподражаемый нашъ Композиторъ, сохранивъ въ полной мѣрѣ духъ и важность церковнаго пѣнія, превосходно выразилъ всю силу священныхъ словъ.

Доселѣ предложено мною 20 концертовъ и 16 другихъ пѣснь, ниже показанныхъ.

Всѣмъ концертамъ назначается цѣна, самая умеренная, по 3 р. за каждый; а прочимъ пѣсамъ по 1 р. 25 к., исключая однако двухорныя, коимъ цѣна полагается по 2 р. за каждую;

Билеты, для полученія всѣхъ вообще пѣснь, и оппечатанныя уже пѣсы, можно получать у самаго Издашеля, въ домѣ ИМПЕРАТОРСКОЙ Больницы для бѣдныхъ, каждый день по упрямъ, кромѣ воскресныхъ и шабельныхъ дней.

По оппечатаніи каждой изъ остальныхъ пѣснь объявляемо будетъ о томъ въ Журналъ: *Благонадежденный*, и С. п. бургскихъ Вѣдомостяхъ.

Желающіе имѣть порознь нѣкоторыя изъ сихъ концертовъ, или пѣснь, могутъ получать оныя въ музыкальномъ магазинѣ Печа, что въ малой Морской, и въ книжныхъ лавкахъ Заикина, прошивъ Госпинаго Двора.

Если сіе первоначальное изданіе приня-

по будетъ Публикою благословенно, по я не замедлю приспущишь къ преложению и печатанію остальныхъ сочиненій достопочтеннѣйшаго Д. С. Боршнянскаго.

*Показаніе піесъ, переложенныхъ
для фортепiano.*

I. Концерты:

№ 1. Господь просвѣщеніе мое. 2. Восхваляю имя Бога моего. 3. Гласомъ моимъ ко Господу звахъ. 4. Господи Боже Израилевъ. 5. Услыши, Боже, гласъ мой. 6. Возведохъ очи мои въ горы. 7. Живыи въ помощи Вышняго. 8. Боже, пѣснь нову воспою тебѣ. 9. Опрыгну сердце мое слово благо. 10. Блаженъ мужъ, бояйся Господа. 11. Радуйшесь Богу помощнику нашему. 12. Не умолчимъ никогда, Богородице. 13. На шя, Господи, уповахъ. 14. Пойте Богу нашему, пойте. 15. Тебе Бога хвалимъ. 16. Милоспи швоя, Господи. 17. Благо естъ исповѣдатися Господеви. 18. Благословенъ Господь.	воз- } на- пе- ча- па- ны.

19. Блажени людіе.
20. Услышишь шя Господь.

II. Великопостныя піэсы.

Двухорныя.

- № 1. Да молчишь всяка плошь человекъ на- ка. а. } не-
2. Вкусише и видите, яко благъ Го- ча-
сподь. б. } ша-
3. Вечери швоея шайныя. в. } ны.

Четыреголосныя.

4. О тебѣ радуется, благодатная. г.
(напечатана.)
5. Да исправися молишва моя. № 1. д.
6. Тоже . . . . . 2. е.
7. Тоже . . . . . 3. ж.
8. Воскресни, Боже, суди земли. з.

III. Піэсы, поемыя во время Литургіи.

9. Опче нашъ. и. }
10. Достойно ешь. і. } напечатаны.
11. Иже Херувимы. № 1. к.
12. — — — — — 2. л.
13. — — — — — 3. м.
14. — — — — — 4. н.
15. — — — — — 5. о.
16. — — — — — 6. п.

Протоіерей Петрѣ Турганиновѣ.

Объявленіе о концертѣ.

Въ слѣдующую Пятницу, 6 ч. Марша, въ залѣ Филармоническаго Общества, что у Казанскаго моста въ домѣ Кусовникова, данъ будетъ Г. Варламовымъ, Училищемъ пѣнія при ИМПЕРАТОРСКИХЪ Театрахъ, большій вокальный и инструментальный концертъ.

Часть первая.

1. Увертюра изъ Оперы: *Вошебный Стрѣлокъ*.
2. Гжа Марсель будетъ пѣть Полонезъ изъ Оперы: *Вошебный Стрѣлокъ*.
3. Большой хоръ съ солами, соч. Г. Боршняпскаго, будетъ пѣть Гг. Придворные Пѣвчіе *).

---

*) Какое множество здѣсь стройныхъ голосовъ:

Какіе дишканты! альтисты!

И тенористы!

Особенно солисты!

А сколько, сколько шудъ отличнѣйшихъ басовъ!

Какъ всѣ поютъ согласно!

Ужь нечего сказать, прекрасно!

И Капелани здѣсь когда у нихъ была,

То ихъ искусству подивилась;

Царица пѣнія въ восторгъ отъ нихъ пришла

И въ умиленьи прослезилась.

4. Испаліянскую арію, соч. Г. Боршняншскаго будешъ пѣшь Придворный Пѣвчій Г. Еисевьевъ **).
5. Большія варіаціи для фортепіано соч. Г. Мошелеса будешъ играть Г. Соренсъ **).

Часть вторая.

6. Увертюра изъ Оперы: *Ромео и Юлія*, соч. Шшейбельша.
7. Концертъ, соч. Лафона, будешъ играть любитель музыки Г. Д.
8. Дуэтъ изъ Оперы: *Сандрилльона*, соч. Г. Шшейбельша, будущъ пѣшь: Гжа Марсель съ Г. Варламовымъ.
9. Большой хоръ, соч. Г. Боршняншскаго, будущъ пѣшь Гг. Придворные Пѣвчіе.

Начало въ семь часовъ. — Билеты по пяти рублей можно получашъ у Г. Дальмаса, вт. большой Миліонной, а въ день концерша при входѣ въ залу.

---

*. Первый тенористъ—солистъ.

**.) Одинъ изъ самыхъ лучшихъ учениковъ Г. Фильда.

Въ книжномъ магазинѣ *И. В. Сленина* продается недавно оппечашанная книга: *Пѣсни протонародныя, воечныя нынѣшнихъ Грековъ, въ стихахъ, переведенныя Н. Гнѣдичемъ, изданныя съ Греческимъ подлинникомъ, сравненіемъ съ пѣснями Русскими и приливаніями.* Изданіе украшено картинкою, изображающею нынѣшняго война Греческаго. С. п. 6. 1825. Цѣна на люб. бум. въ красивой оберпкѣ 6 р, на веленовой въ папкѣ 8 р. За пересылку иногородные ничего не прилагаюшъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. № X.

ПЯТЬ ДНЕЙ.

Изъ моего Прапорщитваго Журнала 1815 года.

16 Сентября. Во всю прошедшую ночь я не могъ заснуть ни на одну минушу. Мысль, что *сегодня* приведется къ окончанію мой феерверкъ и что *завтра ввечеру* принесеть онъ неожиданное, приятнѣйшее удовольствіе прекрасной *Софїи*, вращала меня съ боку на бокъ и мѣшала дѣйствию сна. За два часа передъ утромъ я уже былъ одѣтъ, ходилъ по комнатѣ и съ неперѣбнѣмъ ждалъ разсвѣта. Между темъ слѣдующія мысли и разсужденія вальсировали въ головѣ моей:

Итакъ сегодня, только что сегодня, послѣдвадцатидневныхъ, неусыпныхъ трудовъ кончится моя лабораторія! Еще напишешь одну ракету, десяшка полтора пирамидныхъ свѣчь, снарядишь одинъ буракъ,

приладить къ ракетамъ хвосты—и феерверкъ къ вашимъ услугамъ, прекрасная Софія!

Каковъ-то будетъ? Я что-то беспокоюсь? Не предчувствіе ли это неудачи? Какъ жаль, что я до шеперешняго случая не шолько не испыталъ на дѣлѣ, но даже въ печеніи прехъ лѣтъ и не подумалъ заглянушь въ почтеннѣйшія записки, доставшіяся мнѣ послѣ смерти дѣдушки моего, спараго, заслуженнаго артиллерійска, и даже былъ сполько безразсуденъ, что не разъ смѣялся надъ ихъ разрисованнымъ заглавіемъ: *Довольное и ясное показаніе, по которому всякій самъ собою можетъ приготовить и дѣлать всякіе феерверки и иллюминаціи!* Теперь же хопъ и схватился за нихъ обѣими руками, но поздно!—Чтобъ руководствоваться *Довольнымъ и яснымъ показаніемъ*—я не имѣлъ довольно ни времени, ни перпѣнія понять ихъ совершенно.

Впрочемъ, судя по словамъ мастера и вмѣстѣ помощника моего, спараго, опытнаго бомбардира Пушкарева и по той ловкости, съ копорою онъ распи-

раль и вѣсилъ составы, надо ожѣдать по крайней мѣрѣ хорошаго успѣха.

Разумѣется, что мой феерверкъ будетъ не огромный, не великолѣпный, и даже, для жителей здѣшняго губернскаго города показался бы не болѣе, какъ выкинутое изъ трубы пламя; но для мирной, уединенной деревни, въ глазахъ любезнѣйшаго сѣмейства почтеннаго моего помѣщика, и въ глазахъ добродушныхъ, ласковыхъ его госпѣй — сосѣдей — мой феерверкъ будетъ преважный. Да, я надѣюсь...не только надѣюсь, но и увѣренъ, совершенно увѣренъ, что мои труды и искусство бомбардира заслужатъ и удивленіе и похвалу. Первое пошому, что феерверкъ будетъ неожиданный: кромѣ моего деньщика и Пушкарева, никто о немъ не только не говоритъ, но и не думаетъ; второе пошому, что пригошвленъ онъ искренняго, сердечнаго удовольствія—угодитъ умной, прекрасной, семнадцатилѣтней дѣвушкѣ и ея почтеннѣйшимъ родителямъ, которымъ шакъ много одолженъ я за ихъ ко мнѣ доброе расположеніе.— Слѣдовапельно.....но увидимъ завшра ввечеру.

Ишкѣ завпра ввечеру, въ день именинъ своихъ, прекрасная Софія, вся моя двадцатидневная работа, отъ одного легкаго прикосновенія искры къ концу тоненькаго, безконечнаго шнура, какъ молніей зажжешся, вспыхнешь—и съ прескомъ зашумяшь фоншаны, колеса и каскады огненные, какъ змѣи зашипяшь, рванушся и помчатся въ высоту 150 ракетъ, развивая за собою ленты пламенные, разноцвѣтныя; и вдругъ попомъ подь облаками, съ громомъ-подобнымъ ружейному батальному огню—разсыплюшь надъ своимъ крошко-сіяющимъ вензелемъ золотой и серебряный дождь! Прекрасно! неподобно! Я восхищаюсь прежде времени!... Но если (чего Боже сохрани!) въ эшопъ день фейерверкеръ мой подгуляеть? Если легкое прикосновеніе искры всѣ мои огненные каскады, колеса и фоншаны опрокинешь вверхъ дномъ? Если всѣ 150 ракетъ, со всѣми ихъ пламенными лентами и золотымъ дождемъ взорвешъ на мѣстѣ, и бѣдные, плѣющіе ихъ оспанки разшвыряешъ въ зрителей? Если крошкосіяющій вензель прекрасной именинницы тоже опрокинешъ — тогда

что? О, тогда... Но и тогда—усердіе, пруды, желаніе угодить и опять—таки *нестаянность*, по крайней мѣрѣ... Вздорь! Пустое!—Такой неудачи бытъ не можеть: въ эпомъ ручаюцца мнѣ: усами—спарый, заслуженный, опытный и словоохотный Пушкаревъ, и жизнью—тоже спарья, заслуженная, опытная и безмолвная записки: *Довольное и ясное показаніе*, и пр.

Какъ я радъ! какъ доволенъ, что во время дѣйствія моей лабораторіи никто изъ моихъ поварищей не посѣпиль меня ни разу! Въ особенності же Капипанъ! Съ нѣкотораго времени эпомъ неуцдомимый и строгій человекъ по службѣ, при всемъ его умѣ, любезности и добромъ ко мнѣ расположеніи, спановипся для меня пжель, несносень, и своими дружескими—какъ онъ говоритъ—совѣсами и невинными шутками надѣдаеть мнѣ цуще горькой рѣдки! Вообразивъ себѣ, что я неравнодушень къ дочери моего помещика, и зная, можеть бытъ, изъ собственныхъ опытовъ, что это нѣжное чувство, опвлекая молодаго Офицера мало помалу опъ его должности, дѣлаеть наконецъ по службѣ упущипельнымъ,

вреднымъ; вообразивъ это, онъ уже видѣлъ — въ самомъ же дѣлѣ ему только такъ кажется—что ввѣренные мнѣ солдаты, будучи до сего всегда отличными по фронту, начинаютъ примѣшно опускаться: худо споятъ, дурно ворочаются и маршируютъ кое-какъ—только что не сбиваются съ ноги! И все это, по его мнѣнію, происходитъ отъ того, что я болѣе занимаюсь своими удовольствіями, нежели естъ; прекрасною Софією, нежели службою! Эта первая и главная причина, которая подала ему поводъ думать, что я по крайней мѣрѣ влюбленъ по уши. Впрочемъ, болѣе справедливая, но рассказанная языкомъ оспраго насмѣшника, болѣе для меня оскорбительная, сошлись въ томъ, будто бы я, со времени моего здѣсь квартированія — и вѣроятно со дня встрѣчи моей съ Софією — ударился въ щегольство, неприличное и невозвѣстное для Офицера военнаго, и будто бы въ короткое время, къ удивленію моихъ товарищей, изъ строгаго, форменнаго Офицера въ рошѣ, сдѣлался прелезавнымъ Селадомомъ. И эта скорая перемѣна, по его замѣчаніямъ, дѣлалась со

мною не вдругъ: но, какъ водишься, поспешенно, начиная съ головы. Напримѣръ, будто бы сперва я позволилъ себѣ, вмѣсто форменной, темнозеленой фуражки, надѣсть бѣлую, кавалерійскую, и не обыкновененно, а нѣсколько на ухо. Попомъ, довольно неловко, выспавиль изъ подъ галстука бѣленькой, какъ лубокъ накрахмаленный, ворошничокъ, и боясь его измясть, спалъ голову держашь *принужденно*; что вскорѣ послѣ сего полюбилъ и спалъ носить разноцвѣтные жилеты, привѣся къ нимъ, вмѣсто обыкновенныхъ пуговокъ, какіе-то на цѣпочкахъ блестящія, помпаковые боченочки. А чтобъ сберечь ворошничокъ и не закрыть неспраго, шарлаернаго жилета, спалъ ходишь *нараспашку*; и что наконецъ распомаженный, разпрысканный духами, съ вопкнушою въ мундирную петлю розою и съ хлыспикомъ въ рукъ—*преважно съ дамами рисуюсь по деревнѣ!*

Разумѣется, что всѣ сіи и подобныя на счесть моей любви доводы, ничего болѣе не доказываютъ, какъ шолько то, что Г. Капитанъ большой насмѣшникъ, чего я прежде къ удивленію моему не за-

мѣчалъ за нимъ! И попому-то я радъ до чрезвычайности, что онъ не пожаловалъ ко мнѣ во время занятія моего. А по, бѣда бы: приѣхавъ нечаянно, онъ могъ бы заспать меня замараннымъ угольною пылью и съ колопушкою въ рукахъ усердно набивающаго ракетныя гильзы, что, безъ всякаго сомнѣнiя, послужило бы ему новымъ поводомъ къ злымъ насмѣшкамъ, и новымъ доказательствомъ, что я, на худой конецъ, влюбленъ до дурачества.

Однакожь, что я ни говори, какъ ни разсуждай въ пользу свою, но противъ воли моей чувствую себя не со всемъ правымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ могло случиться, чтобы солдаты мои показались ему, въ послѣдней его о-смотрѣ, въ прежнемъ опличномъ видѣ когда я дѣйствительно съ нѣхъ поръ, какъ перешелъ на шеперешнiя кварширы, почти не занимался ими? Это разъ. Второе, почему я прежде сего времени, въ продолженiи шестилѣтней службы моей, не только на себѣ, но даже на деньщикѣ своемъ перпѣшь не могъ видѣшь ни перспренъкаго жилеша, ни высунувшагося изъ подъ галспука воропничка? Почему

до сего времени, я любилъ можно сказать, зашивашь себя въ мундиръ, и каждую даже ненарочно распегнувшуюся пуговку, или крючокъ на мундиръ, почипаль за небреженіе къ формъ? Почему прежде, когда я швердымъ, мѣрнымъ шагомъ шель по дирекціи обязанности моей, Капишанъ не былъ для меня ни тяжельмъ, ни несноснымъ, ни злымъ насмѣшникомъ; но напрошивъ, находя мою часпъ солдатъ всегда во всемъ исправною, опличною прошивъ часпей моихъ поваричей, отдаваль мнѣ полную справедливостъ и вездѣ встрѣчался со мною съ удовольспвіемъ?

Удивляюсь, спыжусь и не могу понять, какимъ образомъ сбился я съ прежняго любимаго моего направленія и какъ до сей минушы не замѣпиль, что давно уже марширую по слѣдамъ дурачеспва, кошорое, какъ увѣряють люди опышные, ведя за собою прелеспнаго, но слѣпаго и опаснаго для сердець мальчишку, маршируешь съ нимъ по цѣлому свѣшу безъ всякаго правила и дирекціи!

Хорошо, очень хорошо, что я, хоть не много поздно, но вспомнилъ объ эпомѣ! Съ этой минутой, даю себѣ честное слово, что всѣмъ упущеніямъ, копорья до сего я дѣлалъ по службѣ, и всѣмъ неприличнымъ Офицеру нарядамъ команду: *стой! налѣво кру-голиб! и скорылиб ша-голиб—маршиб, маршиб!* опъ меня куда хощашъ!

Съ завпрашняго дня, непременно съ завпрашняго, опашъ попрежнему защи-ваюсь въ мундирѣ, принимаюсь за службу и черезъ недѣлю прошу покорно, кому угодно, посмошрѣшь моихъ солдашъ! — Всѣ будушъ спояшъ какъ *звонди*, равняшъ-ся — какъ *струна* и всѣ маршировать — *какъ одинб!* ...

Но завпра день Ангела умной, любезной, милой, прекрасной Софіи, для копорой я съ такимъ удовольствіемъ при недѣли... Взоръ! совсемъ не для нее, а для ея почтеннѣйшихъ родителей, въ домѣ коихъ я приняшъ и обласканъ, какъ ближайшій родшвенникъ — для нихъ, а не для нее шрудился я при недѣли надъ феер-

веркомъ, ни мало не думая, поспѣешь ли онъ къ завшрашнему дню, или нѣтъ. Впрочемъ если это такъ случилось, по шемъ лучше: спарикамъ будешь прияпнѣе, а для меня все равно; мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чшобъ нѣкоторымъ образомъ поквишашься и показать спарикамъ, что я умѣю чувствовашь ихъ доброе ко мнѣ расположеніе и какъ могу, умѣю бытъ благодарнымъ. Слѣдовательно, чшобъ этошъ похвальный прехънедѣльный трудъ не пропалъ даромъ, и чшобъ у спариковъ не оставашься въ большомъ долгу; по завпра ученю не бытъ; а послѣ завпра — и бѣлая фуражка, и песпренъкіе жилешы, и бѣленькіе ворощнички, и цвѣшочки, все прощай! — перебираюсь въ экзерциць-гаузъ и шамъ живу безвыходно.

17 Сентября въ полночь. О Софія! Софія! могъ ли я когда нибудъ подумашъ, чшобъ ты, одаренная опъ счастья богатствомъ, опъ природы рѣдкою красотою и — какъ казалось мнѣ — прекраснѣйшимъ сердцемъ; воспитанная умною, нѣжною и добродѣтельною матерью, и подъ ея ангельскимъ покровомъ процвѣшая въ

мирной, уединенной тишины деревенской; могла бышь такъ щеславна и такъ жеснока! . . . Смѣлъ ли я когда либо подумашь, чѣмъ ты бѣднаго Арпиллерійскаго Прапорщика, который, до перваго съшобою свиданія, все свое богатство, все счастье, всю славу свою находилъ въ двухъ бши фуншовыхъ пушкахъ, и къ которому ты, не имѣла ни малѣйшаго чувстванья — о чемъ къ несчастію, я узналъ только что сегодня — смѣлъ ли я подумашь, чѣмъ ты могла находить утѣшеніе плѣняшь его шума и наконецъ удовольствіе видѣшь его жершвою швоста щеславія! . . .

О, если бы я могъ предвидѣшь это прежде! Если бы даже вчера могъ предчувствовать, что этотъ день, вмѣсто ожидаемыхъ мною удовольствій, и вмѣсто радостей, которыми я шайно льшилъ своему доброму, но легковѣрному сердцу — принесешь мнѣ убійственное огорченіе, что въ шуже бы минушу со всѣми своими огненными, фигурными запѣями — безъ всякихъ фигуръ, просшо — кинулся бы въ воду и былъ бы счастливецъ! По край-

ней мѣрѣ я не былъ бы свидѣтелемъ того живѣйшаго румянца, кошорый, при неожиданномъ появленіи молодаго, богатаго и пріятной наружности Капитана Польской Гвардіи—вспыхнулъ и прелестно разлился по прекраснѣйшему лицу жестокой Софіи! Я бы не зналъ, что эпошь Капитанъ существуеши на семь свѣтъ, и что онъ женихъ Софіи! Не бывъ свидѣтелемъ, я не спрадалъ бы въ печеніи девяти безконечныхъ часовъ опъ ихъ взаимныхъ одинъ другому угожденій и не видалъ бы своими глазами, какъ они, почши въ объятіяхъ другъ друга, вальсируя, были счастливы и восхищая всѣхъ, раздирали мою душу! Не слыхалъ бы своими ушами ни удивленій, ни похвалъ, расшочаемыхъ имъ добродушными госпьми, сосѣдами и того, что они давно уже другъ друга любящъ, обожаютъ, и что черезъ недѣлю ихъ пламенная, поспоянная любовь увѣнчается бракомъ! И наконецъ не оспыдилъ бы себя феерверкомъ! Не раздавались бы по сю пору въ ушахъ моихъ ни прескъ взорванныхъ каскадовъ, фонпановъ и колесъ; ни пронзительные крики милыхъ, любезныхъ и почтенныхъ дамъ, прячущихъ

ся за ихъ испуганныхъ кавалеровъ: ни воли услащенныхъ мужиковъ, бѣгущихъ и спасающихся отъ преслѣдованія 150 ракетъ, разсыпанныхъ неудачею по землѣ и скачущихъ за ними во всѣ стороны!

О дурачество! дурачество! Какъ далеко и какъ непримѣнно ты завлекло меня по слѣдамъ твоимъ, и какъ жестоко наконецъ, посредствомъ руководимаго тобой слѣпца-мальчишки, опмешило мнѣ за то только, что я было *вчера подумалъ* оставить тебя *завтра* и возвратишься къ своей должности!

Подобныя симъ мысли и разсужденія, происходящія отъ сильнаго, сердечнаго огорченія и обиженнаго самолюбія, терзали меня во всю оспальную часъ ночи. Нѣсколько разъ, погасивъ огонь, кидался я въ постелю и завернувшись подъ одѣяло и шинель, опарался успокоиться, заснуть; но безумное огорченіе, кипящее въ груди моей, уничтожило дѣйствіе благодушельнаго сна; чрезъ минушу я опять вскакивалъ съ постели, опять зажигалъ свѣчу, закуривалъ трубку и немилосердно маралъ и жегъ бумагу, сочиняя эпиграммы: то на Софію, то на ея жениха, то

на всѣхъ гостей — прусовъ, испугавшихся взрыва моего несчастнаго феерверка.

18 Сентября. Около 7 часовъ утра, являешся въ комнату солдашь и подаешъ мнѣ рошныя приказы, въ коихъ, между прочимъ, читаю, что я произведенъ въ Подпоручики и переведенъ въ другую роту, квартирующую въ Бессарабской области въ мѣстечкѣ N., и что немедленно я долженъ пуда отправишься. Для полученія же подорожной и прогонныхъ денегъ долженъ явиться въ рошный Шшабъ. Если бы эпошь приказъ получилъ я вчера, до приѣзда жениха Софіи, то онъ нанесъ бы мнѣ, по крайней мѣрѣ, полусмертельный ударъ. Но теперь, въ сію минушу, послѣ того, какъ Капитанъ Польской Гвардіи нечаяннымъ своимъ приѣздомъ нарушилъ сладчайшую тишину моего сердца и отправилъ мое воображаемое счастье; послѣ того, какъ и послѣднія слабыя мои надежды лопнули вмѣстѣ съ феерверкомъ и вмѣстѣ съ нимъ исчезли; и наконецъ послѣ тѣхъ спраданий, копорыя терзали меня въ печеніи минувшей ночи — приказъ эпошь былъ для меня благодѣяніемъ.

Опущивъ солдата, я въ ту же минуту послалъ деньщика моего отыскать и нанять до ропнаго Шпаба подводу; а самъ, съ какою-то дикою радостію, принялся укладывавъ, или лучше сказать, комкать всѣ свои пожитки въ чемоданъ. Черезъ полчаса все было готово: тройка пощихъ, мужичьихъ лошадей, запряженныхъ въ дурную, немазанную повозку, сполла у ворошь; деньщикъ, уложивши все мое имущество, сидѣлъ, свѣсивши ноги, на краю повозки и докуривая трубку — ласкалъ спящую передъ нимъ на заднихъ лапахъ Орѣшку — дворовую собаку — и прощался съ нею до свиданія. А я, увы! со стѣсненнымъ сердцемъ и съ навернувшимися на глазахъ слезами — *вышатывалъ* изъ спѣны большой, желѣзный гвоздь, на коемъ нѣкогда — 14 Августа въ день моего рожденія — висѣла прекрасная соломенная шляпка прекрасной Софіи; въ эпоху незабвенный день почтеннѣйшій помещикъ съ женою и дочерью пилъ у меня чай. Выдернувъ гвоздь, я завернулъ его въ плашокъ, опустилъ въ лѣвый боковой карманъ серпука и пошъ же моментъ почувствовалъ, что сердце мое,

придавленное до сего горестію разлуки—
 рванулось, сдѣлалось свободнѣе и запре-
 пешало радостно! Надобно полагать, что
 гвоздь имѣлъ на него симпатическое дѣй-
 ствіе. Я разнѣжился, и облокопясь на
 задникъ стула, на которомъ 14 же Авгу-
 ста сидѣла Софія, не сводилъ глазъ съ за-
 пертыхъ спавней помѣщичьяго дома, въ
 коемъ всѣ еще, упомненные вчерашнимъ
 баломъ, спали и вѣрояпно крѣпкимъ сномъ;
 мнѣ хонѣлось еще разъ взглянуть на Со-
 фію, которая каждое утро любила про-
 гуливать въ саду; но Софія не выходи-
 ла и спавни не распворялись; прошло нѣ-
 сколько минушь..спавни не распворяли. Я
 началъ перяшь перпѣніе и, для сокра-
 щенія времени, принялся ходишь по ком-
 нашѣ, и при каждомъ поворотѣ, съ новою
 надеждою взглядываль на спавни, но они
 всѣ были запершы! Наконецъ я вышелъ
 изъ перпѣнія, выскочилъ изъ комнашы и
 прыгнувъ въ повозку, приказаль ѣхать.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ—непрелиѣнно!)

ВЕЧЕРЬ У СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

“Батюшка! уже восемь часовъ пробило, пора рассказывать испорію, которую вы намъ обѣщали..,—Такъ говорилъ Ванюша, старшій сынъ Священника и придвигаль скамѣйку къ сполу. Тутъ спрыгнули съ лежанки Алексаша и Аннушка и присѣли на лавку—жена Священника, взявъ чулокъ, пододвинулась на спулѣ и сняла со свѣчи, которая тускло горѣла на сполѣ; шумъ умолкъ и опять сдѣлалось тихо — вѣтеръ свистѣлъ на улицѣ и заносилъ снѣгомъ замерзшія окна—слышенъ былъ звонъ колокольчика, порываемаго вѣтромъ на колокольнѣ погоста; жалобно кричалъ сверчокъ за печью. Дѣти успремили на лица взоръ, исполненный ожиданія.

Священникъ сѣлъ на старыя кресла—и молчалъ нѣсколько времени, собираясь съ мыслями. Тутъ бѣлый кроликъ вспрыгнулъ ему на колѣни и, прощянувъ свои высокія ушки, казалось, хотѣлъ слушать испорію.—“Ну, дѣти, я расскажу вамъ исторію; но вы должны послѣ угадашь

ея содержаніе.,—Угадаемъ! угадаемъ! воскликнули всѣ въ одинъ голосъ, полѣко расскажите.—“Посмотримъ, сказала Священникъ, и началъ :

“Прекрасное утро смѣняло прохладную ночь; сребристые облака тихо плыли по голубому небу, послѣдняя звѣзда попухла, луна едва мерцала за тонкими облаками и слабымъ лучемъ своимъ залила струи кристальнаго ручья; облака пылали розовымъ огнемъ въ прелестныхъ опливахъ; вѣялъ тихій вѣтерокъ съ зеленыхъ холмовъ и тихо шевелилъ листьями деревъ—все внушало радость, и соловей на вѣткѣ воспѣвалъ утреннюю пѣснь. ,”

“Подъ кровомъ высокаго вяза спитъ сладкимъ сномъ спранникъ; предъ нимъ роскошный лугъ душистыхъ цвѣтковъ. — Восходящее солнце освѣсило прелестную долину—и природа улыбнулась — спранникъ проснулся и устремилъ свой взоръ, исполненный умиленія на небо и произнесъ премудрому Творцу—утреннюю молитву. ,”

“Какое прекрасное ушре! — говорилъ онъ. — О Создашель! сколь милосердъ Ты! Какіе дары благоспъ Твоя изливаєшь на насъ! Сподоби меня опяшь узрѣшь мою благословенную родину, гдѣ я провелъ лѣта младенческія, гдѣ подѣ Твоимъ, Создашель, покровемъ юноспъ моя прошекла безмяшежно!,,

“Не зналъ я никакихъ несчастій, славилъ Тебя и свою благополучную жизнь; заботы не посѣщали меня и не возмущали моего блаженспва!—а теперь — необходимоспъ и нужда разлучали меня съ моею опчизною — и я полагаю свою надежду на Тебя шолько, о милосердый Отець!,,

---

“Онъ вспаль, взялъ посохъ свой — и пошелъ; далекъ ему былъ пущъ, море опдѣляло его опъ родины.—На пущи предъ нимъ опкрылась необозримая пущыня, а съ другой спороны дорога чрезъ прелесшныя луга и пѣнисшыя лѣса. Онъ спаль на распушіи и разсуждалъ какой пущъ ему избрашь. ,,

---

“Вдругъ видишь почтеннаго старца; походка его была тихая, чело величественное и кротостию украшенное, убеленные волосы внушали къ нему почтение, въ лицѣ его сіяло спокойствіе и опытная мудрость; съ ласковымъ взоромъ подошелъ онъ къ страннику и тихимъ, приятнымъ, но твердымъ голосомъ, сказалъ: “Юноша, иди по сей пустынь, не ужасайся трудностей: тебѣ въспрѣпятся несчастія; перенеси ихъ съ терпѣніемъ,—къ вечеру достигнешь моря. „

“Съ кротостию возрѣлъ онъ на юношу, благословилъ путь его и смотрѣлъ за нимъ въ слѣдъ. Юноша благодарилъ старца за совѣтъ и пошелъ по трудному, но надежному пути. Голый песокъ, раскаленный солнцемъ—пустыня и обнаженные поля — всюду сопровождали его. Часто принужденъ былъ онъ перелѣзая чрезъ утесистыя скалы, гдѣ каждый невѣрный шагъ стоилъ бы ему жизни; часто принужденъ былъ идти на краю пропасти; тернія покрыли ранами ноги его; горячій воздухъ задушалъ его; не было ку-

ста, подъ тѣнью копораго можно бы укрыться отъ зноя; не было ручейка — прохладить палимую внутренность и утолить несносную жажду.,,

---

“Юноша перпѣль—и не опчаявался; мертвое уединеніе окружало его—дикія, обнаженныя скалы, возвышаясь къ раскаленному небу, представляли жилище мертвой природы; вѣтръ не вѣялъ и не прохлаждалъ горячую пустыню.,,

---

“Но вошь юноша восходитъ на гору —и—о, воспоргъ! онъ видитъ море и долину плодоносную; а пашь вдали за моремъ милая опчизна. Съ восхищеніемъ бросаешь на колѣни и безмолвно устремляешь свой на небо, проливаетъ слезы благодарности — вспунаешь въ вождѣнную долину, садитъ въ ладью — переплываетъ море—и въ нѣдрахъ родины — забываетъ все бѣдствія, имъ перепѣнныя.,,

---

“На распушіе пришелъ другой юноша изъ того же опчества; спарець указаль

ему трудный путь, и отворачивался отъ веселаго и пагубнаго. Юноша прошелъ нѣсколько шаговъ, устрашился трудности и возвратился на путь веселый. Старець вздохнулъ, пожалъ плечами и съ великою горестію удалился. Юноша съ восхищеніемъ пошелъ по пути радости; цвѣты благоухали; зрѣлые плоды—рѣди на вѣтвяхъ; ему встрѣпилась дѣвица — выхваляла путь, избранный имъ, и указала ему дорогу.,

---

“Онъ шелъ по прелестнымъ цвѣтамъ, но подъ ними скрывались змѣи и жалили его нечувствительно; онъ прельщался плодами — пилъ сокъ отъ грозда винограднаго; но въ нихъ скрывался медленный ядъ, лишаящій чувствъ; вездѣ ему было довольство въ пищѣ; онъ упопалъ въ изобиліи и почиталъ себя счастливымъ — объ опечесствѣ забылъ!.,

---

Наступилъ вечеръ; онъ вышелъ изъ долины и вступилъ въ крушыя горы; трудность пути — изнурила члены его; онъ шелъ медленно, удовольствія исчезли,

силы его оспавили, ядъ примѣпно началъ разливашься по жиламъ его, чувствоваль изнеможеніе — раскаявался; проклиналъ свое безразсудство, что презрѣль совѣтъ мудраго спарца; мушныя глаза его не различали предмѣтовъ; долго онъ блуждалъ изъ спраны въ другую и наконецъ увы!.. упаль въ пропасть и погибь!.,

---

Священникъ замолчалъ—но дѣши, кажешься, еще слушали его и сидѣли неподвижно, успремя взоръ на него и ожидали продолженія. — “Исторійкався .... вы обѣщали отгадать ея смѣсль!.,

Дѣши думали, смонря на небо; Священникъ ожидаль опѣща.

— Знаю, знаю! вскричалъ вдругъ Ванюша... *Странники* — эшо Адамъ и всѣ его попомки, понерявшіе блаженство.— “Угадалъ, сказалъ Священникъ, улыбнувшись. — *Ванюша*. Удовольствие, которое вкушалъ странникъ во младенчествѣ, эшо человекъ наслаждавшійся совершеннымъ благополучіемъ въ раю, въ началѣ сотворенія — *Алексаша*. Ну шеперь я

знаю, что значить старикъ и дѣва — это разумъ и спраси. *Ванюша*. Трудный путь,—это бѣдствія добродѣтельного въ жизни; ядъ въ плодахъ и змѣи подъ цвѣтами — это пороки; за пустынею прекрасная долина на берегу моря — мирное приближеніе кончины праведника; горы и пропасти за путемъ радости—кончина опчаяннаго грѣшника, исполненная горестей; низверженіе въ пропасть—это адскія мученія за грѣхи. *Аннушка*. Ну уже шеперь и я знаю: достиженіе родины—приобрѣшеніе блаженства за праведную жизнь.

В. Т р и к ѣ.

Пѣснь Пустынника.

Въ приятной, милой тишинѣ,
 Въ тѣни прохладой наслаждаясь,
 Прелестныхъ рощей въ глубинѣ,
 Покоень миромъ утѣшаясь,
 Счастливы дни я провождалъ;
 Овецъ имѣя бѣлорунныхъ,
 Съ зарею упренней внималъ
 Птицъ пѣнью въ небесахъ лазурныхъ.

Природа щедрою рукой
 Плоды обильно разсыпаетъ;
 Въ травѣ блистаетъ цвѣтъ злашой,
 Свѣтъ ясный солнце разливаетъ.
 Лишь грозны шучи въ высокахъ
 Меня въ сей хижинѣ смущаютъ;
 Пронесшись въпра на крылахъ,
 Въ душѣ покой вновь водворяютъ.

*

Въ заботахъ, суедахъ мірскихъ
 Душевы скорби насъ терзаютъ;
 Лишь скроемся въ дубровахъ сихъ —
 Утѣхи, радостъ насъ встрѣчаютъ.
 Такъ бурный, горный сей попокъ
 Клокочетъ, падая съ спремнины;
 Но чутъ мушишь на днѣ песокъ,
 Доспигнувъ мирной сей долины.

Съ Франц. Н. Гревеницъ.

~~~~~

О р а к у л ъ .

И я, друзья, на поклоненье
 Путь въ Дельфы съ Нисой перешель,
 И Фебу въ жертвоприношенье
 Барашка бѣлаго привель. —
 Къ богамъ всегда идушь съ дарами.
 Узнать я жребій не спѣшилъ,

Но робко Феба спросилъ:
 “Кпо въ свѣтѣ чудо красопами?,, —
 И чпожъ на по мнѣ отвѣчалъ
 Оракуль лирою злашою?

“Паспухъ! слѣпый счасшливецъ ты!
 Ты ищешь чуда красопы—
 А Ниса въ храмъ пришла съ шобою!,,

Б. Федоровъ.

Сила Красоты.

Охотникъ льва сражаетъ;
 Огонь, спремясь, лѣса палишь;
 Громъ стѣны разбиваетъ,
 И мечъ, сверкнувъ, разрубилъ щипъ.
 Красавицы всего сильнѣе,
 Коль власъ надъ сердцемъ взять хошашъ;
 Ихъ нѣжный взглядъ меча спрашилъ:
 Улыбкой—побѣдять!

Б. Федоровъ.

Замѣчанія на переводъ ешпашьи: *Краткое Обзорѣніе Военной Исторіи со временъ Людовика XIV до нашихъ временъ и разборъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненій, въ собственности Описанія похода 1809 года ГГ. Александра, Де ла-Борда и Пелета и Исторіи войны 1812 года Генерала Бутурлина *)*.

Военные люди должны быть весьма обязаны Г. Д. И — му за изданіе сей любопытной ешпашьи, приписываемой Генералу Жомини.—Однако же мы должны откровенно признацца, что еще болѣе принесло бы намъ удовольствія появленіе Французскаго подлинника, ибо переводъ во многихъ мѣстахъ подозрительенъ и своею невѣрностію не соотвѣтствуетъ достоинству знаменитаго Военнаго Писателя нашихъ временъ. — Мы приведемъ здѣсь нѣсколько тому примѣровъ:

*) Сей переводъ напечатанъ во 2 и 3й книжкахъ *Сына Отечества* 1825 года.

Г. Переводчикъ, упоминая о военномъ искусствѣ древнихъ (спр. 160.) говоритъ, что у нихъ сраженія рѣшались холоднымъ *ружьелиб*! Мы считаемъ излишнимъ доказывать исторически, что древнимъ не были извѣстны ружья, и что оными вооружили пѣхоту только въ исходѣ XVII столѣтія.— Если Г. Переводчикъ полагаеиъ XVII столѣтіе временами древнихъ, то мы предоспаваемъ его суду Испориковъ; если же онъ *холоднылиб ружьелиб* называетъ *холодное оружіе*, то смѣшиваетъ два выраженія, имѣющіе различные смыслы.—Такъ какъ Французы не употребляютъ выраженія: *fusil froid*, а говорятъ *arme blanche*, то мы не можемъ укорить въ сей ошибкѣ Французскій подлинникъ, а вѣроятно Г. Переводчикъ неумышленно употребилъ сіе выраженіе.

Далѣе: Г. И—й говоритъ, (спр. 161.) что *въ средніе вѣки не было военныхъ соображеній*. — Подъ словомъ: *соображеніе*, разумѣемъ мы примѣненіе дѣйствій къ обстоятельству; а посему не вѣроятно, чтобы какой нибудь Полководецъ могъ дѣйствовать безъ соображеній. — Намѣреваясь напасть на непріятеля, онъ вѣрно уже заранѣе обдумываетъ способы къ оборонѣ, которые непріятель можетъ ему противопоставить; онъ укрѣпляется, предполагая непріятельскую атаку; дѣйствуетъ насту-

пашельно, когда чувствуюешь свое превосходство; опешупаешь, будучи слабѣе своего прошивника — и вообще Полководецъ, принимающій мѣры прошивъ покушеній непріятели, уже дѣлаешь соображенія. — Поспушающій прошивно сему можешь бышь почтенъ весьма недалновиднымъ, чего нельзя сказать о Полководцахъ, прославившихся въ среднихъ вѣкахъ споль быспрыми и обширными завоеваніями. — Г. Переводчикъ слишкомъ распроспранилъ смыслъ слова: *соображеніе*, и употребляетъ оное иперболически.

Далѣе: (стр. 163.) *Необходимыя свойства Военныхъ Исторіи суть:* 1) *выборъ хорошихъ документовъ.* Мы спрашиваемъ своихъ чипашелей, сосшавляешь ли свойство Исторіи выборъ документовъ? Кажешся, что выборъ хорошихъ документовъ есть необходимое условіе къ сочиненію хорошей Исторіи, а не свойство оной. — 2) *Надлежащая мѣра необходимыхъ подробностей, для понятія главныхъ движеній протиеодѣйствующихъ громадъ!* Впервыхъ фраза сія есть наборъ словъ, весьма запимѣвающей мысль авшора; вопспорыхъ слово: *громиада*, употреблено не у мѣспа: *громиада* значишь нѣчто огромное, какъ то: обширное зданіе, многочисленная армія; здѣсь же, кажешся, Сочинитель разумѣешь просто ар-

міи, не приписывая онимъ ужасной многочисленности: ибо не всегда случается писать Исторіи походовъ Наполеона, коего арміи были дѣйствительно громады—описание походовъ Фридриха II можно также назвать Военною Исторіею; но армія его, состоявшая иногда изъ 10.000 человекъ, не можетъ назваться громадою, подобно Наполеоновой.

(стр. 167.) Слишкомъ знаменитое описание послѣднихъ трехъ походовъ Гюреня, Грилоардома и Бове, не менѣе ошибочно.—Не понятно! Слишкомъ знаменитое описание не менѣе ошибочно! Знаменито, значить оплично, прекрасно, превосходно, наприм: знаменитый писатель, знаменитое швореніе—слишкомъ знаменито есть выраженіе странное: ибо никакое сочиненіе не можетъ быть слишкомъ хорошо, высокая степень доброты не составляетъ порока.—Но слишкомъ знаменитое описание ошибочно—есть совершенная загадка!

(стр. 167.) Военная Исторія столѣтія, которое намъ представляютъ классическимъ, есть совершенный вздоръ, и еще надобно написать оную. — Зачемъ спудиться писать вздоръ? спрашиваемъ мы Г. Переводчика.—Если вообще Военная Исторія XVII столѣтія есть вздоръ, то сіе одобреніе будетъ ей всегда принадлежать, кемъ бы она ни

была написана. — Г. Переводчикъ, можешь бышь, весьма неоспорожно произнесъ сей опшважный приговоръ, ибо если онъ самъ нѣкогда вздумаетъ писать Военную Историю сего времени (что бы насъ ничуть не удивило), то и его прекрасное сочиненіе можешь подпасть сему же приговору.

Г. Переводчикъ, представляя разборъ сочиненій Ген. Жомини (спр. 169.), говоритъ: *первые походы его и проч.* Чьи походы?—Генерала Жомини. Вѣрно Сочинитель упоминаетъ не о своихъ походахъ. — Такое двусмысліе, какъ и нѣсколько еще другихъ, не украшаютъ перевода.

На спр 170. Г. Переводчикъ помѣстилъ слѣдующее замѣчаніе: *видно, что авторъ сего обозрѣнія, не хотѣлъ представить разбора сочиненій Ген. Жомини. — Мы смѣло скажемъ, что появленіе ихъ въ свѣтъ, сдѣлало эпоху въ теоріи Военнаго Искусства и надѣлалъ современемъ доказать читателямъ, достоинство сихъ полезныхъ твореній.* —

Г. И—ій, явившійся на поприще Липшерапуры, подъ скромнымъ именемъ переводчика, обѣщаетъ научить насъ, какъ должно цѣнить сочиненія Ген. Жомини! Едва ли думалъ сей знаменитый писатель, что онъ будетъ обязанъ своею славою переводчику сей спашьи, который впрочемъ дышетъ большею самонадѣянностію, почиая

военныхъ людей нашего времени споль не-
свѣдущими, что они еще не знаютъ, по-
лезны ли сочиненія Ген. Жомини. — Генію
предоставлено было снять сію темную за-
вѣсу! — Г. Переводчикъ доказываетъ своею
особою, что и безъ военныхъ обществъ по-
являются у насъ Тигры Ливіи *).

Теперь попросимъ Г. Переводчика,
прежде, чемъ онъ воздвигнетъ обѣщанный
памятникъ Ген. Жомини, объяснишь намъ,
что онъ разумѣетъ о Г. Вангерѣ, сказавъ,
что авторъ сей *впадаетъ въ лѣлостныя дви-
женія*? Здѣсь можно подумаетъ, что Г. И—й
говоритъ о собственныхъ движеніяхъ Г.
Вангера, что не принадлежитъ къ предмету
сей статьи.

(Смр. 286.) *Отрывокъ не можетъ быть
названъ Исторією, хотя бы онъ обнималъ вы-
годы всей Европы, а сего не было въ сей кам-
паніи.*—Чего не было въ сей кампаніи? Вы-
годъ всей Европы?—Поиспинъ загадка! — О
какихъ выгодахъ говоритъ Г. Переводчикъ?
Можетъ быть кампанія сія не выгодна бы-
ла для Европы или...не знаю.—Только, вѣрно
не то хотѣлъ сказать Ген. Жомини. — Ка-

*) Ген. Жомини говоритъ, что у насъ рано, или
поздно, появятся Тигры Ливіи, и что возстановленіе
военныхъ обществъ можетъ много сему способство-
вать.

жешся вмѣсто выгодъ, должнобъ упошребити слово: *участіе*; но впрочемъ трудно выразить мысль автора, не имѣя у себя предъ глазами его сочиненія.

(стр. 289.) *Частые натиски Суворова противъ Нови..* Объясняясь такимъ образомъ свойственно только иностранцу, каковымъ и полагаемъ Г. Переводчика по причинѣ часто встрѣчающихся погрѣшностей въ его слогѣ.—Мы говоримъ: дѣлать *натискъ* на неприятеля; дѣлать *натискъ* на городъ не упошребительно; а дѣлать *натискъ* *противъ* города, есть выраженіе вовсе не свойственное нашему языку.

Г. Переводчикъ, говоря объ участіи, которое принималъ Наполеонъ въ малѣйшихъ общодельствахъ (стр. 293.) переправы своей арміи чрезъ Дунай, продолжаетъ: *между темъ, въ то же самое время, онъ конечно помышлялъ о величайшихъ предприятияхъ.*—*Между темъ въ тоже самое время, есть еще, что сегодня въ сегодняшній день;* но Г. Переводчикъ хотѣлъ обратиться на сіе особенное наше вниманіе — и почто: не вольно шупъ основанъ и съ большимъ трудомъ рѣшишь продолжатъ чтеніе. — *Далѣе: при удаленіи судна отъ берега, раздаваться на водѣ звуки полковой музыки, посреди пушекъ и оружія; по мѣрѣ удаленія одной начинала играть другая и прот. Кто другая?*

Пушка, или музыка? Помоему ни та, ни другая *).

Далѣе изъясняется Г. Переводчикъ : *пусть авторъ (Пелешъ) объяснитъ намъ, о какой тайной коалиціи говоритъ онъ (послѣ: говоритъ онъ, ожидаемъ словъ Г. Пелеша): о коалиціи ли 1793 года, въ которой главнымъ основаніемъ противъ Франціи была Австрія, или, и проч. Австрія была главнымъ основаніемъ противъ Франціи!* Не всякъ догадается, что выраженіе *главнымъ основаніемъ* относится къ коалиціи.

(свр. 294.) *Увлетенный сими замыслами Г. Пелешъ, и проч.—*Таковой оборотъ называется галлицизмомъ, каковыя нерѣдки въ сей сташѣ.

(свр. 295.) *Хваля Наполеона, или Массену, авторъ (Пелешъ) ничего не принимаетъ въ уваженіе, и проч. —* Хваля сихъ Полководцевъ, онъ вѣрно принималъ въ уваженіе ихъ заслуги, обшояпельства войны, искусство противниковъ, и проч. и проч. Кажется это новое оскорбленіе знаменишому писателю.

(свр. 296.) *Историкъ, восхищаясь народомъ и Натальникомъ, подходившими такъ*

*) А почему музыка играть не можетъ? Это выраженіе давно уже у насъ употребляется не только въ разговорѣ, но и на письмѣ. Изд.

близко къ всеобщей монархіи въ Европѣ, и пр. Кажется Г. Переводчикъ съ намѣреніемъ составилъ здѣсь болѣе чешырехъ смысловъ; онъ теперь надѣется, что который нибудь изъ нихъ будетъ соотвѣшествовать мысли автора. — Таковая предосторожность впрочемъ похвальна: добрый запасъ для аншикришки!

(стр. 296.) *Всѣ походы Наполеона въ Италиі, вышедшіе понынѣ въ свѣтъ, списаны съ оставленныхъ или описаній, и прот.* Что значить: походы вышли въ свѣтъ? Мы говоримъ переводъ Г. И—го вышелъ въ свѣтъ, а не Г. И—ій вышелъ въ свѣтъ. *Походы списаны* — значить изображены на картинѣ; но походы списаны съ описаній, есть такое выраженіе, которое предсоставляемъ объяснить Г. Переводчику. — На стр. 297. подобная сему погрѣшность: тамъ Г. Переводчикъ списываетъ самаго Пелеша! — Лучшая награда для писателя!

Г. Переводчикъ, предсавляя намъ образецъ слога Г. Пелеша, употребляетъ слѣдующія выраженія: *Вопросъ рѣшенъ безвозвратно (?)* (стр. 293); *превосходство рѣшилось* (стр. 299) . . . *на большой дорогѣ, гдѣ побѣжденные мтались съ побѣдителями. Многие были заброшены въ болота* (кто многіе? Побѣдители, или побѣжденные? — Кроме того и выраженіе: *заброшены*, нахожу нѣсколько

смѣлымъ въ отношеніи ко всадникамъ.)
 Таковое изображеніе слога Г. Пелеша не
 весьма для него лестно.

(спр. 301.) Г. И—ій заключаетъ свой
 переводъ слѣдующими словами: *пусть до-
 в дствуются они (выше сказано большіе Исто-
 рики) описаніемъ происшествій, а если жела-
 ютъ изслѣдывать причины оныхъ, то не долж-
 ны разсуждать съ таковыми очевидными о-
 шибками.*— Истинная правда: большіе Исто-
 рики, даже и маленькіе, не должны заводитьъ
 разсужденій съ очевидными ошибками; опъ
 нихъ нечему научишься; мы со своей спо-
 роны тоже совѣшуемъ Г. Переводчику.

Въ заключеніе оспазается намъ попро-
 сить Г. И—го удовлетворить нашему не-
 перпѣнію, напечатаніемъ сочиняемаго имъ
 разбора швореній Генерала Жомини, надѣ-
 ясь, что сочиненіе будетъ удачнѣе перевода.

Кіевъ.

М. О.

5 Февраля 1825.

Шарада.

Моимъ *заглавіємъ* себя всякъ величаешь;
Послѣднее впередъ беречься научаешь;
Все не гожуся никуда:
Я въ правосудіи—*бѣда*.

В. О.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° XI.

ПЯТЬ ДНЕЙ.

Изъ моего Прапорщиктвѣго Журнала 1815 года.

(Окончаніе.)

Длинная хвороспица, копорою мой подводчикъ вооружился пропиву своихъ испощенныхъ лошадей, зашумѣла въ воздухъ, спукнула по всѣмъ по шремъ — и лошади пронулись, повозка покапшлась, гвоздь пошерялъ свое симпатическое дѣйствіе: уныніе овладѣло мною.

По мѣрѣ, какъ я удалялся отъ деревни, уныніе превращалось въ отчаяніе; лошади ослабѣвали, и изъ маленькой рыси переходя въ тихій, несносный шагъ, начинали меня сердить; взбѣсили наконецъ — я выскочилъ изъ повозки и пошелъ пѣшкомъ.

Добравшись до мѣспечка, въ копоромъ расположенъ былъ шшабъ-ропы, несмед-

ленно явился я къ Капитану, и слабымъ, перерывающимся ошъ горести голосомъ, просилъ его, чшобъ шу же минушу, снабдивъ подорожной и прогонными деньгами, ошправилъ меня къ новой рошѣ. Капитанъ взглянулъ на меня приспально и удивился: сильное спраданіе души было напечатано на лицѣ моемъ. Смѣкнувъ дѣломъ, онъ пошчасъ спарался скрышь свое удивленіе, и ласковымъ, дружескимъ голосомъ просилъ меня, чшобъ я, пока пригошовяшся всѣ нужныя для моего ошправленія бумаги, ошпался съ нимъ ошобѣдашь. Я долженъ былъ согласиться.

Во время спола сидѣлъ я какъ приговоренный въ смерши, ни къ чему не прикасался и на всѣ вопросы, кошорыми Капитанъ кошѣлъ завеспи меня въ разговоръ, ошвѣчалъ односложно: *да, нѣтъ*. Послѣ спола завель онъ рѣчь о службѣ; хвалилъ мою къ ней способность, усердіе и весьма сожалѣлъ, что долженъ разспашься съ шакимъ прекраснымъ Офицеромъ. Эшо польсшило моему самолюбію: я сдѣдался свободнѣе, веселѣе. Капитанъ замѣшилъ эшо и не упустилъ случая узнать все, что ему хошѣлось. Продолжая раз-

говоръ о службѣ и разспочая похвалы моему знанію, онъ нечувспвишельно склонилъ рѣчь къ женщинамъ, попомъ къ любви, попомъ мало помалу, разшевеливъ меня порядочно, выпросилъ всю шайну моего сердца, и наконецъ со всею любезностію умнаго, опытнаго человѣка доказалъ мнѣ, что милое, свободное обращеніе умной, любезной и благовоспитанной Софіи было со мною весьма обыкновенное, безъ всякаго на счешъ моего сердца умысла, одна лишь должная учпивость, больше ничего; и что если эша должная и обыкновенная учпивость принята и расшолкована мною иначе, ш. е. легкомысленно въ пользу моего сердца, то я при всемъ моемъ теперешнемъ горешномъ сосшояніи болѣе смѣшонъ, нежели жалокъ.

Въ продолженіи сего справедливаго и слѣдовашельно убѣдительнаго доказашельства, разумокъ мой началъ проясняться; сердце недовольное такимъ оборощомъ, пришворилось покойнымъ и, казалось спыдилось прошедшаго заблужденія.

Поблагодаривъ почтеннѣйшаго моего Капшана за сго всегдашнее ко мнѣ хорошее расположеніе и за послѣдніе, спа-

сипельные совѣпы, я проснулся съ нимъ въ 8 часовъ вечера, и на его бричкѣ, довольный собою, поѣхалъ до первой ближайшей почтовой станціи, откуда во весь духъ продолжалъ свой путь далѣе.

19 Сентября. Во всю прошедшую ночь ѣхалъ я, или лучше сказать, лежалъ на почтовыхъ, ни мало не думая ни о Софіи, ни объ успалости. Но передъ упромъ, не помню на какой станціи, взлѣзая на повозку я какъ-то оступился и такъ неловко ударился грудью о верхній ея край, что шляпка желѣзнаго гвоздя, забытаго мною въ карманѣ серпука, вдавилась въ шѣю почти до половины и сдѣлала порядочную рану. Это меня взбѣсило. Въ одинъ моментъ я выхватилъ изъ кармана гвоздь, бросилъ его въ лужу, сѣлъ и поскакалъ далѣе. Но увы! симпатическое дѣйствіе огорченнаго гвоздя опмспило мнѣ за мое къ нему пренебреженіе!—Боль раны безпрестанно напоминала мнѣ о гвоздѣ, гвоздь о соломенной шляпкѣ, шляпка о прекрасной Софіи, Софія напоминала мнѣ о неудачѣ моего феерверка и о Капитанѣ Польской Гвардіи. Эша по-

слѣдняя мысль, волновала во мнѣ кровь, разспроивала разсудокъ и вскорѣ наконецъ привела меня въ соспояніе человѣка, одержимаго горячкою.

Богъ знаетъ, чѣмъ бы это безумное изспупленіе кончилось, если бы ввечеру при безпрерывномъ блескѣ молніи, и спрашннхъ ударахъ грома — не пролился рѣдкою дождь и не промочилъ бы меня до костей. Въ 10 часовъ вечера допащился я до спанціи *N.*, гдѣ, чувспвуя сильное разслабленіе въ шѣлѣ и необходимость обсушиться — оспался переночевать.

20 Сентября. Кажется, что въ жизни человѣческой нѣтъ соспоянія, которое бы, въ опношеніи мѣспнаго жипельства, могло бытъ такъ непосредно и разнообразно, какъ жизнь человѣка военнаго. Кто не испыталъ сего въ продолженіи десяти, или пятнадцатилѣтней своей службы, не шолько въ военное, но и въ мирное время?

Иного напримѣръ, кварширующаго въ какомъ нибудь скучномъ уголкѣ невеселой Финляндіи, видишь, что онъ во всѣ свободные часы опъ службы — въ шеченіи года, или болѣе — съ шерпѣніемъ опбивается опъ скуки спарыми, нѣсколько разъ

перечисленными книгами, прияпельскими письмами, корпусными шепрадками, аспидною доскою, и наконецъ въ половину побѣжденный, репируешся опъ нее на высоту ушесисшой скалы, гдѣ находишь удовольствіе *отдохнуть, выкурить трубку табаку и посмотреть* въ даль на синѣющее Балшійское море. Потомъ вскорѣ послѣ сего, слышишь, что уже онъ, промчась на почтовыхъ, какъ на коврѣ самолепѣ, тысячи двѣ верстѣ — живешь въ Крыму, и съ высоты приморскаго берега, сидя въ большихъ, изсѣченныхъ изъ дикаго камня въ скалѣ креслахъ, на которыхъ нѣкогда сиживаль знаменитѣйшій изъ Царей Босфорскихъ Миприданъ — пишешь въ Финляндію къ своимъ товарищамъ о прелестяхъ Природы и о удовольствіяхъ жизни.

Напрошивъ того другой, квартирун въ веселой Польшѣ, и все свободное опъ службы время посвящая удовольствіямъ жизни свѣтской—не знаешь скуки, не видишь какъ проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы, и беззаботно—не думая о послѣдствіяхъ впечатлѣній, которое давно уже сдѣлано надъ его сердцемъ милымъ личи-

комъ ловкой панны—рисуется съ ней въ мазуркѣ и продолжаетъ шаять опъ ея прелестныхъ, *неумышленныхъ* взглядовъ. И вдругъ послѣ сего блаженства неожиданно, на другой же день, прежде, чѣмъ онъ успѣетъ проснуться опъ вчерашней мазурки и опъ неумышленныхъ, прелестныхъ взглядовъ милой, ловкой панны—долженъ сѣсть на почтовую шелѣжку, и съ унылымъ сердцемъ, и нахмуреннымъ лицомъ неспись къ Уральскимъ горамъ, въ Оренбургскую губернію, гдѣ вмѣсто того, чтооь какъ въ Польшѣ, въ свободные часы опъ службы рисовался въ мазуркѣ съ миловидною панною — посѣщаетъ рудники и желѣзные заводы.

И такіе быспрые, неожиданные, исполнскіе переходы опъ скуки къ удовольствію и опъ удовольствія къ скукѣ, случающа о всѣми съ шюю только разницею, что одни переносятся изъ Финляндіи въ Крымъ, или изъ Царства Польскаго въ Сибирь, а другіе изъ Петербурга въ Опочку, или изъ Варшавы въ М. Сморгони, извѣстное воспитаніемъ медвѣдѣй. Напримѣръ: давно ли я былъ полнымъ хозяиномъ красиваго домика, построеннаго на прекраснѣйшемъ

мѣсположеніи—прошивъ помѣщичьяго дома, въ копоромъ обитаетъ прелесная Софія—имѣлъ двѣ чистыя, опрятныя комнашки, и *каждое* утро, въ печеніи прехъ мѣсяцовъ, съ первыми еще слабыми лучами восходящаго солнца, ославляя сладкій сонъ—находили удовольствіе спавшись на часы у окна своего и попри, по чепыре часа караулишь минушу—не рѣдко попустому—въ копорую иногда выходила Софія прогуливатъ въ садъ!...

Но кромѣ этого небольшого и весьма обыкновеннаго дурачества и другихъ ему подобныхъ, копорыя дѣлалъ я изъ угожденія своему сердцу, кромѣ красиваго домика и двухъ чистенькихъ, опрятныхъ комнашъ, давно ли я какъ родственникъ, какъ другъ, какъ сынъ, . . . и слѣдовательно, какъ братъ прекрасной Софіи—былъ принятъ, былъ любимъ и ласкаемъ искренно любезнѣйшимъ, образованнымъ семействомъ почтеннѣйшаго помѣщика N? Давно ли я—три дня назадъ—набивая послѣднюю ракету, не только не воображалъ когда либо разспавсъ съ этимъ любезнѣйшимъ семействомъ, но даже

льспилъ себѣ приятнѣйшею надеждою, что со временемъ... Но вдругъ, послѣ настоящаго удовольствія и будущаго воображаемаго счастья, очутился я за 350 верстъ, и въ темную, глухую ночь, въ неспрятой почтовой станціи, при свѣплѣ догорающаго въ черепкѣ огарка, хожу по избѣ изъ угла въ уголь и завидуя, сержусь на своего деньщика и почтоваго писаря, которые въ прошивулежащихъ углахъ спящъ себѣ преспокойно и храпаящъ какъ наняшые!

Казалось бы, что такая жизнь, въ которой не успѣваешь ни слишкомъ соскучишься, кваршируя въ какой нибудь деревушкѣ одинъ однехонекъ, ни слишкомъ разнѣжилъ, живучи на примѣръ въ гостеприимной, бѣлокаменной Москвѣ, въ кругу тысячи заманчивыхъ удовольствій большаго свѣсна; казалось бы, что такая жизнь должна наконецъ приучить военнаго къ равнодушію: но судя по пеперешнему сосноянію моего сердца, я имѣю право думать, что одно ласковое слово, прелестный взглядъ, прелестная улыбка прелестной женщины, могутъ задѣпъ за живое и не Прапорщика. Я не знаю, во-

образить даже не могу, что было бы со мною, если бы на другой день моего ужаснаго феерверка не получилъ я благодѣтельнаго повелѣнія опсправиться немедленно въ новую рошу за 500 верспъ и за широкій заповѣднѣй *) Днѣспръ — въ Бессарабію! .

Передь упромъ прилегеъ я на лавочку, вздремаль, забылся и въ первѣй еще разь, въ продолженіи прехь мѣсяцовъ, не видалъ восхожденія солнца.

Въ 6 часовъ упра оставиль я вчерашній ночлегеъ и опяшь съ унылымъ сердцемъ и съ распроенною головою переносился проворными ямщиками изъ одной спанціи въ другую, не примѣчая вокругъ себя ничего прелеспнаго, ничего занимательнаго, даже не чувспвоваль движенія быспрокапящейся брички и звона колокольчика, болшающагося на концѣ дышла.

Уже около полудня, почувспвовавъ жарь палящихъ лучей солнца и удушливоспъ распилающейся по землѣ пыли,

*) Тогда были учреждены по Днѣспру строгіе караншины.

произведенной ѣдущимъ по дорогѣ нога за ногу обозомъ, я спалъ мало помалу приходилъ въ себя, и наконецъ, высунувъ изъ подъ шинели голову, могъ примѣшивъ и удивившись, что нѣтъ со мною ни деньщика, ни ямщика; что упомянутыя лошади, повѣся головы, споятъ какъ врышыя въ землю прежде однако, чѣмъ примѣшилъ я, что бричка не движется и что въ десяти опъ меня шагахъ большая, каменная корчма, какъ уже и ямщикъ и деньщикъ спановились на спуспицы колесъ и лѣзли на свои мѣста. “Гдѣ-это вы были, а?,” спросилъ я у нихъ. — *Вѣ корчму, сударь, забѣгали выпить, а то могли не было: во рту засохло!* опивчалъ мнѣ ямщикъ, и сѣвши на козлы, приударилъ на высокую, но довольно оплогую гору.

Чрезъ нѣсколько минутъ я уже споялъ на высокой горѣ и любовался излучинами шекущаго подо мною широкаго Днѣспра, и по его живописнымъ берегамъ, между садами, разбросаннымъ Могилевымъ. Въ эту минушу я позабылъ о прекрасной Софїи: шакъ прелестень городъ, когда спопришь на него съ верху и въ лѣшнее время!

И дѣйствительно, если бы на шомъ мѣстѣ, гдѣ я тогда споялъ, позабывъ о Софіи, случилось быть художнику рисованья, и если бы имѣлъ онъ болѣе времени, нежели я, т. е. если бы ѣхалъ онъ не по казенной надобности и сверхъ того былъ бы въ лучшемъ, нежели я расположеніи, то—я увѣренъ— что онъ, несмотря на палящіе лучи солнца, не распался бы съ этимъ мѣстомъ до пѣхъ поръ, пока не изобразилъ бы влѣвъ—зеркальной поверхности широкой и быстрой рѣки, извивающейся по между дикими, огромными скалами, по между берегами оплогими, зеленѣющими, цвѣтущими; вправѣ —примыкающихъ къ рѣкѣ и идущихъ около города полукружіемъ высокихъ горъ, изъ коихъ однѣ, прельщая взоръ и вкусъ зрителя виноградными садами — манящъ на свои плодоносныя оплогости; напрошивъ шого другія дикія, угрюмыя, съ высунувшимися изъ ихъ опрубиспой высоты большими каменьями — безпокоющъ приближающагося къ нимъ смѣльчака и подирающъ по кожѣ робкаго. И наконецъ, прямо на семь пространствѣ, окруженномъ рѣкою и горами, изобразивъ превос-

ходные сады пересѣкаемые красивыми городскими улицами, и увѣнчавъ ихъ блестящими куполами церквей, высокими колокольнями, башнями и крышами главныхъ городскихъ строеній — художникъ могъ бы подарить любительницъ и любителей изящнаго превосходнымъ, единственнымъ ландшафтомъ.

По мѣрѣ той, какъ я съ горы спускался въ городъ, прелестныя окрестности Могилева мало помалу скрывались отъ моего взора; широкій Днѣспрѣ становился уже, уже . . . казался озеркомъ . . . ручейкомъ; удовольствіе, коснувшееся сердца моего на горѣ при встрѣчѣ съ Могилевымъ — становилось слабѣе, слабѣе, и наконецъ на первой песчаной городской улицѣ, по кошорой несся и пылил мой ямшикъ, оставило меня совершенно: я уже думалъ о Софіи, о ея женихѣ, о неудачномъ феерверкѣ и о вѣчной разлукѣ. Мысль, что чрезъ нѣсколько минутъ я буду за Днѣспромъ, какъ за Ахерономъ — ужасала и приводила меня въ опчяніе.

НЕСЧАСТІЯ ОТЪ СЛЕЗЪ И ВЗДОХОВЪ.

Повѣств.

(Продолженіе.)

Разсвѣло и первые лучи солнца опяшь опразились на зеленыхъ занавѣсахъ Эрасшовой комнашы; но Эрасшь не съ шакимъ восхищеніемъ, какъ прежде, встрѣчаешь упрю и лучи солнечные. Ему кажешся, будто все поскуешь въ природѣ вмѣстѣ съ его сердцемъ; печальное воображеніе понесло было его въ сады Меланхолія...вдругъ двери его комнашы съ шумомъ ошворяюшся — Маркизь Глаголь, въ парижскомъ сершучкѣ, бѣжишь прямо къ Эраспу...и подаешь ему руку. Эрасшь быспро приподымаешся съ постели и не можешь скрышь своего ужаса, взглянувъ на Маркиза: Маркизь совершенный Гамлешъ, преслѣдуемый привидѣніями . . . блѣдень, волосы въ безпорядкѣ, пальцы въ судорожныхъ движеніяхъ.—“О другъ! чшо съ тобою? Чшо огорчаешь тебѣя въ эшомъ свѣтѣ?—говоришь Маркизу чувствительный Эрасшь — Чшо съ тобою? Садись и

пролей въ душу соспрадающаго тебѣ звуки печали швоей...—Маркизь крѣпко пожимаетъ руку Эраспа, садится подлѣ него, потираетъ лобъ... дико осмаприваешся...и гробовымъ голосомъ начинаешъ: другъ! мы опозорены! обезславлены! намъ оспаешся одно утѣшеніе: *мщеніе!*..Увы! зачемъ возвращался я изъ Парижа?—Сказавъ эшо, голова Маркиза склоняется къ груди...и послѣднее слово: *мщеніе*, произносишь онъ пренещущими губами, сиповатымъ, глухимъ голосомъ. — “Мщеніе? о другъ! мщеніе, чувспво, которое не гармонируешъ съ чувспвами человѣколюбія... и мспишь! Кому? Къ чему? *Кѣ телу сіе и на какой конецъ?*”, (Любимый стихъ Горланскаго изъ Трагедіи: *Дейдалія*:)—Слушай, ошвѣчаешъ Маркизь, слушай: вчерашняя идиллія была эпиграмма на насъ, эпиграмма самая злая и ужасная! И я писалъ роли! И я несчастный думалъ, что все эшо дѣлаешся для нашего удовольствія, для нашей славы! Ошмспимъ, другъ, ошмспимъ! О еслибъ эшо случилось со мною во Франціи! — “Но я не понимаю тебя, ошвѣчаешъ уныло Эраспъ, устремивъ на Маркиза черные, большіе глаза, и Мар-

кизь объяснилъ несчастному, что весь
 вчерашній праздникъ былъ не что иное,
 какъ злая насмѣшка надъ ними; что Юлія
 всему виною, но еще болѣе ея прияпельни-
 ца Мопылькова, бывшая въ числѣ зри-
 шелей, и что эша Мопылькова уговарила Юлію
 одурачить и Эраспа и его Маркиза Гла-
 голя... Давно уже Маркизь кончилъ свое
 убійственное повѣствованіе, а Эраспъ
 все сидитъ на своей постелѣ; глаза его
 неподвижно усупремлены въ колѣна, на
 которыя уперся его подбородокъ. Все,
 что естъ оскорбительнаго для сердца,
 ума и самолюбія, перзаестъ его сердце,
 умъ и самолюбіе; все моральное суще-
 ство его поражено...онъ чувствуетъ всю
 великосшь оскорбленія ему сдѣланнаго,
 эшо ужасное чувство лишаестъ его воз-
 можности говорить, разсуждать и дѣй-
 ствовать... Маркизь Глаголь смотришь
 на него, и въ черпахъ лица его изображено
 неперифливое ожиданіе отвѣта. — Мще-
 ніе, другъ, мщеніе! кричитъ онъ — и
 Эраспъ тихо повторяестъ: *мщеніе!*...Сле-
 зы, брызнули изъ глазъ его, и голова ти-
 хо склоняется на ладонь лѣвой руки... —
 Напишемъ сапиру на Юлію и Мопыль-

кову!—“Саширу?... Ужь это слишкомъ... развѣ эпиграмму, опивчаешь со слезами Эраспъ.—Согласенъ, согласенъ! Пиши эпиграмму, а я...я напишу саширу и опомщу за себя...не осмѣляюся называть меня болѣе Маркизомъ Глаголемъ!— И вопшѣ наши Поэшы уже за работою—надулись, разсѣлись по угламъ комнаты—шрепещущіе пальцы ихъ счищаютъ стопы—съ наморщеннаго чела каплетъ крупный потъ—наконецъ они счастливы и довольны, потому что прочли другъ другу свои произведенія: одинъ саширу, другой эпиграмму. Злодѣй Маркизь скачетъ въ шелѣжкѣ въ Москву, и въ слѣдующемъ номерѣ журнала сашира и эпиграмма напечатаны. Книжки получены въ селѣ Беззаботинѣ, и надобно опидать чеспъ авшорамъ—Юлія съ Мотыльковой узнали себя!..Но какъ дорого заплащили Эраспъ и Маркизь за минушное шоржесшво свое!

45.

Смерклось. На колокольнѣ пробилъ девять часовъ...заблещали свѣчи въ комнатахъ Богашонова. Эраспъ и Маркизь, сидя въ гущей аллеѣ сада, мечтали о

толб, о селб, о вселб ... Эраспъ наслаждался какимъ-то сладостнымъ восторгомъ...въ душу его шѣсился рой неописанныхъ радостей... теплый, тихій вечеръ, сумракъ; легкій вѣперокъ, кошорый перешепывался съ листьями деревъ; свѣтъ изъ оконъ въ домѣ Богапонова, проникающій сквозь зелень—все это наполняло душу Эраспа тихимъ, помимельнымъ блаженствомъ...онъ чувствовалъ въ полной мѣрѣ неземное наслаждение, словомъ: невыразимое! И Маркизь Глаголь счастливъ! Воображеніе его забавляется надъ Юліей и Мопыльковой!..Онъ вѣришь опъ всего сердца, что мщеніе есть удовольствіе боговъ...и оба они молчатъ. — *Говорятъ, когда ничего не чувствуютъ; молчатъ, когда говоритъ сердце,* сказала какой-то сочинитель конфекшннхъ билешцовъ. Вдругъ, позади скамѣйки, на кошорой они сидѣли, раздается ударъ въ ладони...они вскакивающъ...и въ шу же минуу чешыре великана схватывающъ ихъ и тащатъ за собою ... Пораженные нечаянностію, столь несходною съ мирнымъ наслаженіемъ ихъ, Эраспъ и Маркизь не могушь еще опомнишься: они въ безпа-

мяшствѣ. О страхъ! ихъ бросають въ длинную польскую бричку, запряженную въ шесть лошадей; раздаешся громкое: *пошелъ*; и они помчались. Куда? куда? — Этого протпаго вопроса испуганные витязи и сами еще не успѣли себѣ сдѣлать... И какая безпокойная ѣзда! Бричка успановлена на чешырехъ колѣсахъ разной величины; они какъ въ кораблѣ во время бури... ихъ бросаешъ изъ спороны въ спорону. Чешыре великана, въ мохнапыхъ кафпанахъ, въ медвѣжьихъ шапкахъ, скачупъ по споронамъ брички на огромнѣйшихъ лошадяхъ; у каждаго въ рукѣ большая сукованая дубина — форрейшоры кричашъ адажіомъ: *пади!*

46.

Быспро неслась безпокойная бричка... каждая верша чувствительно ошзывалась въ головахъ и бокахъ Маркиза и Эраспа. Наконецъ они въѣхали въ густую березовую аллею... и бричка оспановилась... Великаны слѣзли съ лошадей, и Эраспъ и Маркизь Глаголь опашъ на воздушныхъ креслахъ, п. е. несущся на рукахъ мохнашыхъ проводниковъ сво-

ихъ. Ихъ приносятъ передъ спроеіе, сна-
ружи похоее на манежъ... мохнапые
брякнули большимъ, желѣзнымъ кольцомъ,
дверей манежа и двери опворились... Эра-
ста и Маркиза полкнули—и они очупи-
лись въ пошемкахъ, но кругомъ себя слы-
шашъ громкій, досадный хохошъ муж-
скихъ и женскихъ голосовъ. Нѣжный
Эрастъ плачешъ; Маркизь, который при-
шелъ уже въ себя, въ бѣщенствѣ! Онъ чув-
ствуешъ весь свой позоръ; но какъ чело-
вѣкъ благородный, или оспорожный
храбрецъ, или просто: шрусъ, ждешъ кон-
ца происшествія съ водненіемъ и шоскою,
съ шрепетомъ въ колѣняхъ и шеѣ. Мракъ,
окружающій ихъ, еще болѣе укрѣпляешъ
ихъ оспорожную храбросшъ... хохошъ у-
молкъ, ничего не слышно. — Маркизь
Глаголь прислушивается, удерживая ды-
ханіе... шшшина!... Воображеніе его вос-
пламеняешъ, храбросшъ освѣжаешъ серд-
це; онъ берешъ за руку Эраста и швер-
дымъ голосомъ говорешъ: “пойдемъ!”, —
Куда? — “Куда глаза глядяшъ!”, — Ахъ! мои
глаза ничего не видяшъ; куда же я пойду
за ними? — “Все равно! Мы должны узнашъ,
что съ нами хоцяшъ дѣлашъ... кшо былъ

въ Парижѣ, пошъ не знаешь страха., — Говоря эшо, онъ идешъ впередъ и шашипъ за собою Эраспа ... и вдругъ оба падаюшъ въ глубокою яму ... къ счастью на пуховики. Въ ужасѣ паденія Эраспъ схватилъ за волосы Маркиза, а Маркизъ за носъ Эраспа, и такимъ образомъ, поддерживая другъ друга, они очутились на мягкихъ пуховикахъ, приспособленныхъ для нихъ предусмотрительнымъ хозяиномъ.

47.

Пораженные нечаяннымъ падениемъ, они не могушъ еще придти въ себя, какъ вдругъ хохотъ снова раздаеися надъ ихъ головами, и яркій свѣшъ упадаешъ на нихъ сверху ... Все еще держа другъ друга за волосы и за носъ, они поднимаюшъ глаза и видяшъ изъ своей ямы, что надъ ними, на самомъ краю ямы, споишъ одинъ изъ сопровождавшихъ ихъ великановъ, съ факеломъ въ рукъ. — “Эраспъ! и вы Маркизъ Глаголь! - говоритъ великанъ конспробасомъ-васъ спрашиваюшъ передъ судилище! — Эраспъ разспаеися съ волосами Маркиза, приподнимаешся и карабкаешся вверхъ. Яма была не велика и

Эраспъ кое-какъ добрался до вышины. Маркизь слѣдуетъ за Эраспомъ. Кто опишетъ ихъ изумленіе? Они въ шапръ!... кругомъ маленькія ложи ... занавѣсъ, на копоромъ изображень Аполлонъ и Музы опдѣляютъ сцену. Эраспъ и Маркизь осмаприваются кругомъ и не вѣряпъ глазамъ своимъ. “Сшойше шупъ!”, говоритъ имъ проводникъ и скрывается. Эраспъ и Маркизь осшаются одни, посылая кругомъ себя изумленные, вопрошающіе взоры...вдругъ ...

Занавѣсъ быспро поднимается ... посреди сцены жерпвенникъ, на копоромъ дымящся нѣскольго куришельныхъ свѣчь ...подлѣ жерпвенника спойпъ маленькая дѣвочка, лѣпъ семи, и держипъ въ рукахъ спрѣлу; за спиною ея колчанъ изъ карпона, оклѣенный серебряною бумагою; къ плечамъ ея привязана пара гусиныхъ крыльевъ. По обѣимъ споронамъ жерпвенника, въ глубокомъ молчаніи, сидяпъ дамы, одѣпыя Веспалками...на спойликъ, подлѣ жерпвенника, чернилица, перо, бумага и...Повѣспи Эраспа Черпуполохова.

Эраспъ изумлень, поражень, поше-

рѣнь и слезы градомъ сыплются изъ глазъ его отъ яркаго освѣщенія; невольный пререпеть качаетъ его ноги; отъ глубочайшаго почтенія не знаетъ онъ куда дѣвать ему свои руки. Раздается громкая музыка... ша же безжизненность на сценѣ, шопъ же священный пререпеть въ Эра-еиѣ; но вопъ звуки спановятся слабѣе, слабѣе.. и снова поржештвенная пишина, снова трозное молчаніе... ярко блестятъ восковыя свѣчи въ огромныхъ кандеабрахъ; быспро взвиваешся къ верху ароматическій дымъ отъ куришельныхъ свѣчъ и обвиваясь около Веспалокъ; кажешъ Эраспу *тушанную даль* и окруженныхъ сіяніемъ звѣздъ *незнакомыхъ незнакомкѣ*...вдругъ одна изъ шаиншвенныхъ дѣвъ вспаешъ со своего мѣспа и медленно приближается къ сполику...Лице ея, такъ какъ у всѣхъ прочихъ, занавѣщено шонкимъ баписпомъ...Вслѣдъ за нею шондѣляешся отъ прочихъ еще одна, ударяешъ два раза въ ладони, и чешыре карла выносятъ изъ за кулисъ Волперовскія кресла, обшитыя золотою бумагою. Она садится на кресла посреди сцены и даешъ знакъ рукою. Карлы удаляюшся; дѣва спо-

дѣлая у сполика, начинаешъ говорить слѣдующее: “Безпредѣльное уваженіе къ прекрасному полу искони было первѣйшимъ достоинствомъ храбрыхъ рыцарей и нѣжныхъ шпубадуровъ. Читайше историческіе романы Ея Сіапельсшва Графини Жанлисъ, если не вѣрите словамъ моимъ. Но увы! бывали къ несчастію примѣры, что рыцари забывали первѣйшую изъ добродѣтелей, п. е. уваженіе къ женщинамъ: тогда неминуемо преслѣдовало ихъ наказаніе—наказаніе жестокое, обыкновенно назначаемое собраніемъ женщинъ. Объ эпихъ собраніяхъ довольно говорено Ея Сіапельсшвомъ упоминающею Графинею Жанлисъ,,

“Вы, Эраспъ Ліодоровичъ, и вы, Пиладь Орешовичъ, вы обвинены въ оскорбленіи прекраснаго пола.,,

“Онѣвѣчайше вы, Эраспъ Ліодоровичъ!,,

“Писали ли эпиграммы?,,

— Писаль - съ. —

“Писали ли эпиграммы на женщинъ?,,

— Нѣпъ - съ. —

“Вы, Пиладь Орешовичъ, писали ли вы саширы?,,

— Писаль - съ. —

“Писали ли вы сапиры на женщинъ?,”
— Нѣтъ - съ. —

Послѣ этого дама, сидящая на золотыхъ креслахъ, поднимается со своего мѣста, и говоритъ: “недовольно одного пресупленія, въ которомъ вы обвинены; я обвиняю васъ еще во лжи ... и вещь потому доказательство!,”—Сказавъ это, даетъ она двѣ, спящей у жерпивенника двѣ бумаги: сапиру Маркизову и эпиграмму Эраспову.

Дѣва, спящая у столика, прочла сапиру и эпиграмму; и по проченіи обратилась къ нашимъ вишнямъ:

“Знаете ли вы эти стихи? Вы ли писали эту сапиру, Маркизь? Ваша ли это эпиграмма, Эраспъ?..,”

“Вы молчите ...,”

— Кто молчитъ, тотъ соглашается — говоритъ дама золотыхъ кресель — и такъ въ собраніи нашемъ осуждены Пиладъ Орестовичъ и Эраспъ Лидоровичъ ... а къ чему, прочтите 25 стран. въ Повѣстяхъ Чертополохова. —

Дѣва, спящая у столика, беретъ Повѣсти Чертополохова и читаетъ слѣдующее: *Еслибъ нашелся человекъ, кото-*

рый бы оскорбилъ женщину словомъ, дѣломъ и помысленіемъ, и мнѣ отдали бы на судъ его, я поступилъ бы съ нимъ какъ съ безумнымъ ... я не переставалъ бы окатывать его холодною водою до лихорадочнаго припадка.

— Довольно! сказала дама золотыхъ кресель. Виновные приговорены! Чтoбъ сей часъ приговоръ былъ исполненъ! —

Только что произнесла она эти слова, поштокъ надъ головами нашихъ вишней раздвигается, и на нихъ выливають заразъ огромный чанъ воды ... въ эту минуту занавѣсъ падаетъ, раздается громкая музыка ... лишавры, барабаны только и слышны ... и Эраспъ и Маркизь оняшь въ темношѣ, мокрые, дрожащіе отъ холода и страха. Немилосердно пробуютъ волторны, еще немилосерднѣе гремятъ лишавры и спучаютъ барабаны. Эраспъ и Маркизь дрожатъ, и въ другое время вѣрно оба кричали бы, еслибъ имъ жали руки шакъ, какъ они сами теперь жмутъ ихъ другъ у друга ... Но мученія ихъ еще не окончены: ихъ выносятъ изъ театра, и они оняшь въ ширанской бричкѣ, оняшь спучающія головами и мечущія изъ угла

въ уголь. Сполько быспрыхъ и неприятныхъ перемѣнъ изнурили нашихъ виошязей: они поперяли память и не знаютъ сами, какъ ихъ привезли ошяшь въ село Беззабошино и какъ очушились они ошяшь въ саду, на скамьѣ, съ которой похишили ихъ грозные, мошнащые великаны.

*(Продолженіе въ XI, а окончаніе
въ XII N^o.)*

~~~~~

ПИСЬМО НИНОНЫ ЛАНКЛО *) КЪ МАРКИЗУ СЕВИНЬЕ.

Вы говорите, Маркизь, что существенное достоинство въ чловѣкѣ составляетъ необходимое условие для того, что бы нравиться женщинамъ. Кипо въ этомъ сомнѣваетесь? Надобно шолько знать что вы разумѣете подъ существеннымъ достоинствомъ? Назовете ли вы имъ основательность ума, точность въ сужденіяхъ, обширную ученость, благора-

---

*) Извѣстной своею любезностію и умомъ, жившей въ вѣкѣ Лудовика XIV, Короля Французскаго.

зуміе, скромносшь, наконецъ всѣ добродѣтели, копорыя чаще приводяшь васъ въ замѣшательство, нежели дѣлаюшь счастливыми? Въ такомъ случаѣ мы не понимаемъ другъ друга. Предоставьте всѣ эти качества обращенію вашему съ мужчинами; они привыкли къ нимъ. Но что касается до обращенія съ женщинами, то старайтесь замѣнить всѣ сіи добродѣтели приятностями другаго рода; одно это достоинство можете имѣть здѣсь уваженіе и одна эта только монета можете имѣть свой ходъ; но берегитесь назвать ее фальшивою монетою. Истинное достоинство соспешъ, можете, бытъ, болѣе въ условномъ, нежели дѣйствительномъ совершенствѣ; и гораздо полезнѣе имѣть качества приличныя для тѣхъ, копорымъ хотимъ нравиться, нежели тѣ, копорыя почишаюшь дѣйствительно достойными уваженія. Должно сообразоваться съ нравами, иногда даже съ самыми недосъщатками тѣхъ, съ копорыми должны мы жить, если хотимъ жить съ приятностію для себя.

Какое предназначеніе женщинъ въ обществѣ? Какая ихъ обязанность между

вами? Онѣ должны нравиться: но прелести наружныя, личныя, всѣ любезныя и блестящія качества сославляють единственное средство для достиженія сего. Женщины обладаютъ ими въ превосходной степени; и онѣ хощуть, чѣшобъ въ сихъ качествахъ имъ уподоблялись. Напрасно будете обвинять ихъ въ легкомыслии; онѣ исполняютъ свою обязанность превосходно, потому что онѣ предопредѣлены для вашего счастья. Признайтесь: не прелестнымъ ли нашего обращенія, крошечки нашихъ нравовъ обязаны вы лучшими вашими удовольствіями, общественными добродѣтелями, наконецъ вашимъ счастьемъ? Будьте опккровенны: однѣ науки, любовь къ славѣ, мужество, самая дружба, которую вы щакъ по справедливости превозносите, могли ли бы сдѣлать васъ совершенно счастливыми, или по крайней мѣрѣ удовольствіе, получаемое вами отъ нихъ, было-ли бы сколько живо, чѣшобъ вы могли чувствовать чѣшобъ вы есть? Конечно нѣтъ; ничто не могло бы извлечь васъ изъ скучнаго однообразія, которое бы васъ обременяло, и вы были бы существами наиболее заслужи-

вающими уваженіе и въ поже время до-
 спойными сожалѣнія. Но женщины взя-
 ли на себя прудъ разсѣять сію смершель-
 ную шягосшь осироумною веселоспію
 своего обращенія и прелестями, копо-
 рья умѣюнь онѣ обнаружилъ въ искус-
 ствѣ нравилъсь. Игривая веселосшь, лю-
 безный жаръ, сладостное упоеніе однѣ
 шолько могутъ возбудишь ваше внима-
 ніе и заснавилъ васъ почувствовашъ,
 что вы счастливы: ибо Маркизь, боль-
 шая разница между проспымъ наслажде-
 ніемъ, счашіемъ и умѣніемъ вкушашъ у-
 довольствіе опъ сего наслажденія. Обла-
 даніе нужнымъ не дѣлаешъ еще человекъ
 совершенно довольнымъ; одно излишество
 дѣлаешъ его богатымъ и заснавилъ его
 почувствовашъ что онъ естъ. Не однѣ пре-
 восходныя качества дѣлаюшь васъ любез-
 ными, и сіи качества скорѣе могутъ
 бышь напротивъ недоснашками. Чшобъ
 заснавилъ себя искашъ, находишь удо-
 вольствіе въ вашемъ обществѣ, что
 шоль лестно для самолюбія, надобно
 бышь приятнымъ, забавнымъ, необходи-
 мымъ для удовольствія другихъ. Повшо-
 ряю вамъ, что шолько эшимъ можно у-

спѣшь понравиться и особливо въ обращеніи съ женщинами. Скажите пожалуйста мнѣ, какая нужда имъ въ вашихъ знаніяхъ, въ вашей почности сужденій, въ остротѣ памяти вашей и пр. Если вы имѣете только эти качества, если приятные таланты не смягчаютъ суровости первыхъ: то я объявляю себя прошивъ васъ; тогда вы не только не можете нравиться женщинамъ, но покажетесь имъ цензоромъ, котораго онѣ будутъ опасаться, принужденность ваша изгонитъ веселость ихъ, которую бы онѣ себѣ позволили, если бы вы были не столь суровы. Какъ въ самомъ дѣлѣ бытъ намъ любезными въ глазахъ человѣка, который оскорбляетъ насъ своимъ равнодушіемъ, который самовольно дѣлается нашимъ судьей и не предается естественному влеченію бытъ веселымъ? Однимъ словомъ, излишнее благоразуміе, излишняя осмопрительность производятъ въ душѣ другихъ тоже, что холодный вѣтеръ для человѣка, вышедшаго изъ теплой комнаты. Я хотѣла сказать, что принужденность, въ которой себя держимъ, сжимаетъ поры сердца у насъ, съ

копорыми бываемъ, и они не осмѣлива-
юшся предаться свободному изліанію сво-
ихъ чувствъ. Избѣгайте сихъ недоспа-
шковъ, Маркизь, берегитесь холодноспи
въ желаніи нравиться, спараясь выка-
зать себя съ лучшей стороны. Вы ко-
нечно знаете, что скорѣе можно понра-
виться пріятными недоспаітками, не-
жели другими существенными качесіва-
ми. Великія добродѣтели похожи на зо-
лотую монету, копорая несравненно
менѣе обыкновенной употребляется въ
обращеніи.

А. Г.

~~~~~

Пустыня.

Есть пустыня, въ ней паишся
Робкій Геній пишины;
Тамъ въ источникъ глядишся
Дочь спыдливая Веспы;
Тамъ средь рощи молчаливой
Съни зыбкія сплелись,
И береза съ дряхлой ивой
Надъ лужайкой обнялись...

*

Тамъ, разкланявшись съ толпою
Чесполобцевъ наконецъ,

Но кто рѣшится бышь
 Ослушникомъ предъ вами?
 О нѣшь! я радъ забыть
 Для васъ всю злосшь Форшуну,
 И снова пробудить
 Покинутыя струны!

Начаншь ли мнѣ хвалишь
 Въ васъ: очи голубыя
 И локоны гусшыя
 И розы молодыя
 Лилейнаго чела —
 И все — чемъ убрала
 Рука свяшой Природы
 Любимицу свою? ...
 Нѣшь! прелести земныя
 Ничшо въ глазахъ моихъ;
 И горести и годы
 Уносяшь быстро ихъ!
 Есть прелести другія
 Небесныя, свяшыя,
 Есть прочныя красы,
 Кошорыхъ ни печали,
 Ни время не убуюшь;
 Онѣ всегда цвѣщущъ;
 Онѣ меня плѣняли
 Въ тѣ милые часы,
 Когда я въ думѣ сладкой
 Смошрѣлъ на васъ украдкой,
 Смошрѣлъ и — замѣчалъ,

И признаюся: краше
 Души прекрасной взшей
 Дошоль я не знаваль! ...

Какъ жаль, что славнымъ въ мірѣ
 Мнѣ бышь не суждено!
 Прославиль бы на лирѣ
 Я васъ давнымъ давно;
 Но ваша машь родная
 Природа всесвяшая —
 Мнѣ мачиха лихая!
 Она меня пуская
 Въ печальный здѣшній свѣтъ,
 Мнѣ счастья дашь забыла,
 Таланпомъ обдѣлила —
 Лишь сердцемъ наградила ...
 И сердце многихъ бѣдь
 И слезъ моихъ виною:
 Ему покоя нѣтъ!
 Все съ грустью, все съ поскою
 Оно чего — по ждешъ,
 При милыхъ сильно бѣпся
 И часто къ милымъ рвешся ...
 Но кто его возьмешъ? ...

Илецкал Защита.

А. Крюковъ.

Басни.

1. Любовь и Дружба.

Лизеша въ домъ къ себѣ Амура не пускала,
И онъ бѣдняжка безъ умолку рыдалъ.

“Надѣнь мой клѣкъ,, — его шакъ Дружба
подучала —

“Тогда навѣрное шы въ домъ ея попалъ.,,

2. Мотылекъ и Червякъ.

“Прочь! прочь! презрѣнное шворенье!,,
Вскричалъ на Червяка надменный Мотылекъ.
Червякъ же даль отвѣшь: попише, мой дру-
жокъ!

Припомни напередъ свое происхожденье. —

3. Левъ и Волки.

Въ переднюю ко Льву пришелъ съ про-
шеньемъ Бобръ.
Тушь Волки, слуги Льва, Бобра едва не
съѣли.

Но вышелъ Левъ и Волки присмирѣли.—
Рабы лишь часпо злы, а господинъ ихъ
добръ.

М. с. л. в. тѣ.

Надписи къ портретамъ.

1.

Се ненавистный врагъ смиренья
 И глупости ужасный бичъ;
 Другимъ даешь онъ наставленья,
 А самъ не рѣдко порешъ дичь.

2.

Вопь бренности людской прежалкая ску-
 дель!
 Терпѣнья образецъ ... а глупости модель!

3.

Въ цвѣшущей младости избралъ, для ми-
 лыхъ чадъ,
 Земную Фурию своей подружкой,
 Но былъ къ несчастію весь вѣкъ ея игруш-
 кой
 И заживо узналъ, какъ спрашенъ адъ.

Т.

Эпитафiи.

1.

Служилъ полвѣка въ подземельѣ...
Могила хладная ему не новоселье!

2.

Онъ былъ уменъ, а жилъ ужасно скудно,
И Вакху жертвовалъ собою съ юныхъ лѣтъ.
Прохожiй! опгадашь шеперь уже не шрудно,
Что здѣсь покоишся ... позпъ.

3.

Весь вѣкъ, какъ червь, онъ изгибался..
И на съѣденiе червямъ шеперь достался.

Т.

~~~~~

Анаграммa.

Войнами нѣкогда я былъ вселенной страхъ:
Война была мнѣ честь и польза и награда;
На оборонѣ же: я войнѣ смершельный врагъ;
Гдѣ я—шущъ пишина, блаженство и опрада.

3.

~~~~~

Шарада, напечатанная въ X N^o, значишь:
Я - бѣда.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. № XII.

НЕСЧАСТІЯ ОТЪ СЛЕЗЪ И ВЗДХОВЪ.

Повѣств.

(Продолженіе.)

48.

Кое-какъ добредли измученные и мокрые герои наши до своихъ комнатъ... Ни слова Эрасишь! Ни полслова Маркизы!.. Неожиданное пушшесствіе въ проклятой бричкѣ, паденіе въ яму, *Com d'amour*, наказаніе водою и обратная поѣздка... все это такъ неожиданно, такъ быстро развлекло Эраспа и Маркиза, что они даже и назавтра не могли еще хорошенько опдаться себѣ отчета въ происшесствіяхъ вчерашняго дня.

Вся эта Комедія — Драма или *однологія*, сыграна была Юліей и Мопыльковой въ деревнѣ у послѣдней... Даму золотыхъ кресель представляла сама Мопылькова — Дѣву Секрешаря — одна изъ ея

воспитанницъ: Юлія была въ числѣ безмолвныхъ, таинственныхъ свидѣтельницъ судилища. Самъ Богапоновъ ничего не зналъ объ этихъ проказахъ и чрезвычайно дивился не видя за ужиномъ своимъ ни Эраспа, ни Маркиза Глаголя. За ужиномъ было любимое Маркизово блюдо: Малороссійскія колбасы!!! Но судьба не допустила Пилада насладиться въ этотъ вечеръ Малороссійскими колбасами! Юлія приѣхавшая къ ужину также чрезвычайно безпокоилась о своихъ милыхъ актерахъ... никто въ домѣ не зналъ ничего о положеніи чувствительныхъ друзей, и такимъ образомъ Богапоновъ ничего не подозревая, повѣрилъ что наши виписи... нездоровы. — И не ошибся! потому, что Эраспъ на другой день не могъ встать съ постели: такъ измучила его бричка, страхъ и окачиваніе холодною водою. Маркизь какъ ни въ чемъ не бывалъ! Но жестокое оскорбленіе, нанесенное ему, перзаешь его болѣе, чемъ лихорадка Эраспа... Маркизь весь мщеніе и злоба... мрачень, задумчивъ — сморщилъ на всѣхъ какъ на злѣйшихъ враговъ своихъ. — Бѣдный Маркизь! Онъ неидеть даже къ Бо-

гапонову... онъ сидишь у изголовья Эрасова, сложа крестообразно руки свои и усpreмивъ въ полъ дикіе взоры. Эрасишь и въ лихорадкѣ и въ исперикѣ! Дрожь во всемъ тѣлѣ, слезы въ глазахъ! Воображенію его безпрестанно представляешся Юлія, мохнатые великаны, ночное судище... но онъ не можетъ еще постигнуть кшо эти шайнственныя Веспалки, судьи его? Маркизь постигъ все—и невозможность удовлетворить своей злобѣ шерзастъ его.

Федотъ, смиренно прижавшись къ спѣнкѣ, внимательнo смотришь на своего молодого барина, какъ будто спрашивая испытующимъ взоромъ: отъ чего плашь ваше измочено, Эрасишь Лидоровичъ? Куда вы пропадали вчера вечеромъ? Эти вопросы мучашъ любопытство добраго Федота; такимъ образомъ всѣ они мучаются: Эрасишь лихорадкой, Маркизь злобой, Федотъ любопытствомъ! Комната Эрасова, за два дни казавшаяся ему черпогомъ воздушнымъ, теперь превратилась въ обитель скорби. Такъ быстро слѣдуетъ дурное за хорошимъ въ этой подсолнечной и подлунной. Ссымаюсь на

книжки нашихъ журналовъ... и на вышедшіе въ эшошь годъ альманахи!

49.

Благодаря домашнему лѣкарю, который напоилъ Эраспа просцымъ виномъ съ нашатыремъ, Эраспъ выздоровѣлъ. Предоснавляю испытать эшо дѣйстви-тельное и чудесное средство спиражду-щимъ лихорадкою Поэтамъ — я продол-жаю мою Повѣсть.

Комнаты Богашонова попрежнему на-полнены любезными и умными людьми; но Эраспъ, но Маркизь рѣже являюся въ кругу обожателей Юліи... Чемъ же они заняты? Маркизь стихами, прозой; Эраспъ ... мечтаетъ, плачетъ и освѣжаетъ се-бя слезами и вздохами. Онъ опять разо-чарованъ — но можно ли съ его сердцемъ жить на свѣтѣ и не любить? Любить — для него также необходимо какъ дышать, ѣсть, пить, плакать и писать пріоле-ты и буриме... Правда до сихъ поръ онъ испытывалъ только одни мученія въ любви — но когда ему приятны эши мученія, что съ нимъ пригажеше дѣлать? Къ по-му же въ душѣ его не погибла надежда

найши наконецъ ее — шу половину самаго себя, копорую всякой челоуѣкъ долженъ искашь въ эпомъ свѣтѣ! Эраспу все еще мерещишся, что онъ ее найдетъ... и вопшь ошь чего онъ шакъ равнодушно переносишь свои пошери! “Не уже ли думаешь онъ, напура: исключила одного меня изъ общаго круга?,,

Имѣя въ головѣ шочно эши мысли, онъ пошелъ въ одно ушпро, въ церковь. Молился усердно... до половины обѣдни! но послѣ — все забылъ: и молитву и поклоны... глаза его неподвижно ошановились на лицѣ молоденькой, хорошенькой дѣвушки, копорая какъ нарочно спала подлѣ него. Русыя кудри ея, небрежно разсыпанныя по плечамъ, благочеспивое выраженіе лица, голубые глаза, карминныя губки, розовыя щечки... всѣ эши прелести... скажите, кого, кого не соблазняшь? Эраспъ внѣ себя, и думаетъ: “еслибъ цвѣли на зеленыхъ лугахъ розы шакія, какъ ушпа твоя, прекрасная, и лилеи шакія, какъ перси и плеча швоя, прелестная... а небо блиспало, какъ очи швоя голубыя! ... какъ бы весело было въ селѣ Беззабошнѣ! ... “Эша дума шакъ ему понравилась,

что тушь же вынул онъ свою записную книжку, и не сходя съ мѣста написалъ восемь стиховъ . . . Прекрасная Богомолка, замѣшила Эраста, и тоже забыла молитву, когда увидѣла, что Эрастъ началъ писать . . . ее изумило писанье Эрастово, такъ какъ Эраста изумили ея прелести. И до конца обѣдни, и онъ и она . . . краснѣли, пощупляли глаза. Но вотъ кончилась служба, и Эрастъ съ сильнобьющимся сердцемъ. (какъ обыкновенно водитъ я въ такихъ случаяхъ) Эрастъ пошелъ за незнакомкой . . . Далѣе, далѣе . . . и чѣмъ далѣе, тѣмъ веселѣе на сердцѣ Эраста, потому что она идетъ прямо въ село Беззабопино, и онъ понемножку начинаешь догадываться, что прекрасная живетъ подъ Беззабопинскимъ небомъ. Эта догадка такъ обрадовала, такъ ободрила его, что онъ . . . осмѣлился подойти къ прекрасной — и начинаешь съ нею разговоръ . . . “Какой прелестный день, сударыня!”, — Молчаніе . . . она какъ будто — ничего не слышишь, смотришь прямо — впередъ, какъ будто шея ея не поворачивается. — “Вы не отвѣчаете мнѣ, сударыня! . . . Чѣмъ заслужилъ я такую убій-

ственную холодность? „ ... Молчаніе — только она пошла гораздо скорѣе прежняго, и перси ея спали видимо подниматься! ... И Эраспъ замолчалъ, вздохнулъ ... наклонилъ голову ... и занялся переборкою своихъ манжеть ... Вопль уже показалось и село Беззабошино ... Эраспъ поднимаспъ глаза свои, и кто опишетъ его блаженство? Онъ встрѣчаетъ взоры прелесной! — Эраспъ ободряется и съ улыбкою, съ восхищеніемъ во всѣхъ чертахъ лица начинаетъ: “куда вы идете сударыня?,, — Куда глаза глядятъ? — “Ахъ! если по мѣсто, куда вы идете, также прелесно, какъ ваши глаза, то оно должно быть рай земной!,, — Чего-сб? — “Я говорю, что если мѣсто, въ которое вы идете, также прелесно, какъ ваши глаза, то оно должно быть рай земной!,, — Чего-сб? — “Рай земной въ шомъ мѣстѣ, куда вы идете!,, — Чего-сб? — Эраспъ съ изумленіемъ устремилъ глаза свои на прелесную и замолчалъ. Чего-сб? Чего-сб? думалъ онъ, не уже ли она не понимаетъ меня?.. Однако попробуемъ еще! — “Вы живете въ селѣ Беззабошинѣ?,, — Ужъ конечнось! — “У васъ шамъ еспъ родные?,, — Нышь,

двоюродные! — “Башюшка?,, — Никакъ нѣтъ-съ... я живу съ двоюроднымъ брашнемъ.—“Его имя?,,—Управитель.—“Такъ я его знаю!,,—Онъ мнѣ объ эпомъ сказывалъ! — “Я очень радъ, что могу проводить васъ!,, — Чемужъ вы радуешесь?—“Вашимъ прелеспямъ!,, — Не правда-съ!—Продолжая подобный разговоръ, Эраспъ подошелъ къ дому Управителя и подспрекаемый любовію, обвороженный прелеспною и ея проспосердчіемъ, онъ идетъ прямо въ комнаты къ Управителю ... Какое блаженство!...

50.

Управитель радъ дорогому гостю — прелеспная племянница...кажется...поже рада, по крайней мѣрѣ она съ такимъ ралушіемъ попчуетъ Эраспа кофею и сухарями. О! Эраспъ счастливъ! и не одна слеза посолила его кофе!

Съ этого достопамятнаго дня Эраспъ только по необходимости являлся у Ботапонова... все оспальное время онъ у Управителя...и по спарой своей мешодѣ...читаетъ прелеспной племянницѣ, сказочки, повѣспи, романы...Управитель бываетъ рѣдко дома; но Эраспъ и не забо-

пишя объ Управителѣ ... Эраспѣ чипаетъ, поешъ, или сидишь въ глубокой задумчивости подлѣ прелестной, когда она вяжешъ чулокъ, или колпакъ, или шьешъ въ шамбурѣ, или играешъ въ меледу... Когда же онъ чипаетъ, она смопришь на него такъ приспально, шакъ пронзительно, чшо никогда не умѣешъ пересказать слышаннаго . . . за то, когда Эраспѣ, оплджа книжку, начнешъ самъ описывать ей блаженство двухъ любящихся сердець, ихъ восторги, ихъ спраданія, всю прелестъ и всѣ муки любви...прекрасная вздыхаетъ, щеки ея пылають...и она не можетъ удержатъ слезъ своихъ, когда Эраспѣ заплачетъ!..И шакъ прошло при мѣсяца! Срокъ Эраспова путешествія кончился, а онъ и не думаетъ о своемъ возвращеніи въ домъ опеческій: неизьяснямая, шаинспвенная сила приковала его къ управительской племянницѣ, и онъ весь любовь!..весь желаніе!

51.

Между шемъ всѣ въ домѣ Богапонова заговорили, объ Эраспѣ и племянницѣ управительской—самъ Управитель...испу-

гался слѣдствій частыхъ посѣщеній Эрасповыхъ; но какъ разорвать союзъ любви?..Извѣстно изъ всѣхъ альбомовъ, что

Ручей два древа раздѣляетъ;
Но въшвы ихъ, сплещь, распушь.

и Эраспъ съ управительскою племянницею сплелся чувствами и сердцами! . Наконецъ—и онъ узналъ счастье—взаимной любви—Юлія, Мопылькова нещадно осыпаетъ его эпиграммами... Эраспъ краснѣетъ, но насмѣшки не касаются его души. Онъ выше всего земнаго ... и мысли его не оставили бы *не здѣшняго*, еслибъ Федотъ въ одно утро не принесъ ему письма изъ Москвы отъ .... кухарки Мавры!..Мавра пишетъ не краснорѣчиво, безъ запѣй; но слова ея дошли до сердца Эраспова; и какъ не дойти, когда нѣжный сынъ узнаетъ изъ немногихъ спрокъ, что отецъ его...умираетъ!..и что одно полько желаніе привязываетъ его къ земному: желаніе видѣть и благословить сына!

52.

Души чувствительныя! души нѣжныя, доступныя всему *произительному* !

Вы разгадаете, что чувствовала Эраспа, прочитав Маврино письмо! А вы, души холодныя, *души прозаическія!*—не читай-те 52 главы Истории Чернополохова!. Васъ не коснешся огонь, распалющій чувства Эраспова, и вы...обвините его, если я скажу, что онъ не поѣхалъ къ опцу... Такъ! онъ оспался въ Беззабопинѣ!..

Однако письмо Мавры имѣло свое дѣйствіе....Эраспа чаще спалъ думая объ опцѣ своемъ, и сидя подлѣ Управительской племянницы, не разъ со слезами и рыданіемъ говорилъ ей, что любишь опца своего болѣе собственнѣйшей жизни; что для него готовъ переплыть Океанъ, пройди пѣшкомъ Киргизскую степь — бросишься съ Ивана Великаго—и даже... не писать стиховъ, если ему угодно!. Но въ то время, когда душа чувствительнаго сына изливалась въ споль приглашительныхъ доказательствъ любви сыновней — душа опца его Ліодора воспарила въ эфирныя селенія. Мавра опять попорочилась извѣстивъ Эраспа объ этой невозвратной потерѣ...и еслибъ не прелестная управительская племянница, Эраспу бы не жить, мнѣ не продолжалъ бы испо-

ріи, а вамъ бы, чипашели, не слыхатъ болѣе объ Эраспѣ.. Благодаря прелесной, Эраспѣ оштался живь..Правда онъ поплакаль болѣе обыкновеннаго; за по и спи- хи на смерть оица написаль онъ шакъ прогашельно, съ шакимъ чувствомъ, что Богапоновъ, прельсися ими, велѣль своему капельмейсперу положишь ихъ на музыку, и въ первое зашемъ воскресеньѣ, они были пѣшы со всемъ оркеспромъ, первую Богапоновою пѣвицею.

53.

Безпокойная Мавра прислала еще письмо къ Эраспу — и Эраспѣ рѣшился ѣхашь въ Москву. Надобно было пересмотрѣшь наслѣдство, расплашишь и получишь долги, и исполнишь по завѣщанію Ліодора... Нѣшь! не возможно! и я не берусь описывать разлуки двухъ любовниковъ, безмолвной горесши управишельской племянницы, громкаго ошчаянія Эраспова!...Довольно! Они распались, и вошь нашъ Эраспѣ, въ бричкѣ Богапоновой, съ Федошомъ и чемоданомъ скачешь въ Москву.

Богатоновъ и Юлія очень сожалѣли объ Эраспѣ.—Теперь не спало того человека, одно появленіе котораго развеселяло всѣхъ, несмотря на то, что лице у самаго его всегда печально и глаза заплаканы...Такъ, только по лишениі, узнаемъ мы цѣну вещамъ и людямъ! О! жалкая участь человѣчества! А Управитель? Онъ спокойнѣе..и хопя Эраспѣ, когда-то и говорилъ ему, что племянница его ему нравишя, и что первое желаніе его сердца сдѣлать себѣ изъ нее...подругу; но Управитель, какъ-то не вѣрилъ Эраспу, и правду сказать, былъ радъ, когда чувствительный женихъ оставилъ село Беззабошино. А племянница? Ахъ! она очень не рада опѣзду Эраспову! Ей скучно, когда нѣтъ никого подлѣ нее...она не такъ сладко дремлетъ, не слыша въ ушахъ своихъ Эраспова голоса....Теперь некому провожать ее къ обѣдни..не съ кемъ *когевать* изъ рощи въ рощу! Она потеряла много, очень много въ Эраспѣ! Горестъ ея при разлукѣ съ нимъ была такъ велика, что когда онъ сказалъ ей, что

будешь къ ней писать — она опивчала: “что мнѣ въ письмахъ! Я не умѣю разбирать вашу руку. Лучше приѣзжайте сами скорѣе оиашь къ намъ. . Да не забудьте привезшь спирунъ на гишару!”, — Столько прѣстодушной заботливости объ опѣзжающемъ другѣ могло ли не дойти до глубины сердца Эрасмова? . . . О! что тогда чувствовало это сердце, нельзя разсказать, нельзя описать, нельзя спѣшь!

(Окончаніе въ слѣд. №)

ВЕСЕЛОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

(Письмо Издателя къ старшей дочери.)

(Окончаніе.)

И шакъ вошли мы въ первую палату, большую, предлинную, гдѣ пригошворялася къ пряжѣ хлопчатая бумага. Сколько шупъ спанковъ, спанковъ! — а какіе спанки, того я шебѣ не скажу, потому что не въ состояніи изьяснить чудеснаго механизма, видѣннаго нами какъ въ этой

палашѣ, шакъ и въ прочихъ. Липшператоры, особливо спихошворцы, плохіе механики. Лучше не говоришь о томъ, чего не понимаешь. Скажу только тебѣ, что механизмъ замѣняетъ здѣсь десяшки, или сошни рукъ; спканы сами прѣплюють бумагу, прядушь, шкушь, а люди спояють только у спановъ, да глядяють, и кой-что когда, когда поправяють, или примушь. И весь эпи разныя работы дѣлаюся посредствомъ паровой машины. Ходили мы, ходили изъ одной палашы въ другую, сверху внизъ, снизу вверхъ, изъ шеплага климаша въ холодный, изъ холоднаго въ умѣренный; все видѣли *), все любовались, всему удивлялись. Добрый и снисходительный Д. И. Г. все намъ показываль, объясняль. Видѣли мы, какъ прядуся и сучася нишки; какъ шкуся мишкали, салфешки, плашки, и проч. и проч. Видѣли и всемъ уже опработанныя вещи—прекрасныя! Ешь на что поглядѣшь! Ешь что похвалишь! Видѣли прелюбопытную машину, посредствомъ которой дѣлаюся

---

*) Неправда! не все, напримѣръ: чудочной фабрики. *Изд.*

ся проволочныя щешки. Хищро выдумано!
 Видѣли даже какъ пригошворяющя кар-
 пы. Ахъ! Наспинька! Какими большими
 ножницами ихъ разрѣзываютъ! Право бу-
 душъ съ шебя, или немного поменьше.

Два цѣлые часа

Смошрѣли мы на чудеса,

И время какъ прошло, того мы не видали;
 Немножко и успали.

У каршъ я нехотя присѣлъ на шабурешъ.—
 Ты знаешь, Наспинька, я въ карпы не иг-
 раю,

А шолько лишъ на нихъ гадаю—

Присѣлъ я помечшашъ, какъ философъ—по-
 эшъ.

И видно, что старикѣ! сказали обѣ дамы.

Ну, справедливыль ихъ насмѣшки, эпиграм-
 мы?

Мнѣ сорокъ пяшъ лишъ шолько
 лѣшъ.

Не ежусь, какъ иной, не корчуся дугою;
 Но *сѣ* возвышенною хожу всегда главою *);

Дородшвомъ, росшомъ молодець!

А старикѣмѣ зовушъ!!—Однако наконецъ

И дамы и всѣ мы успали, ушомились,

Къ Смошришелю назадъ въ покои возвраши-
 лись—

И чашки, самоваръ на споликѣ явились.

---

*) Извѣстный стихъ В. Л. Пушкина.

Маменька спала разливать чай, а мы всё уселись вокруг сполы. Не вкусно для меня чай, если не вижу самовара, а предъ самопаромъ дамы.

Вошь Богъ дастъ черезъ годъ, ког-
да
Съ Нашашею домой къ намъ возвра-
тисься,

То вѣрно ужъ тогда

Ты, Наспинька, не полѣнишься
По очереди чай съ сестрою разливать.
А мы вокругъ сполы усядемся съмьею;
Раулъ, маленькій вашъ братъ съ большою ге-
лвою,
Намъ будетъ сухари въ корзинкѣ подавать.
Поговоримъ, пошутимъ мы за чаемъ,
А иногда кой-что и почищаемъ.

Послѣ чаю—это было, кажется, ровно въ восемь часовъ — Д. И. предложили намъ идти въ споловую. Мы перешли черезъ дворъ и вошли сначала въ такъ называемую *гулеву* залу. Зала пребольшая, квадратная; поддерживаемая красивыми, чугунными сполбами; а *гулевою* называется она потому, что воспитанники въ свободное и въ ненаспное время обыкновенно въ ней *гуляютъ*. Воспитан-

ники спояли рядами по спѣнамъ залы и при насъ пошли попарно наверхъ въ споловую. Что за споловая! Прекрасивая и предлинная! Споя на одномъ концѣ, не узнаешь на другомъ въ лице знакомаго человѣка. Во всю длину залы поставлены чепыре сполы. За первымъ споломъ было слишкомъ двѣспѣ двѣицѣ, за вторымъ около трехъ спѣ маленькихъ воспитанниковъ, а за перегородкою на другой половинѣ, за третьимъ и четвертымъ, взрослые уже воспитанники, всего по крайней мѣрѣ тысяча человѣкъ. Всѣ спояли, каждый у своего прибора. По данному Главнымъ Смопришелемъ знаку осаниспый вечеранъ, въ мундирномъ серпукѣ, позвонилъ въ висящій у перегородки колокольчикъ—и вдругъ спѣни голосовъ, басовъ, теноровъ, альшовъ и дишканшовъ пресогласно запѣли: *Отисвѣхъ на Тя, Праведный, уповаютъ*. Пропѣли—складныя лавки хлопнули въ ладъ, воспитанницы и воспитанники сѣли за вечернюю прапезу.—А мы пошли черезъ сѣни въ церковь.

Церковь прекрасная! Большая, квадратная! Пошолокъ сдѣланъ сводомъ, и

эпошь сводь можно назватъ *небеснымъ* пошому, что выкрашенъ свѣшлоголубою краскою и весь усѣянъ золопыми звѣздами. Стѣны поддѣланы подъ желтый мартъ. Иконоспасъ превосходный! Надъ царскими дверями, въ золопомъ сїяніи, находипся изображеніе Св. Духа за какимъ-шо особеннымъ спекломъ, опъ кошораго, какъ говоряшь, днемъ разливаешся по золопымъ лучамъ блиспашельный свѣль. Жаль, что вечеромъ, при слабомъ освѣщеніи, не могли мы сами этого видѣть. Въ иконоспасѣ замѣчашельны два образа работы лучшихъ художниковъ, сдѣланные на иждивеніе, или капишаль воспишанниковъ и воспишанницъ: первый—*Рождество Христово*, а впорый — *Силеона Богопріишца и Анны Пророгицы*.

Осмошрѣвъ церковь, возвратились мы опяшь въ споловую, опвѣдали изъ любопышсшва кушанье — щи пресышныя, каша, хопя и жидка, но очень хороша, а хлѣбъ (важная сшашья) преславный! Помомъ спушпились мы по чугунной, улишкообразной лѣспнищѣ въ самый низъ, ш. е. въ кухню. Ай да кухня! Желашельно, что бы у многихъ въ парадныхъ комнашакъ

было такъ чисто, какъ въ этой кухнѣ. — “Но гдѣ же печи?”, спросилъ я Д. И. — Да вотъ, сказалъ онъ, показавъ на какіе-то шкапы. Открыли чугунный ящикъ и увидѣли тамъ шеляшину; отвернули кранъ — и полились изъ другого ящика щи. И все это приготавливается парами. Надобно отдать справедливостъ Англичанамъ: они только они могутъ дѣлать все съ такою выгодною, удобствомъ и чистою. Представь себѣ, милая Наспичка! кухня, какъ сказалъ я, въ самомъ низу, а столовая въ верху, если не ошибаюсь, въ четвертомъ этажѣ, но изъ кухни большіе, мѣдные котлы поднимаются сами прямо въ столовую. Подобную машину видѣли мы и въ мастерскихъ палатахъ. Вдругъ движется снизу въ желѣзной клѣшкѣ мальчикъ, возьметъ нѣсколько корзинъ съ пряжею и исчезнетъ.

Изъ кухни заходили въ пекарную — видѣли какую-то огромную бочку, въ которой варились парами картофель. Вездѣ удобство, опрятностъ! — заглядѣнье! удивленье!

Мы возвратились въ столовую, лишь только откушали воспитанницы и вос-

пишанники. Опяшь ударили въ вѣчевый колокольчикъ. Всѣ вспали, спали молились и пропѣли сперва: *Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ*, а потомъ *Отче нашъ*, Боршняннскаго. Послѣ того начали расходиться: воспишанницы пошли налѣво, а воспишанники направо. — “Не уже ли, спросилъ я *Д. И.*, идушь они шеперь спать ложиться?,, — Нѣшь, учись, отвѣчалъ онъ. И всѣ мы вслѣдъ за нимъ опправились въ классы, освѣщенные, какъ и всѣ комнашы, газомъ. Въ чертежномъ классѣ любовались мы шрудями старшихъ воспишанниковъ, ш. е прекрасными планами и фасадами спроеній Александровской Мануфактуры,

Въ девять часовъ, поблагодаривъ любезнаго *Д. И.* за его гостепрѣимство, распросились съ нимъ и пуспились обратно въ Пешербургъ шемъ же самымъ порядкомъ, какъ и приѣхали опшуда.

Луна во всю дорогу намъ
 Съ лазуревыхъ небесъ свѣшила
 И снѣгъ блестящій серебрила.
 А назади саней у дамъ,
 Какъ пальма стройная, прямая,
 Почщенный Докторъ нашъ шполль

И дамамъ лекціи читая,
 Онъ экилибра не перялъ,
 Но врачевался моціономъ *).
 А мы съ любезнымъ Аполлономъ,
 Мы любовались на луну,
 И глядя на нее вздыхали;
 Попомъ склонило насъ ко сну
 И сладко, сладко мы дремали.
 Но дядюшка швой не дремалъ
 И времени онъ не перялъ,
 Все омонимы сочинялъ.

И сочинилъ цѣлыхъ два—увидишь ихъ
 въ *Благонимѣренноиѣ*. Въ продолженіе

---

*) Чрезъ два дни уже узналъ я отъ другаго Докшора, что по его совѣшу нашъ Я. И. именно для *моціона* началъ ѣздить на саняхъ споя, а не сидя, и онъ самъ при первомъ допросѣ мнѣ въ эпомъ признался. Вскорѣ послѣ того въ другую загородную прогулку, или санное кашанье, и я послѣдовалъ его примѣру.

Но я, какъ онъ, не наклонялся,
 А прямо съ важностію держался.

Сколько средствъ для моціона! Одинъ мой прияшель всю весну, лѣто и осень гуляетъ; а зимою драмы сочиняетъ единственно, какъ говоришь онъ, для *моціона*.

обратнаго нашего пупи, ошь самой Александровской Мануфактуры до Александровской заставы, не вспрѣтили мы никого, не видали ничего, кромѣ бѣлаго снѣга съ серебрянными искорками, голубаго неба съ бриллианшовыми звѣздочками и золоной луны съ палевыми лучами.

Въ десять часовъ были уже дома — въ одиннадцать всѣ спали и всѣмъ въ эту ночь приснилось что нибудь про Александровскую Мануфактуру, на примѣръ: маменька видѣла во снѣ подвижную желѣзную клѣнку съ мальчикомъ и съ корзиной хлопчатой бумаги, А. Я. — салфетки, Я. И. — плашки, А. А. — мошки нипокъ, дядюшка — большія ножницы, я — бочку съ каршофелемъ и жареную шеляшину въ чугунной печи.

Прости, любезнѣйшая дочь!

Чась за полночь уже пробило;

Ко сну меня, ко сну склонило.

Ты вѣрно спишь — спи! добра ночь!

Осень.

Угрюмая Осень суровой рукою
 Съ кустовъ и деревьевъ осынала листь;
 Природа проспилась съ цвѣтущей красою;
 Раздался Борея пронзительный свистъ;
 Луга пожелшѣли, увяли поляны;
 На холмы, на горы упали шуманы.

*

И красное солнце злыми спруями
 Лучей живошворныхъ на землю не льешь,
 Стуспилися шучи—дождь льется ручьями;
 Уралъ разъярился — бушуешь, ревешь—
 Волнами въ крутые берега ударяешь
 И крѣпкіе камни въ месокъ раздробляешь!

*

О лѣтъ прошекшемъ паспухъ вспоминая,
 Печаленъ на паспву со спадомъ нейдешь,
 И сельскія нимфы, шихонько вздыхая,
 Не спали рѣзвисься, играшь въ хороводъ...
 Уныла природа—и я унываю,
 Какъ ландышъ опъ зноя, душой увядаю.

*

Опъ роины милой въ спранѣ опдаленной
 Жизнь тяжкую жребій судиль мнѣ влачиль!
 Въ разлукѣ съ родными, въ разлукѣ съ Ми-
 леной...
 Унынію дани нельзя не плашишь!

Ахъ! тяжкіе вздохи невольно несущся
И горькія слезы неволею льющся!

*

За нѣжную дружбу, кто дружбой святою—
Усладою жизни—меня наградишь?

За спрасный взоръ, взоромъ; за слезы —
слезою

Несчастливаго спранника кто подарить?

Кто будешь со мною въ кручинѣ крушишься,

Кто будешь съ печальнымъ душою дѣлится?

*

Ахъ! мрачная осень не долго протлилась—

Опять мы прелестную воспрѣшимъ весну;

Но съ рокомъ погда я могу примиришься,

Какъ сномъ безпробуднымъ въ могилѣ за-
сну...

О время драгое, о день утѣшенья,

Настань поскорѣе, избавь опъ мученья!..

Оренбургъ. 1825.

***

~~~~~

КОТЪ И БѢЛКА.

Басня *).

“Не стыдноль, Васька, все ты спишь?

Грѣхъ смертный праздность.,,

—Да что въ швоемъ шрудѣ? — “Какъ что?
какая разность...,—

—Нѣшъ, Бѣлка! колесо ты попусту вер-
тишь.—

*

Дамонъ всегда швердитъ: замухенъ я дѣла-
ли!

Но ешь-ли въ эшомъ прокъ?—Ну, догадай-
шесь сами.

—НО—

~~~~~

---

*) Напечатана въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1825 годъ,
безъ двухъ послѣднихъ стиховъ.

ДѢЛО ОГЪ БЕЗДѢЛЬЯ,

или

*Краткія замѣтанія на современныя
Журналы.*N° II.

А. Московскій Телеграфъ N II—Письмо Вольпера къ Миллеру переведено очень хорошо: слогъ чистъ и ясенъ.—Въ спашь: *О свѣтскихъ Обществахъ и хорошемъ тонѣ*, я желалъ бы видѣть перемѣну самаго заглавія. Не уже ли мы споль бѣдны, что не имѣемъ равносильнаго слова *тону*! Время уже намъ очищать прекрасный языкъ нашъ отъ чужеземнаго сора. Мнѣ всегда смѣшно было, когда слышалъ я: *у него прекрасный тонъ*, вмѣсто выраженій: *у него приятное обращеніе*, или *онъ знаетъ прилитія*; но недавно услышалъ еще спраннѣе: *у него прекрасный тонъ*, сказано мнѣ было о наспройщикѣ форшеніано, и черезъ полчаса: *у нихъ прекрасный тонъ*, ш. е. форшеніанъ. Надобно чаще чипать *Разсужденіе о древнемъ*

и новолѣ слогѣ Россійскаго языка. — Теперь прочтите со вниманіемъ слѣдующій логотрифъ въ той спашѣ и на той же той страницѣ:

“Приобрѣсть познаніе всѣхъ општѣн-
 “ковъ въ опощеніяхъ людей къ другому,
 “не усиливать ничего въ сихъ опноше-
 “віяхъ, не нападать на сіи опношенія,
 “узнать свое мѣсто въ большемъ свѣтѣ,
 “занять его совершенно, но не перехо-
 “дить ни на шагъ за предѣлы; испытать
 “блескъ, заслѣпляющій неопытные глаза,
 “уравновѣситъ себя съ другими на томъ
 “мѣстѣ, которое вамъ назначать, и съ
 “небольшимъ образованіемъ, съ невозвы-
 “шенной душою, небольшимъ умомъ, да-
 “же небольшимъ состояніемъ и славою,
 “не безъ пятенъ (о сердцѣ не сираши-
 “ваютъ!) можно попасть на хорошій
 “шонъ и быть важнымъ человѣкомъ въ
 “большомъ свѣтѣ. ,

*Приобрѣсть...не усиливать...не напа-
 дать...узнать...занять...испытать...урав-
 новѣситъ...и можно попасть. Чисный
 галицизмъ!*

*Далѣе: прибавилъ, что для совершен-
 наго успѣха надобно родиться съ осо-*

бенными чувствами. И мы прибавимъ, что для ясности смысла слѣдовало бы сказать: *въ гелѣ* успѣха.

Наспавленія Тау-Кванга—очень хороши. Пожелаемъ, что бы они вездѣ исполняемы были!

Стихотворенія: *Пѣвецъ* Г. Алексѣева. Содержаніе шакое: Пѣвецъ плывешь (надобно полагаешь *въ лодкѣ*, хотя и сказано, что несла его волна), узнаешь родимыя дубравы, радуешься, что скоро встрѣпишь *дѣву молодую* и намѣреваешься ей сказать:

..Съ бойцами грозныхъ сѣчь
Врывался я въ свирѣпыя тревоги,
И приступилъ широкій дѣда мечъ
О древніе Вольмарскіе чертоги.

Пускай бы смѣльчакъ врывался *въ свирѣпыя тревоги* (испосаешь господа!); но зачѣмъ, какъ Донъ-Кишопъ, сражался онъ съ чертогами? Чѣмъ спѣсны провинились? —Лучше было бы помолчашъ объ эпосѣ передъ *молодою дѣвою*.

Далѣе между прочимъ:

Но любишь ли теперь и ты пѣвца,
Какъ съ нѣжносшью въ былые дни любила?

Какъ не напечаташъ стиховъ, въ которыхъ есть *молодое да бывшее?*

Посланіе къ Грибоѣдову Кюхельбекера опличается болѣе всего шипическою самонадѣянностію. Авшоръ 1) спрашиваетъ о себѣ:

Ужель и даръ мой и воспоргъ мечша?

И пошомъ:

А если пѣшь, избѣгну ли забвенья?..

Къ сожалѣнію, спрофа сія слабѣе прочихъ. Какая ужасная вспавка между словами *не схватитъ ли меня: и неумолимый рокъ!* Да року можно, кажешся, и не хватать, а поспунать поблагороднѣе.

2) Увѣряетъ, что онъ *желецъ* возвышеннаго міра и вѣчно будетъ чуждъ земныхъ цѣпей—и потомъ сомнѣвается избѣгнетъ ли разставленныхъ цѣпей! Здѣсь что-то одно другому прошиворѣчишь. Слово: *желецъ*, низко.

3) Говоритъ, что Г. Грибоѣдовъ *возлетитъ надъ пѣснями толпы*, что рукой судьбы даны ему душа живая, пламень чувства, веселье свѣпное, тихая любовь

высокаго искусства и *рѣзвоскачущая кровь!*
 — Не останавливаясь на рѣзвоскачущей
 крови, замѣшимъ только, что слѣдовало
 бы объяснить, къ какому именно искус-
 ству дана Г. Грибоѣдову *тихая* любовь.
 Не всѣ знаемъ, особенно изъ нашей
 братьи деревенскихъ жителей, что онъ
 съ отличными успѣхомъ упражняется въ
 драматическомъ родѣ.

4) Хочешь назвать Г. Грибоѣдова из-
 летѣшь изъ могилы, развишь (*развѣю*)
 разкованные крылы: и пакъ окончиваешь
 посланіе:

Къ злапому солнцу воспѣрю —
 И *жадно* погружусь въ безсмертную зарю.

Хорошо сдѣлалъ Г. Кюхельбекеръ, что не
 помѣспилъ сихъ стиховъ въ своей *Мне-
 мозинѣ!* — Не имѣлъ бы я случая погово-
 рить объ нихъ.

Слѣдующія за симъ стихопвореніемъ
 спашьи до *Обозрѣнія Русской Литтера-
 туры* не принадлежатъ къ избранному
 мною предмету.

Обозрѣніе начинается въ семь ну-
 мерѣ извѣстіемъ о переведенныхъ рома-
 нахъ, о книгахъ и повѣстяхъ. Сужденія

слишкомъ кратки, нѣсколько двусмысленны и потому мало удовлетворительны.

О *Теоретическихъ и Практическихъ основаніяхъ Словесности* Г. Срезневскаго, помѣщенныхъ при двѣнадцати помѣхахъ Образцовыхъ сочиненій, сказано весьма шемно. Издапель Телеграфа удивляется только смѣлому намѣренію Г. Срезневскаго, а кажешся, можно бы было изясниться проспѣе, хотя бы такимъ образомъ: *все хорошее выписано Г. Срезневскимъ изъ другихъ сочиненій о Поэзіи, новаго нитого нѣтъ; все же прочее принадлежитъ собственно ему.*

Послѣ извѣстій о сочиненіяхъ Географическихъ непосредственно слѣдуетъ ученый садовникъ Г. Шварцъ, издавшій двѣ книги (*какія?*), полезныя для занимающихся садоводствомъ; а послѣ опять говорихся о сочиненіяхъ географическихъ, и черезъ нѣсколько страницъ еще о томъ же повторяешся.—Такой беспорядокъ не приличень въ разборѣ ученыхъ произведеній!

О *Пародіи* говорихъ Издапель Телеграфа (стр. 169): *это самый низшій родъ Поэзіи.*—Жаль, что умеръ Цицеронъ! Онъ

попросилъ бы Г. Издашеля прочиташъ въпорую книгу его объ Ораншорфъ, гдѣ сказано о Пародіи, какъ объ одномъ изъ испочниковъ замысловатой шупливости. — Если, по мнѣнію Г. Издашеля, Пародія есть самый низшій родъ Познаи, что же должно сказашъ о спихосворныхъ пасквилляхъ, имѣющихъ видъ посланій, шарадъ и пр?

Говоря о переводѣ Орлеанской Дѣвы, Издашель присовокупляетъ, что Г. Жуковский даже употреблялъ неслыханный размѣръ $6\frac{1}{2}$ стопъ ямба и пиррихія... и что это есть вновь изобрѣтенное или стопосложение. — Помилуйте, Г. Издашель! Какъ! размѣръ $6\frac{1}{2}$ стопъ есть неслыханный? Прибавьте, покрайней мѣрѣ, для кого неслыханный. Прочтите слѣдующій спихъ:

Бѣда, какъ сапоги начнешъ шочашъ пирожникъ.

Здѣсь шесшъ стопъ съ половиною, здѣсь есть ямбы и пиррихій — и объ этомъ размѣрѣ вы никогда не слышали? Не думали ли вы сказашъ шесшъ съ половиною стопъ безъ пресѣненія? Но ежели и нахо-

дяпся такіе списхи въ *Орлеанской Дѣвѣ*, по ихъ нельзя почестъ новостью, и еще менѣе новостью, заслуживающею похвалу и подражаніе.

Грочисавъ спашью: *Сборъ на балъ*, всякой долженъ догадаться, что Лизанька съ маменькой *только то* приѣхали изъ степной деревни и собираются на такой балъ, за входъ на который платятъ не болѣе двухъ рублей мѣдью. — Какой сборъ! какой разговоръ! — Впрочемъ, у всякаго свой кругъ знакомства.

(Продолженіе въ слѣд. №°.)

~~~~~

Благотворенія.

Давно уже не было помѣщаемо въ *Благонаименноиѣ* ни извѣстій о бѣдныхъ, ни опчетовъ Издашеля въ употребленіи присылаемыхъ къ нему для благотвореній денегъ. Онъ намѣренъ былъ помѣстить подробный отчетъ въ послѣдней книжкѣ своего журнала за прошедшій 1824 годъ; но по случаю наводненія и многихъ другихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, Издашель *Благонаименнаго* остаеися и по сіе еще время должнымъ за шестъ годъ четьрью

нумерами *). Теперь съ наступленіемъ эпохи для благошвореній, ш. е. спрашной и овъплой недѣли, считаешь онъ обязанностію дасть предъ Публикою подробный опчетъ въ полученныхъ имъ и упошребленныхъ на сей предметъ суммахъ съ Маія 1824, по Маршъ нынѣшняго 1825 года.

1824.

Въ VIII N^o *Благональбреннаго* за поштъ годъ сказано, что Издашель получилъ лично опъ неизвѣстной ему особы въ пакетѣ за печашью подъ лишерами S. P. для раздачи бѣднымъ . . . 200 р. Послѣ того получено имъ еще опъ неизвѣстныхъ благошворителей, а именно:

5 Іюня	10 р.
26 Іюля изъ Новгорода	25 —
15 Октябрю	5 —
	240 р.

Изъ нихъ роздано:

Вдовамъ :

Шершенковой съ 8 ю малолѣпными дѣшми (см. VIII N° 1824) 25 р.

*) Спашьи для сихъ послѣднихъ чешырехъ нумеровъ пригошвлены уже Издашелемъ и одобрены Цензурою. Послѣ праздника книжки сіи посшупашъ въ печашь и выдушъ въ свѣшъ въ непродолжителномъ времени.

Зайцовой	20 р.
Леонидьевой	15 —
Гешперъ	15 —
П вой	10 р.
Гринблангъ	10 —
Кузьминой	10 —
Байковой	10 —
Спиридоновой	10 —
Брандшъ	5 —
Ширяевой	5 —
Теляковской	5 —
Скормяковой	5 —
Нариусовой	5 —

Треть спарымъ и больнымъ дѣвицамъ
 Михайловымъ 30 —

Бѣднѣйшей и страдающей нѣсколько
 уже лѣтъ неизлѣчимою болѣзнію дѣ-
 вицѣ Исаковой 15 —

Уроженцу острова Кандіи, лишивше-
 муся во время войны пропивъ Ту-
 рокъ въ 1790 году большаго имѣнія
 и служившему погда съ опличіемъ
 на Греческомъ флотѣ Капитаномъ... 10 —

Бѣднѣйшимъ отставнымъ тиновникамъ:

Зиль—ну	10 —
Т ну	10 —
На погребеніе одному бѣднѣйшему чи- новнику	15 —

10 ч. Декабря Издашель получили допиз неизвѣснаго благошворителя изъ Казани 125 р. при запискѣ отъ 23 Ноября слѣдующаго содержания :

“Издашель Благонамѣреннаго сдѣлаешъ особенное одолженіе, если возьмешъ на себя трудъ раздать прилагаемыя при семь *сто двадцать пять* рублей *пяти бѣднѣйшимъ* семействамъ изъ числа претерпѣвшихъ 7 ч. минувшаго Ноября отъ наводненія.,,

Изъ сихъ денегъ роздано:

Осмидесятилѣтнему старцу Капишану Моншейну съ преспарѣлою и больною женою	25 р.
Вдовѣ Типулярной Совѣтницѣ Шершенковой съ малолѣтними дѣтьми	25 —
Коллежской Секретаршѣ Доб...евой	25 —
Вѣдному иностранцу Кр...у	25 —
Вѣднѣйшему и обремененному большимъ семействомъ Тиш. Сов. Сап...у	25 —
<hr/>	
Итого	125 р.

На канунъ праздника Рождества Христова доставлено отъ Ея Превосходительства М. Я. С. 25 р.

Изъ нихъ роздано:

Семидесятилѣтнему старцу Пелопонезскому уроженцу Адаму Васильеву (см. *Благ.* 1824, N° XVI) 5 р.

Дѣвицѣ Исаковой	5 р.
Вдовѣ Врандшѣ	5 —
—— Гринблашѣ	5 —
—— Солоповой	5 —

Итого 25 р.

1825.

3 ч. Февраля опъ неизвѣснаго	10 —
16	10 —
17	15 —

35 р.

Изъ нихъ роздано:

Дѣвицамъ Михайловымъ	30 р.
Вдовѣ Скорняковой	5 —

35 р.

На будущее время Издашель Благонамѣреннаго положилъ себѣ за правило извѣщать немедленно Публику о присылаемыхъ къ нему на благошворенія деньгахъ, а опчешы въ упошребленіи оныхъ сообщашъ по прошествіи каждаго мѣсяца. При семъ случаѣ нужнымъ находить пакже объявить, что онъ никакихъ извѣстій о бѣдныхъ опъ людей, вовсе ему незнакомыхъ, или скрывающихъ опъ него свое имя, помѣщашъ въ своемъ Журналѣ не будешъ.

Вотъ наступаетъ спраспная недѣля и приближается свѣпый праздникъ! Кто собирается говѣшь, кто думаетъ о обновленияхъ, а кто о шомъ, какъ бы доспашь хошя спаренькое плашье, или обувь, что бы сходить въ первый день праздника къ заупрени и къ обѣдни. Къ Издашелю *Благонимѣреннаго* будущъ приходитъ щенерь вдовушки, не молодая, а спарья и вѣрно скажутъ: *негелѣ разговѣтъся!* Куда ему опъ нихъ дѣтъся? — Почпешѣшя чипашельницы и чипашели *Благонимѣреннаго!* Души чувствительныя, благородныя, досщупныя всему соспращашельному и высокому! Пренеситесь мысленно на высокѣ чердаки, или въ сырыя подземелья, гдѣ шомишя убожешво, гдѣ спаросшь и младенчешво терпятъ нерѣдко холодъ, а иногда и голодъ, гдѣ часто черешвый кусокъ хлѣба обливаешя слезами горести... помогите чемъ можете бѣднымъ вдовушкамъ—спарушкамъ, немощнымъ спаричкамъ... дѣвицамъ, копорья давно уже переспали думашь о женихахъ, бѣднымъ сироточкамъ—кросщечкамъ... а они помоляшя за васъ въ первый день праздника, и на впорый и всегда будущъ объ васъ молишя. Многя *изъ бѣдныхъ истинно* и не придущъ къ Издашелю: чемъ кто бѣднѣе, шемъ скромнѣе; но Издашель не полѣнится самъ, при всей толщинѣ своей, взбирашясь

по худымъ лѣспницамъ къ бѣднымъ на чердаки и не поскучимъ проспояшь нѣсколько минушь согнувшись въ какомъ нибудь подземельѣ. Это самый приятный и полезный моціонъ, особливо на снраспной недѣлѣ. Издашель, приобрѣтшій въ печеніи восьми лѣтъ нѣкошорую опышность по филантропической часпи, смѣло можетъ увѣришь почтеннѣйшихъ своихъ чипашельницъ и чипашелей, что присылаемыя къ нему для бѣдныхъ деньги не будутъ ими употреблены ни на *табакъ* *), ни на спиршовое, ни даже на...*кофей*.

И.

mmmmmm

*) См: IX N° Благонамѣреннаго нынѣшняго 1825 года, стран. 305.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1825. N° XIII.

ДѢЛО ОТЪ БЕЗДѢЛЬЯ,

или

Краткія замѣтанія на современныя Журналы.

В. Вѣстникъ Европы. Въ лежащихъ передо мной прехъ первыхъ книжкахъ *Вѣстника Европы* всѣ прозаическія спашьи весьма занимательны; но какъ не принадлежать онѣ собственно къ *Литтературѣ*, шо скажу нѣсколько словъ о нѣкошорыхъ стихошвореніяхъ.

Читайя второй нумеръ, какъ пожалѣлъ я о бѣдномъ Гораціи! Чего и ошъ кого онъ не шерпѣлъ! За шо ужъ и онъ порядочно опшплачиваетъ своимъ *Лиритескии* переводчикамъ — несмотря на шо, что они со всеусердіемъ спараются угождать ему размѣрами: все какъ-шо выходитъ у нихъ либо невѣрно, либо смѣшно. Упошребленный, напримѣръ, въ переводѣ Оды къ *Пиррѣ* размѣръ начинаешся, по увѣре-

нію Преложителя *спондеемъ* (— —); но скажите пожалуйста: еспь ли спондей въ слѣдующихъ словахъ, которыми начинаюся стихи Оды, за исключеніемъ перваго стиха, имѣющаго въ началѣ два односложныхъ слова: *кто сей*, называемыя по вольности стихопворной и длинными и крапкими:

*Подъ наметомъ, безъ цбранствъ для
кого, колцы, не однажды, клятвы, ужа-
снется, вѣрный, горе, и пр.?*

И такъ лучше было бы не выспавлять знаковъ—да и къ чему они? Для незнающаго не нужны, знающаго не принудятъ принять хорей за спондей.

Переводъ Оды къ *Лицинію* — несравненно прияннѣе, хопя и написанъ ямбомъ. Нѣкоторыя полько выраженія не полюбилась мнѣ, напрымѣрь:

Не жлись къ брегамъ: они не вѣрны.

Что такое *невѣрные брега*? Въ подлинникѣ *Littus iniquum* не то значить.

Примѣрно удаленіе ошь подлинника и въ семь выраженіи:

Умѣй, Лициній, и собратъ

Въприла въ счасшіи надушмы.

...sapienter idem contrahes vento nimium
secundo turgida vela.

Какъ шрудно быть хорошимъ переводчикомъ Классиковъ!

Спихи: *Прощаніе* Г. Бороздны—очень хороши. Можно только замѣшить, что въ слѣдующихъ спихахъ:

И въ часть, когда къ мольбѣ смиренной
Ветерній благовѣсть *порой*
Сзовешъ селянъ во храмъ *родной* ...

Слово: *порой*, совершенно лишнее, хопя и модное. О выраженіи: *родной храмъ*, слѣдовало бы пополковать съ знапоками, (да гдѣ взять ихъ въ деревнѣ?) а мнѣ самому кажется оно спраннымъ. Говорящъ родная, или родимая сторона, вообще о помѣ мѣстѣ, въ копоромъ родились; но родная церковь, родный шеатръ, родный манежь, и пр. едва ли сказать можно.

Мысли и замѣтанія Г. Нетаева доставили мнѣ большое удовольствіе.—Съ Анаграммою (на концѣ книжки) *Domus Lescinia* встрѣпился я, какъ съ давнишнею знакомкою: помнипся, читаль ее въ *Словарѣ древней и Новой Поэзіи*, подъ словомъ: *Анаграмма*.

С. Украинскій Журналь. Признаюсь, очень неприятно мнѣ было, когда въ первой книжкѣ увидѣлъ я *окончаніе* похвальнаго слова Агезилаю, а въ прешней *окончаніе* о Лунѣ. Подписавшись на сей журналъ съ текущаго года, я долженъ или не чипашь начала упомянутыхъ піэсъ, или купить прошлогоднія книжки. Очень жаль! — Можно, кажешся, ошъ подписывающихся на журналы подашь къ Гг. Издашелямъ оныхъ формальное прошеніе объ окончаніи піэсъ съ окончаніемъ года.

Всѣ списки въ первомъ номерѣ — съ риемами, выключая чешвероспишія подъ названіемъ: *Примолвка*. Въ этой примолвкѣ Дубь выговариваешъ Троспи, зачешъ она гнешся и не споишъ швердо прощивъ вѣпра, а она ошвѣчаешъ съ возклиданіемъ:

Ахъ! лучше гнушся мнѣ

Коль силъ не достаешъ прошивишся ему.

Бѣдная проспчка! — И пословица по же говоришъ: *сѣ сильнымъ не борись, сѣ богатымъ не тягайся*. — Бѣдное чешвѣчешво!

Во 2 номерѣ списки: *Бѣгство Елены*, Г. Раешкаго: довольно гладко написаны;

но встрѣчаются въ нихъ неправильности прошивъ языка и слоупосложенія, напр: Елена идешь и вдругъ едва *удержитъ* спопы! Надлежало сказать *удерживаетъ*, да и *вдрузъ* лишнее. — *Избрала* вмѣсто *избрала*. О бѣдности нѣкопороыхъ риемъ—ни слова.

Въ *Наставленіи сыну моему*, соч. Г. Дунина Борковскаго, замѣчательны сід два стиха:

Не строго ты суди другихъ,
Но самъ къ себѣ судья будь строгой.

Его же *Признаніе* весьма удачно написано односложными стихами:

Тебя
Любя,
Я радъ
И въ адъ, и пр.

Въ Н. 3.—Сочиненіе: *Древо смерти*, слѣдующимъ стихомъ, описывающимъ побѣгу красавицы *Заравы*:

Въжишь въ нѣмой тоскѣ *подъ древо смерти*
ти тѣнь.
—попчасъ напомнило мнѣ опличнѣйшее двусложіе:

Подъ воздухомъ просперъ свой ходъ весе-
 лый чистымъ,
 Поѣхаль, какъ Непшунъ, по водѣ верхамъ пѣ-
 нистымъ.

Болѣе же сего не имѣеть оно никакого
 достоинства.

Во всѣхъ трехъ номерахъ Украинска-
 го Журнала напечатано сочиненіе Г. Кул-
 жинскаго подъ названіемъ: *нѣкоторыя за-
 мѣтанія, касательно исторіи и характе-
 ра Малороссійской поэзіи.* — Не зная, къ
 сожалѣнію моему, Малороссійскаго нарѣ-
 чія, могу я только сказать, что сочине-
 ніе сіе написано весьма хорошо: слогъ
 чистъ, мысли правильны. Осмѣливаюсь
 одно только спросить: не уже ли нѣшь
 Малороссійскихъ пѣсень, лучшихъ проши-
 ву приведенныхъ Авпоромъ? Ибо

Полюбила Пешруся
 Да й сказати боюся...

или

Мини съ жинкой не возишься;
 А шиюнюнь да люлька
 Козаку въ дорогъ знадобишься. —

— Не могушь, кажешся, произвести вѣжнаго чувсшва ни въ пѣвцѣ, ни въ слуша- шелѣ. На концѣ сочиненія, опдавая долж- ную справедливостъ Г. Копляревскому за его Энеиду, присовокупляетъ, что сія прекрасная Пародія дойденъ до позднѣй- шаго попомсшва. Нѣтъ спора, что Эне- ида Г. Копляревскаго дойденъ до позд- нѣйшаго попомсшва, но не какъ *Пародія*, а какъ *выворотъ на изнанку*, ибо между сими двумя видами Поэзіи есть великая разностъ. “*Изнанкою* называепся описа- ніе шупочнымъ и даже низкимъ слогомъ тѣхъ происшесшвій, кои преже по важ- ности своей описаны были слотомъ вы- сокимъ; а *Пародія* соспоишь въ примѣ- неніи того же сочиненія къ другимъ происшесшвіямъ и къ другимъ лицамъ, съ перемѣною нѣкоторыхъ выраженій.”

Сельцо Соколово.

Февраля 24 дня

1825 года.

НЕСЧАСТІЯ ОТЪ СЛЕЗЪ И ВЗДОХОВЪ.

Повѣств.

(Окончаніе.)

55.

И вошь Эрасшъ въ Москвѣ, и на другой день первые лучи солнца освѣпили его на могилѣ Людора!

Въ полдень онъ занялся распоряженіемъ оставленнаго ему имѣнія... потомъ опобѣдалъ — уснулъ и весь вечеръ пропи-саль... все письма въ Беззабопино! Къ кому? ... вы угадаете! Трудно, очень трудно было Эрасшу привыкнутьъ къ городской жизни... но прошла недѣля, другая... и онъ приучился къ разлукѣ съ Беззабопинымъ. Ко всему можно привыкнутьъ — даже къ эпиграммамъ и сапирамъ, копорыя градомъ посыпались на Эрасша, когда онъ издалъ свое чувспвишельное пушешесствіе... ко всему можно привыкнутьъ! Письма въ Беззабопино шли своимъ порядкомъ — опвѣща никогда не было; но всякой при-ѣхавшій опшуда непременно заходилъ къ Эрасшу и рассказывалъ ему о Богапоно-

вѣ, о Юліи, о управителѣ и незабвенной плѣмянницѣ его ... И вошь одинъ разъ приѣзжаетъ опшуда буфешчикъ Климъ. Эраспъ любилъ его за то, что Климъ имѣлъ въ полномъ распоряженіи своемъ и вино и хлѣбъ... Климъ также не былъ равнодушенъ къ Эраспу, потому что на имя Эраспово не одну дюжину хорошаго вина перебралъ онъ въ свои руки. И такъ является Климъ —кланяется, радуется и начинаетъ свой рассказъ. Само собою разумѣется, прежде о барышнѣ, потомъ о баринѣ, потомъ объ управителѣ и наконецъ о его плѣмянницѣ. Тутъ-то и ожидалъ его Эраспъ. —“Ну чтожь? Чтожь она?“, прервалъ онъ, съ пылающими щеками. —Что ей дѣлается, сударь! Здорова ... и веселился! —“Ужь и веселился!...Невозможно! И чему же?“, —Какъ сударь! Развѣ вы не знаете ничего? —“Ничего! Я? я совсемъ ничего не знаю!“, — Она выходитъ замужъ ... —“Замужъ? за ко-го?“, говоритъ Эраспъ умирающимъ голосомъ. —За Павла, баринова камердинера...Еслибъ въ Эраспа въ эту минуу выпрѣлили изъ Кремлевской пушки, онъ право не почувствовалъ бы того ... такъ поразилъ его Климъ немногими словами

—Эраспъ невольно опустился на спуль... смерпная блѣдноспъ покрыла лице его... голова закружилась, и есплибъ онъ закрыль въ эту минушу глаза, но Климпъ подумаль бы, что Эраспъ совсемъ умеръ...Федопъ! Федопъ! Сюда! сюда! закричалъ Климпъ... бросившись изъ комнаты Эрасповой... И вопъ Федопъ спойтъ уже подлѣ Эраспа, поддерживая спинку спула, на кошоромъ сидишь спрадалецъ, блѣдный съ неподвижно оспановившимися глазами и дрожащими губами... А Климпъ уже далеко! Ахъ Климпъ! зачемъ ты заѣзжалъ къ Эраспу!

56.

И три часа сряду сидѣль Эраспъ въ безмолвномъ оцѣпененіи... когдажь грудь начала сильнѣе и сильнѣе воздыматься, и вздохи полетѣли изъ нея... слезы полились такъ спремипельно, что въ пяшь минушь и манжешы и камзоль и колѣни Эрасповы были какъ въ водѣ! Федопъ только дивился, откуда берется эта роса чувствипельности? Онъ, у кошораго текупъ слезы только опъ крѣпкаго нюхальнаго табаку и по напощакъ!

Бываюпъ такія горькія минушы въ

жизни, въ кошорыя человекъ понимаетъ только, что все для него погибло! ... Эпи ужасныя минуты достались на долю Эраспа ... Все кончено для него! Онъ утонулъ въ морѣ бѣдствія!

Тихо, спокойно, не говоря ни слова, береть онъ свою шляпу...и не отвѣчая Осе дошу на всѣ его вопросы, идетъ на *Воганьково*. Тамъ ... сокрыто его истинное блаженство: Марья и Людоръ; тамъ наслаждающыяся они незаходимымъ солнцемъ радостей, и Эраспъ — съ зависію смотритъ на драгоценныя для него могилы ... Младенчество и юность оживаетъ въ его памяти при гробахъ незабвенныхъ для него свидѣтелей! Онъ бросается на хладную могилу, скрывающую Марію ... и разперзанному сердцу его какъ будто спало легче ... какъ будто что-то согрѣло его ... и ему приятно! и въ сердцѣ его одно упѣшительное желаніе навсегда лечь подлѣ Маріи и Людора! Въ умѣ его нѣтъ ни одной ясной и опредѣлительной мысли ... онъ только чувствуетъ, что лежитъ на гробахъ родныхъ своихъ, и ему приятно! И въ такомъ положеніи пробылъ онъ до самой ночи ... Спорожь клад-

бищенскій нашель его и напомнилъ, что пора возвратишься въ городъ. Услыша человеческій голось, Эраспъ вспалъ... еще разъ обнялъ могилы Маріи и Ліодора, и не отвѣчая ничего сторожу, пошелъ въ городъ. *Въ городѣ!* Вошь слово, кошорое коснулось его ушей... и разспревожило сущесиво его. “Въ городъ! Я иду въ городъ! — думалъ онъ — шуда, гдѣ шысячи людей въ немъ живущихъ чужды для меня какъ кресны на незнакомыхъ могилахъ!”, — Ночь прешемная; ни звѣздочки на небѣ! — Онъ идешь... спокійно, шихо, уже приближаешься къ Ваганьковской засцавѣ — вдругъ...

57.

Спая собакъ, съ лаемъ бѣжишь на встрѣчу къ Эраспу... онѣ уже близко .. уже подлѣ него ... окружающъ ... и напали! Въ мигъ не спало обѣихъ полъ его кафшана .. локши и колѣна изорваны ... О благодѣшельная судьба! безъ эшихъ собакъ Эраспъ не опомнился бы опъ своего горя! Но когда онѣ, разорвавши его плашье, спали кусанъ и его шѣло ему показалось что ночь перемѣнилась въ день... онъ поднялъ крикъ — побѣжалъ — собаки за нимъ...

и до самой заспавы... за нимь... Тупь онь опдохнулъ — опомнился и скорыми шагами пошелъ на свою квартиру. Прояснившійся разумъ его напрасно спрашиваетъ у памяти, какъ онь Эраспъ забрелъ на кладбище и ночью... Онъ спѣшитъ... онъ шорохнулся... въ разорванный мѣспа его плащя продуваетъ вѣтерокъ; раны онъ собачьихъ зубъ спанованна чувствительнѣе съ каждымъ шагомъ... Наконецъ онъ дома... Входишь... и Федось, взглянувъ на своего барина, онъ ужаса падаетъ передъ нимъ на колѣна... Эраспъ блѣденъ, безъ шляпы, волосы всклокоченные, все платье въ лоскутьяхъ и изъ свѣжихъ ранъ течетъ кровь. И все это онъ того, что управительская племянница выходитъ замужъ за камердинера Павла. Скажише. послѣ этого: умѣешь ли Эраспъ любить и чувствовать? — и не несчастны ли наше созданы женщины? А дурную шутку сыграла съ Эраспомъ управительская племянница! Вѣдь онъ при смерти болѣнь: лежитъ седьмой день, не пьетъ, въ бреду! Мавра и Федось не отходятъ онъ него. Лѣкаръ, Иванъ Борисовичъ Смернодавъ, два раза въ день

навѣщаетъ больного, и что придетъ, по новый рецептъ; лѣкарство за лѣкарствомъ, и послѣднее всегда дороже. Благотѣпелная природа и одержала бы верхъ надъ болѣзнію и Ивановъ Борисовичемъ, еслибъ не одинъ убійственный случай, кошорый я сей часъ расскажу.

58.

Помните ли Маркиза Глаголя? Генія Богачионовской фабрики? Ну, вѣдь эшошь Маркизь Глаголь сошелъ съ ума! И опяшь виновата женщина..и эша женщина...вы ее поже знаете: Юлія! Шутка, кошорою она опплашила Маркизу и Эраспу за сатиру и эпиграмму, эша шутка споила Маркизу — всего разсудка его, копия въ свое оправданіе Юлія и говоришь, что онъ только переродился изъ дурака въ сумасшедшаго! Но эшо не оправданіе. Дураки вездѣ—они свободно живутъ, гдѣ имъ угодно; а сумасшедшихъ запирають въ особенные домики...Какъ угодно, а Юлія все виновата, что Маркизь сошелъ съ ума! Думая объ оскорбленіи, ему сдѣланномъ и ушѣшая себя подъ часъ будущимъ, когда онъ можешъ опмстить свою обиду, Мар-

жизнь наконецъ такъ живо вообразилъ себя въ этомъ будущемъ, что и наяву спалъ выдавая себя за разныхъ лица. Прежде всего спалъ онъ украдкой бросающъ во всѣхъ камешки, и когда его ловили, пвердиль, что онъ *галерный невольникъ*... Потомъ спалъ увѣряющъ, будто онъ Французъ, бывшій въ Африкѣ, и наконецъ въ воображеніи своемъ дослужился до чина Полковника..нечего было дѣлать Богашонову, и онъ уже собирался опослать своего генія въ Преображенское, шемъ болѣе, что Маркизь спалъ нестерпимо грубо и дерзко, какъ вдругъ въ одинъ вечеръ Маркизь пропалъ. Пропалъ Маркизь; искали его—и рѣшили, что онъ вѣрно пошелъ въ сосѣднее село—однако на всякой случай послали нарочнаго по Московской дорогѣ и въ Москву попому, что слышали ошъ Маркиза, что онъ собирается навѣстить Эраста. И въ самомъ дѣлѣ Маркизь пошелъ въ Москву и прямо на кварширу Эраста.

59.

Была полночь . . . шускло свѣщилась лампада въ комнашѣ больного; подгорюнясь сидѣла у его изголовья кухарка Мав-

ра—почтиительно дремалъ вѣрный Федотъ у ногъ своего барина . . . Вдругъ двери съ громомъ опворяются и Маркизь вбѣгаетъ (какъ сумасшедшій, хотѣлъ я сказать, забывши, что онъ уже давно шакой). Вбѣгаетъ Маркизь, останавливается среди комнаты, осматривается кругомъ, и начинаетъ декламировать первую сцену изъ *Дейдалий*. Вспрепенулся Федотъ, ахнула Маира.. Эраспъ . . . какъ будто почувствовалъ электрической ударъ въ спину—быстро поднимается со своей постели . . . и Маркизь, при всемъ сумасшествіи своемъ, остановилъ взглядъ на Эраспъ! Бѣднаго нельзя было почти узнать: такъ онъ исхудалъ и обезобразился болѣзнію!.. “Маркизь!”, говоритъ гробовымъ голосомъ Эраспъ!—Я не Маркизь—я Полковникъ, опвѣчаешь съ жаромъ Горланскій, если не вѣришь, вопъ-на . . . два тома моего путешествія по Африкѣ. — Сказавъ это, Маркизь расстегиваетъ свой серпукъ и вынулъ изъ бокового кармана двѣ шепради, бросаетъ ихъ въ лицо Эраспа; Эраспъ, всегда робкій, а теперь и робкій и слабый, падаетъ въ обморокъ... Федотъ бросился поддерживать ему

голову. Мавра, испуганная появленіемъ Маркіза, не смѣешь пошевелишься съ мѣста и кресишься, дрожа всею плѣломъ—“Такъ, я Полковникъ Французской службы ... хопя и не признаюшь меня за него, думая, что я все еще галерный невольникъ! Но я эшо докажу! докажу!...”, —Произнося послѣднія слова, онъ запопаль ногами, бросился къ Эраспу—и началъ шрясши бѣднаго изо всей силы. “Эраспъ! вспавай! Пойдемъ! настало время опмщенія!...”,—Ради Бога, переспавъше, сударь! - говоришь Федопъ - не шрясите барина: онъ чупъ живъ—“Ты лжець!”, опвѣчаетъ Маркизь, схвапья Федопа; но Федопъ въ одну минупу справился съ Маркизомъ...повалиль его, связаль и положиль въ кухнѣ, несмотря на крикъ его и угрозы. Ускокоенный Федопъ бѣжитъ къ своему барину—но уже поздно! ... Эраспъ переспаль существовать, плакашь и вздыхаешь..онъ перебрался въ безпечальныя селенія! Рыдаешь Федопъ, рыдаешь Мавра ...Рыдали они при его рожденіи...шеперь оплакивають преждевременную смерть его...Посланный отъ Богашонова являешся и присоединяешь свои сѣпованія о

покойномъ къ плачу вѣрнаго Федота и попечительной Мавры.—Когда же Федотъ разсказаль причину смерти Эрасовой, посланный зарыдалъ вмѣстѣ съ Федотомъ “его обмануль Климь-сказаль-онъ-обмануль! Она не замужемъ и никогда не думала о камердинерѣ Павлѣ!,, ...О Климь! Климь! что ты сдѣлалъ!....

60.

Посланный беретъ съ собою связаннаго Маркиза и опвозитъ въ Преображенское..Эраспа схоронили, Федотъ женился на Маврѣ....а потомъ чрезъ нѣскольکو времени и Юлія вышла за мужъ...Что сдѣлалось съ Капитаншею Поспрѣловою, не знаю...прочія лица, которыя являлись въ продолженіи этой повѣсти, такъ какъ и всѣ люди, жили, жили и перемерли, одинъ послѣ другаго...—Климь понесъ доспойное наказаніе за свою ложь: онъ сдѣлался разнощикомъ книжекъ у одного Журналиста...а прелестная племянница управителя Боганюнова...ахъ!...она жива еще...жива! и оль нее-по слышаль я испорію Эраспа Чернополохова.—Не видно слѣдовъ прелестней на лицѣ ея, русыя

кудри ея побѣлѣли... но она все еще любишь Эраспа... всякую недѣлю ѣздить на могилу его... Недавно были мы вмѣстѣ съ нею на Ваганьковскомъ кладбищѣ... съ нами былъ одинъ изъ Московскихъ Поэтовъ, чувствительный, нѣжный, помный... однимъ словомъ: новый Эраспъ Чертополоховъ... На камнѣ, скрывающемъ новаго Сперна, не было надписи... Я осмѣлился дружески упрекнутьъ его въ забвеніи Эраспа, и чувствительный Поэтъ пошчасъ написалъ эпитафію:

“Подъ камнемъ симъ лежитъ Эраспъ Чертополоховъ.
Скончался (въ среду) ошъ слезъ, любви и
вздоховъ!”

I.

~~~~~

ВИЛАНДЪ.

Христофоръ Мартынъ Виландъ родился 5 Сентября 1733 года въ Швабїи, въ бывшемъ Имперскомъ городѣ Биберахѣ. Отецъ его, старшій Паспоръ, былъ чело-вѣкъ весьма образованный и опличный знапокъ древнихъ языковъ. Примѣшивъ

въ сынѣ своемъ необыкновенныя способности, онъ заранѣе старался образоваць умъ его основательными познаніями. Успѣхи юнаго Виланда превзошли даже ожиданія почтеннаго его родителя: на седьмомъ году читалъ онъ съ удовольствіемъ Корнелія Непота, а на тринадцатомъ вникалъ въ духъ Виргилія и Горація, можетъ быть глубже, чемъ его учили. Къ Латинскому языку вскорѣ присоединилъ онъ Греческій и Еврейскій; у отца же своего заимствовалъ благоговѣнное чувство къ Религіи, которое однако въ послѣдствіи довольно ослабло. Склонность къ Поэзіи обнаружилась въ немъ еще до двѣнадцатаго года, и побудила его отважиться на трудный подвигъ — написать Эпоею: *Разореніе Иерусалима*, которую онъ дѣйствительно началъ, но послѣ вървато испребилъ, ибо о ней ничего неизвѣстно. На четырнадцатомъ году Виландъ вступилъ въ знаменитое училище въ Клоппербергенѣ, близъ Магдебурга, гдѣ короче познакомился съ древними, прилѣжно читалъ Ксенофонта, и начерталъ планы для многихъ стихотвореній нравственнаго и духовнаго содер-

жанія. Здѣсь же началъ онъ учипсья Англинскому языку. Пребываніе въ Тюбингенскомъ Университетѣ (1750), гдѣ онъ велъ уединенную жизнь, еще болѣе сблизило его съ Поэзією, особенно съ того времени, какъ онъ почувствовалъ нѣжную спраснь къ дѣвицѣ превосходныхъ качествъ, *Marii фонъ Гутерманнъ*, сдѣлавшейся попомъ извѣсною писательницею подь именемъ: *Marii de la Roue*. Вдохновенный ею, онъ написалъ Дидактическую Поэму: *Ueber die Natur der Dinge oder die vollkommenste Welt*, (О природѣ вещей, или совершеннѣйшій міръ) а въ слѣдъ за оною: *Анти-Овидія* и десять нравственныхъ писемъ. Сіи первые опыты Виландовой Музы особенно опличаются спрогимъ нравспвеннымъ характеромъ, чистюю, пламенною любовію къ Религіи, добродѣтели и красотиѣ идеальной.—Чтеніе Клопшюковыхъ пвореній возбудило въ Виландѣ мысль написать національную Эпопею, подь названіемъ *Арминій*, кошорая хоня была имъ послѣ уничтожена, но тогда заслужила одобреніе *Бодлера*, и доспавила своему автору дружбу и покровительство сего Папріарха

Нѣмецкой Поэзіи. Въ Бодмеровомъ домѣ, въ которомъ за годъ предъ симъ находился Пѣвецъ Мессіады, и который по справедливости можно было назвать небольшимъ храмомъ Музъ, Виландъ нашелъ самой удобной случай короче познакомиться съ твореніями мужей, бывшихъ украшеніемъ и Корнеліями вновь процвѣтающей Нѣмецкой Словесности. Здѣсь написалъ онъ: *Briefe von Verstorbenen an Mitterlassene Freunde*, (*Письма умершихъ къ оставшимся друзьямъ*), Эпическую Поэму: *der geprüfte Abraham*, (*Испытаніе Авраама*), и *Empfindungen eines Christen* (*Чувствованія христіанина: гимны и псалмы*). Плодомъ чтенія Платона и Шафтсбурри были его: *Platonische Betrachtungen über den Menschen*, (*Платоническія размышленія о теловѣкѣ*) и *Тимоклея*; средину между ними занимающъ: *die Sympathien, das Gesicht des Mirza* и *das Gesicht von einer Welt unschuldiger Menschen* (*Симпатіи, Видѣніе Мирзы и Видѣніе свѣта, населеннаго невинными людьми*). Ксенофонтова Киропедія породила въ немъ мысль предсавишь въ лицѣ *Кира* идеаль великаго и добродѣтельнаго Государя; но онъ напи-

салъ только первыя пять пѣсней сей Поемы (*Cyrus*); цѣлое же оспалось недокончаннымъ.

Всѣ сіи произведенія Виландовой молодости заслуживаютъ вниманіе только по времени, въ которое онѣ вышли въ свѣтъ (съ 1751 по 1757), и нынѣ едва ли найдутъ читателей. Эстетическое достоинство ихъ состоитъ почти исключительно въ плавномъ и живописномъ слоgѣ. Новыми идеями онѣ бѣдны; сила чувства перяется въ излишество словъ. Вездѣ видны слѣды Бодмеровоѣ школы, но въ вліяніемъ которой геній Виландовъ совершенно бы заблудился, еслибы не такъ страшно былъ привязанъ къ древнимъ писателямъ. Еще неудачнѣе были его драматическіе опыты, (Трагедіи: *Lady Johanna Gray* и *Klementine von Porretta*), послѣ которыхъ онъ возвратился въ свою сферу, въ міръ Грековъ, и написалъ первый драматическій Романъ на Нѣмецкомъ языкѣ: *Araspes und Panthea* (*Араспъ и Панвеа*), котораго содержаніе взялъ изъ прекраснаго эпизода Киропедіи. Здѣсь въ первый разъ является талантъ Поэта — изображая слабости человѣческаго сердца живыми, привлекательными красками.

Имя Виландово скоро сдѣлалось извѣстнымъ во всей Германіи. Оставивъ домъ Бодмера, въ 1754 году, онъ шесть лѣтъ провелъ въ Швейцаріи (въ Цирихѣ и Бернѣ), гдѣ содержалъ себя приватными уроками, и прилѣжно занимался (Философіею Платона, копорая была главною причиною его мечтательности и стремленія къ идеальнымъ характерамъ, встрѣчаемымъ во всѣхъ прежнихъ его сочиненіяхъ. Въ 1760 году Виландъ, по желанію своего отца, возвратился въ Биберахъ, вступилъ въ должность городского писаря, и женился на одной дѣвицѣ, копорая хотя не имѣла наружныхъ прелестей, но своими добрыми качествами сослала счастіе своего супруга.

Въ это же время Виландъ снискалъ знакомство и благорасположеніе Графа *Стадіона*, любезнаго сѣпскаго человека, копорого обращеніе произвело совершенную перемѣну въ образъ мыслей нашего Поэта. Мало помалу научился онъ смотрѣть на дѣйствительную жизнь другими глазами; прежніе идеалы его исчезли; мѣсто Философіи Платоновой заснула практическая Философія упонченной

жизни, которую онъ нашелъ въ сочиненіяхъ Шафшбурга, Гельвеція и подобныхъ имъ писателей. Все, что казалось ему мечтательностью, сдѣлалось теперь предметомъ его сатиры. Въспомогательной морали, опличающей всѣ прежнія его произведенія, появилась склонность къ роскошнымъ, сладострастнымъ картинамъ, которыя обольщая воображеніе и чувственность, вливають тонкій ядъ въ душу читателя. Впрочемъ сія черта Виландовыхъ сочиненій, которая навлекла на него справедливыя укоризны отъ просвѣщенныхъ криптиковъ и читателей, особенно женскаго пола, не происходила изъ личнаго его характера; напротивъ онъ во всю свою жизнь пребылъ вѣрнымъ исполнителемъ законовъ чистой нравственности.—Длинный рядъ стихотвореній и романовъ, въ которыхъ Виландъ показалъ себя съ сей новой стороны, открывается *Надиною*, Поэтическою Повѣстью въ родѣ Пріора. За оною слѣдуетъ романъ (1764) *die Abenteuer des Don Sylvio von Rosalba, oder der Sieg der Natur über die Schwärmerey*, (Приключенія Дона Сильвіо Розальвы, или побѣда природы надъ

метательностию,) слабое подражаніе Серванпову *Донъ Кишопу*; лучшая часть его есть вводная комическая повѣсть о Принцессѣ Бирибинкерѣ.—*Агатонъ*, вышедшій въ свѣтъ въ 1767 году и въ шредій разѣ переправленный при изданіи 1794, есть совершеннѣйшій изъ всѣхъ Виландовыхъ романовъ. Авторъ не имѣлъ намѣренія представить въ своемъ героѣ образецъ нравственнаго совершенства, но хотѣлъ только показать сколько смертный посредствомъ природныхъ силъ можешь успѣть въ мудрости и добродѣтели, и какое вліяніе имѣеть наружный міръ на образованіе нашего существа. Со споронны формы, живаго привлекательнаго изображенія различныхъ предметовъ и тонкаго познанія сердца человѣческаго, сія остроумная книга навсегда останется классическою, вопреки непостоянству вкуса; сочинитель являетъ себя въ ней истиннымъ жрецомъ Грацій, посвященнымъ въ таинства красоты и любви. Въ 1768 году вышла Поэма: *Идризъ и Зенида*, превосходящая роскошью картинъ все, что только было писано на Нѣмецкомъ языкѣ, во многихъ чертахъ сходная

съ поэмою Аріосша, и по плану своему предназначенная оспашься ошривкомъ. Въ шомъ же году появилась *Музаріонъ*, или *Философія Грацій*, Дидактическая Поэма, копорая, по прелеспи легкости и гармоніи цѣлаго не имѣеть себѣ подобной ни въ какой литературѣ.—Эпическое достоинство сихъ твореній прославило имя Виланда не только въ Германіи, но и въ другихъ земляхъ и доставило ему (1769) мѣсто Профессора изящной Словесности при Эрфуртскомъ Университетѣ. Впрочемъ общественная должность ни мало не стѣсняла шой свободы, съ копорою фанпазія его носилась ошъ одного предмета къ другому. *Стерновъ Романъ: Тристралъ Шанди* и Поэма: *the new Bathguide* возбудили въ немъ идею написати *Новаго Амадиса* (1771), въ копоромъ очень забавно изображается шоржесство внутренней духовной красоты надъ шѣлесною; но большую часть сей Поэмы составляютъ любовныя приключенія безмозглыхъ рыцарей и подобныхъ имъ Дульциней. Почему избранная Поэмою тема сама по себѣ довольно важная, едва ли заслуживала въ шполь

опранной формѣ бытъ распянушою въ восемнадцать пѣсней.—Гораздо привлекательнѣе являешся игривое воображеніе Виландово въ Дидактической Поэмѣ: *Грации*, которая была бы еще совершеннѣе, еслибъ въ ней стихи не мѣшались съ прозою. Однако и въ семъ видѣ превосходитъ она всѣ подобныя опыты, въ копорыхъ поэтически излагаешся испинное понятіе о *грации*.—Къ сочиненіямъ, болѣе философическаго содержанія, относящимся къ сему же періоду, принадлежатъ: *Nachlass des Diogenes von Sinope* (*Оставшіеся сочиненія Діогена Синопскаго*) (1770), гдѣ нѣкоторымъ образомъ содержишся общее оправданіе философическихъ мнѣній Авшора. *Руссовы* парадоксы о естественномъ состояніи челоѣка и о вредномъ на него вліяніи наукъ и художествъ засаваили Виланда написашъ (1770) большій Романъ: *Koksoqso и Kukekwe-cель и Beiträge zur geheimen Geschichte des menschlichen Verstandes und Herzens aus den Archiven der natur* (*Нѣчто для тайной исторіи челоѣческаго ума и сердца изъ архивовъ природы*). Проницательный взоръ на природу вещей, пріяпный разговоръ,

шонкая иронія и легкія, оспроумныя шупки соспавають опличительный характеръ сихъ сочиненій. — Въ слѣдъ за ними изданъ Романъ: *Der goldne Spiegel oder die Könige von Scheschian* (Золотое зеркало, или Короли Шешіанскіе), кошорый хоща принадлежитъ къ слабымъ произведеніямъ Виланда, но очень занимателенъ для ума психологическими и полишическими испинами.

(Окончаніе въ слѣд. N^o.)

Ангеликѣ *).

О глазки, глазки голубые!
 Въ нихъ вижу небо, вижу рай!
 О ручки, ручки золотыя!
 Поцѣловашь мнѣ ручку дай,
 Прелестнѣйшая Ангелика!...
 Какъ ручка у шебя мила!
 Благоуханна, не велика!
 А какъ нѣжна! а какъ бѣла!
 Счасливъ, когда ее цѣлую..

---

*) Къ сочиненію сихъ стиховъ дало поводъ Авшору прекрасное обращеніе къ ножкамъ въ Поэмѣ: *Евгеній Онегинъ*. Прил. Сог.

О Ангелика! улыбнись...
 Теперь пожалуй мнѣ другую
 И ею къ сердцу прикоснись.
 Ты въ эпомъ сердце, Богъ свидѣтель!
 Давно уже живешь, давно;
 Люблю себя, какъ добродѣтель,
 Люблю обѣихъ васъ равно.
 Клянуся, что не переспану
 До тѣхъ поръ васъ равно любишь,
 Пока навѣки не увяну .
 О Ангелика! можешь быть,
 Ты иногда о мнѣ вспомнешь,
 Когда мой другъ, мой ангелъ, взглянешь
 На ручки бѣлыя свои,
 И про себя со вздохомъ скажешь:
 “Какъ ручки оны любилъ мои!”,
 Б. Ц. Лардел...

~~~~~

Романсѣ *).

Пойми меня — тебѣ пвердять
 Мое невольное смяшенье
 И шихой грусти полный взглядъ
 И нѣжной спрассти упоенье —
Пойми меня!

*

Ахъ! не спрашисъ меня понять:
 Тамъ нѣтъ измѣны, гдѣ спраданья ,

*) Попрошу положить на музыку. Изд. Бл.

Гдѣ скорби на челѣ печать;
 Укрой меня лишь опъ признанья —
Пойми меня!

*

Пойми меня! — веснѣ моей
 Не дай ошцвѣсть среди помленья;
 Коль нѣтъ любви въ душѣ швоей —
 Увы! ... хошя изъ сожалѣнья —
Пойми меня!

Козельскѣ.

А. Вострѣль.

~~~~~

Людмила.

(при подареніи куклы.)

Пусть эпа кукла утѣшаетъ
 Тебя, Людмилочка другъ мой!
 Но вмѣстѣ съ ней напоминаетъ
 Нашъ частый разговоръ съ тобой,
 “Что по нарядамъ не возможно
 “О людяхъ никогда судишь;
 “Одни доспоинспва лишь должно
 “И красоту души цѣнишь..”

Вотъ видишь, въ золошомъ уборѣ
 И кукла очень хороша;
 Ну поици же въ разговорѣ
 Гдѣ умъ у ней и гдѣ душа?

Затемъ прошу тебя спарашься
 Себя опъ куколѣ опличать,
 Нарядомъ меньше занимаешься;
 Но разумъ свой образовашь.
 Сразишь меня, коль люди скажутъ:
 “Чершы лица и хороши;
 “Но ни ума нѣтъ, ни души!”,
 И пальцемъ на тебя покажутъ.

Марья Даргомыжская.

~~~~~

Благотворенія.

Издапель *Благонамѣреннаго* получилъ
 опъ неизвѣстныхъ благотворителей для
 раздачи бѣднымъ по его разсмотрѣнiю, а
 именно:

- 21 ч. минувшаго Марша *сѣ легкой руки*
 опъ одного добрыйцаго чловѣка,
 при чпенiи въ коррекшурномъ лисп-
 къ XII № сшашь о благотворе-
 нiяхъ 20 р.
 Дай Богъ ему хорошую невѣсту!
- 22, опъ сшрастнаго любителя музыки,
 пропустившаго весьма хорошiй кон-
 цершъ 10 —
- 24, опъ благосердаго и благонаравнаго
 юноши В. 10 —
- 25, опъ неизвѣстной благотворишель-
 ной дамы 250 —
- 26, опъ N. N. 55 —

340 р.

Изъ нихъ роздано:

Осмидесятилѣтнему старцу К. Монтейну съ пресшарѣлою и дряхлою женою	25 р.
Бѣднѣйшему чиновнику Г-ну съ малолѣтними дѣтьми	15 —
Тремъ бѣднѣйшимъ чиновникамъ и опцамъ съ семействъ, одному 10, а двумъ по 5 р.	20 —
Иностранцу Кр.	10 —
Тремъ пожилымъ, бѣднымъ и больнымъ дѣвицамъ Михайловымъ	30 —
Женѣ бѣднѣйшаго чиновника Добр... съ малолѣтними дѣтьми	10 —
Бѣднѣйшей дѣвицѣ Егоровой	10 —
Кунеческой дочери Касапкиной, сиротѣ и слѣпой отъ рожденія	10 —
Увѣчной дѣвицѣ Исаковой	5 —

Вдова иб:

Шершенковой (см. VIII № Благ. 1824)	25 —
Изъ числа восьми дѣтей сей несчастнѣйшей вдовы, старшіе двое стараніемъ добрыхъ людей пристроены къ мѣсту, одно скончалось, а при ней остается еще пятеро сиротъ.	
Гринбашъ	10 —

Максимовой	10 р.
Васильевой	5 —
Спиридоновой	5 —
Филашовой	5 —
Ширяевой	5 —
Коровниковой	5 —
Афанасьевой	5 —
Ивановой	5 —
Булавкиной	5 —
Мамониной	5 —

225 р.

Зашемъ въ оспашкѣ къ 1 ч. Апр. 120р.,
 которыя бѣльшую частію уже и розданы
 въ первыхъ числахъ нынѣшняго мѣсяца.

Сверхъ того 27 ч. минувшаго Марша
 прислано къ Издашелю опъ одной почтен-
 ной дамы, для доставленія бѣдной вдовѣ
 Шершенковой, два дѣтскихъ мужскихъ
 плашня изъ нанки, да два женскихъ: одно
 ситцовое, а другое мериносное и шелк-
 вый капотъ на вапѣ, большій кусокъ хол-
 спа и пасма нипокъ — да для бѣднѣйшаго
 чиновника Сап. десять и для увѣчной дѣ-
 вицы Исаковой пять рублей. — Доставлены
 и приняты съ чувствомъ искренней бла-
 годарности.

И.

~~~~~

Эпиграмма.

Твои способности, Калиспъ, давно извѣсп-
ны :

Ты пишешь векселя и временемъ спиши;
Хотя послѣдніе и вялы и плохи —
Зашо ужь первые прелестны!

Козельскѣ.

А. Б. р. лѣ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ХХІХ ЧАСТИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Оды и проч. лир. стих.

страг.

Любимцу Форшуну	5.
На больнь С. Д. П.	222.
Мечта	308.

Пѣсни, Романсы, и проч.

Куплеты на день рожденія жены моей	14.
Счастіе въ уединеніи	275.
Узникъ	310.
Пѣснь пустынника	359.
Пустыня	404.
Пойми меня, и проч.	480.

Посланія:

Н. Я. За—у	6.
О. Г. С—вой	405.
Осень. Элегія	454.

Басни:

Черный копь	9.
Лошадь съ возомъ	65.
Скупой	102.
Пчелка	103.

Воровъ	103.
Добродѣшель и Порокъ	252.
Два плуга	—
Посоль Смерти	—
Любовь и Дружба	408.
Мотылекъ и Червякъ	—
Левъ и Болки	—
Кошъ и Бѣлка	456.

Сказки:

Дѣтское простодушіе	133.
Свекровь и Невѣстка	220.

Разговоры:

Больная жена	101.
Слабосшь	104.

Смѣсь.

Внучкѣ - именинницѣ	65.
С. М. Я-ву, въ день его именинъ	64.
Возраженіе пьяницы	68.
Жизнь - спектакль	104.
Въ альбомѣ Н. В. Д.	134.
Красавицѣ, поднесшей приятное вино	155.
Моя молишва	253.
Къ Паспушкѣ, просившей фіалки	273.
Наказаніе	274.
Новобрачнымъ И. И. и П. Е. Г—мб	276.
Въ альбомѣ N. N.	277.

III

спрак.

Оракулъ	360.
Сила красоты	361.
Ангеликъ	479.
Людмилъ (съ куклою)	480.
Надписи къ портретамъ	409.
Надеробіе	136.
Эпитафіи . . . . . , 16, 67 и	410.
Эпиграммы . . . . . 68 и	485.
Экспромпты . . . . . 16, 66 и	277.
Вопросы и Отвѣты	191.
Шарады . . . . . 194 и	362.
Анаграммы . . . . . 225 и	410.
Омонимы . . . . . 226 и	264.

Проза.

Повѣсти и Анекдоты.

Несчастіе опъ слезъ и вздоховъ	86,
125, 386, 411 и	458.
Анекдотъ объ одномъ несчастномъ сѣ-	
мействѣ острова Хіо	204.
Вечеръ у сельскаго священника	352.

Разныя сочиненія и отрывки.

Страсть къ эпитафіямъ	17.
О наводненіи въ С. п. бургѣ. <i>Письма</i>	
къ П. Л. Я. . . . . 25 и	73.
Аршистъ и Амашеръ	71.
Карнавалъ и Маскарадъ	175.
Веселое путешествіе. <i>Письмо Изд. къ</i>	
<i>старшей его дочери</i> . . . . . 263 и	424.

Простии къ юности	270.
Я этого ожидала	278.
Исканіе кладовъ на канунъ Иванова дня .	299.
Пять дней изъ моего Прапорщичьяго Журнала	335 и 373.
Письмо Ниноны Ланкло къ Маркизу Севише	399.

Маленькіе Разговоры:

Госпья и Невѣста	37.
Госпья и Дитя	251.
Журналистъ и Разнощикъ	—
М. М. и Сшаруха	303.
М. и вдова Побирашкина	304.
Дѣла и сѣмейство Бѣдняковыхъ . . .	305.

II. ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ И ИСКУССТВА.

О Краснорѣчіи	19.
О нравѣ и характерѣ Нѣмцевъ .	159 и 195.
Нѣчто объ Италіанской Поезіи . . .	170.
Письмо П. А. Демидова къ И. И. Шу- валову	188.
О пребываніи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТО- РА АЛЕКСАНДРА I въ Екатерин- бургъ	209 и 225.

Жизнеописанія :

Клопшпокъ	47.
Петръ Арешино	105.
Виландъ	469.

III. КРИТИКА.

Замѣчанія на двѣ новыя Басни И. А.

Крылова . . . . . 110.

Дѣло ошъ бездѣлья, или крашкія замѣ-
чанія на современные журналы .. 237,
437 и 450.Замѣчанія на переводъ статьи: *Крат-
кое Обзорѣніе Военной Исторіи совре-
менъ Людовика XIV*, и пр. . . . 362.

IV. СМѢСЬ.

Мысли, характеры, портреты и кар-
тины изъ свѣтской жизни..281 и 312.

Нравоучительныя мысли . . . . . 292.

Крашкія анекдоты . . . . . 29, 69 и 320.

Анекдоты о ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ . 147.

Выписки изъ новѣйшихъ иностранныхъ
журналовъ . . . . . 136.

Всякая всячина . . . . . 32.

Книжныя извѣстія 37, 82, 123, 155, 254 и
321.

Разныя объявленія .. 224, 297, 328 и 332.

Благонворенія . . . . . 444 и 482.

